

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

2 (20) 2012

**Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:
Северо-Западного федерального округа**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН (Республика Коми)

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
(Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического
университета

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН
(Республика Башкортостан)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля
2010 года №6/6 журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публи-
кации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Редакционный совет:

академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Окрепилов** (Санкт-Петербург, Россия)

академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)

академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)

член-корреспондент РАН **В.Н. Лаженцев** (Сыктывкар, Россия)

проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)

д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)

д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)

д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)

проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)

д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (г. Санкт-Петербург, Россия)

д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)

д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)

д.т.н. **Ю.Я. Чукреев** (Сыктывкар, Россия)

д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)

доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)

проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова

д.э.н., проф. А.Г. Воробьёв, д.э.н., проф. Е.С. Губанова

к.и.н. К. А. Гулин (зам. главного редактора)

к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. Г.В. Леонидова

к.э.н. М.Ф. Сычёв (зам. главного редактора)

к.э.н. С.В. Терехова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

2 (20) 2012

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West federal district

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North
Komi scientific centre of the Ural RAS department (Komi Republic)

Institute of Economics of Karelian scientific centre of RAS (Karelia Republic)

G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola scientific centre of RAS (the Murmansk region)

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda region)

and according to the decision of St. Petersburg State University of Engineering and Economics administration

and other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (№6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

Editorial council:

RAS academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)

RAS academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)

RAS academician **V.V. Okrepilov** (St. Petersburg, Russia)

Belarus NAS academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)

Belarus NAS academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)

RAS corresponding member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)

Professor **J. Sapir** (Paris, France)

Doctor of Economics, professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)

Doctor of Economics, professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)

Doctor of Economics, professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)

Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)

Doctor of Sociology, professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)

Doctor of Economics, professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)

Doctor of Economics, professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)

Doctor of Technics, professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)

Doctor of Technical Sciences **Yu.Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)

Doctor of Technics, professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)

Doctor, professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)

Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)

Chief editor – V.A. Ilyin

Editorial board:

Doctor of Economics, professor L.A. Anosova

Doctor of Economics, professor A.G. Vorobyov

Doctor of Economics, professor E.S. Gubanova

Ph.D. in History K.A. Gulin (deputy chief editor)

Ph.D. in Economics K.A. Zadumkin

Ph.D. in Economics G.V. Leonidova

Ph.D. in Economics M.F. Sychev (deputy chief editor)

Ph.D. in Economics S.V. Terebova

Doctor of Economics T.V. Uskova, Doctor of Economics A.A. Shabunova

Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view

Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Ильин В.А.</i> Развилка нового политического цикла	9
---	---

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

<i>Якунин В.И.</i> Постиндустриализм: опыт критического анализа	18
---	----

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Глазьев С.Ю.</i> Почему Путин?	31
<i>Селин В.С., Зайцева Е.И., Истомин А.В.</i> О приоритетах государственной политики в северных регионах	38

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

<i>Дедков С.М., Егоров В.К.</i> Российско-белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений: восстановление единого научного пространства	50
<i>Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я.</i> Моделирование внешнеэкономической деятельности регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь	60
<i>Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Шухатович В.Р., Артюхин М.И.</i> Социально- демографические аспекты развития трудового потенциала	71
<i>Шабунова А.А., Шахотько Л.П., Боброва А.Г., Маланичева Н.А.</i> Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий	83

ОТРАСЛЕВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Селин М.В., Усков В.С.</i> Состояние и тенденции развития плодово-ягодного рынка в северо-западных регионах России	95
<i>Советов П.М., Федорков А.И., Кабичкин С.Е.</i> Методологические аспекты оценки состояния и использования человеческого капитала	104
<i>Острецов В.Н., Жильцов В.В.</i> Эффективность механизации животноводства	115

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Николаев А.Е.</i> Государственно-частное партнерство в научно-технологической сфере оборонной промышленности: российские реалии и международный опыт	120
<i>Шерин В.А.</i> Исследование связи статистических показателей инновационных процессов и социально-экономического положения региона	133

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Стыров М.М.</i> Тенденции финансового обеспечения социальной сферы северных регионов России	140
<i>Курило А.Е., Немкович Е.Г.</i> Духовная составляющая инвестиционного процесса в Республике Карелия	154

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

<i>Дороговцева А.А., Ерыгина А.В., Дороговцев А.П.</i> Реализация экономического механизма регулирования охраны окружающей среды (на примере водных объектов)	163
Summary	171
Сведения об авторах	175
Требования к оформлению статей	181
Информация о подписке	186

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

<i>Ilyin V.A.</i> The forc of a new political cycle	9
---	---

THEORETICAL ISSUES

<i>Yakunin V.I.</i> Post-industrialism: the experience of critical analysis	18
---	----

DEVELOPMENT STRATEGY

<i>Yakunin V.I.</i> Post-industrialism: the experience of critical analysis	31
<i>Selin V.S., Zaitseva E.I., Istomin A.V.</i> Tax tools and state guarantees in the northern regions	38

RUSSIAN AND BELARUSIAN ACADEMIC SCIENTIFIC COOPERATION

<i>Dedkov S.M., Egorov V.K.</i> Scientific collaboration between Russia and Belarus at the first stage of allied relations: the restoration of a single research area .	50
<i>Uskova T.V., Selimenkov R. Yu., Asanovich V. Ya.</i> Methodological modeling aspects of foreign-economic activity in the regions of the North-West Federal District and the Republic of Belarus	60
<i>Shabunova A.A., Leonidova G.V., Shuhatovich V.R., Artyukhin M.I.</i> Socio-demographic aspects of labour potential development	71
<i>Shabunova A.A., Shakhot'ko L.P., Bobrova A.G., Malanicheva N.A.</i> Able-bodied population mortality in Russia and Belarus as a threat to the demographic development of the territories	83

BRANCH-WISE AND REGIONAL ECONOMY

<i>Selin M.V., Uskov V.S.</i> The state and developmental trends of fruit and berry market in the North-Western regions of Russia	95
---	----

<i>Sovetov P.M., Fedorkov A.I., Kabichkin S.E.</i> Methodological aspects for the assessment of the state and use of human capital	104
<i>Ostretsov V.N., Zhiltsov V.V.</i> The effectiveness of livestock farming mechanization	115

INNOVATION DEVELOPMENT

<i>Nikolaev A.E.</i> Public-private partnership in the scientific and technological sphere of defense industry: Russian and foreign experience.....	120
<i>Sherin V.A.</i> Investigation of the connection between the statistical indicators of innovative processes and the socio-economic situation in the region	133

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Styrov M.M.</i> Trends of social expenditures in the North of Russia	140
<i>Kurilo A.E., Nemkovich E.G.</i> The spiritual component of the investment process in the Republic of Karelia	154

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

<i>Dorogovtseva A.A., Erygina A.V., Dorogovtsev A.P.</i> The implementation of the economic control mechanism of environmental protection (in the case of water bodies in St. Petersburg)	163
Summary	171
Information about authors	175
Requirements to manuscripts	181
Information about subscription	186

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Развилка нового политического цикла

Владимир Александрович ИЛЬИН

доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

В мае 2012 года заключительными процедурными мероприятиями окончательно завершится этап циклического обновления центральных органов власти. Пройдет инаугурация избранного Президента РФ В.В. Путина. Состоится утверждение нового председателя Правительства РФ, будут назначены новые руководители министерств и ведомств, начнется официальный отчет их практических действий по реализации политических и экономических задач, изложенных в предвыборных статьях В.В. Путина¹. В них были даны реальные оценки накопившихся с 1991 года системных проблем в развитии Российской Федерации:

«Фактически мы пережили масштабную деиндустриализацию»;

«Речь идет о системной коррупции»;

«Уход от налогов через фирмы-однодневки, через офшоры»;

«Бизнес нередко сводится к простому дележу государственной собственности».

Один из руководителей Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования профессор С.С. Сулакшин так оценивает современное состояние государственного управления:

«Российский бизнес развращен сверхдоходностью. Любые попытки регуляции с целью сбалансировать его во имя кризисной устойчивости, во имя социализации в системе общество и государство в России, во имя территориальной справедливости — все это отвергается на корню».

¹ Статьи Путина В.В.: Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. — 2012. — № 6. — 17 января; Россия: национальный вопрос // Независимая газета. — 2012. — 23 января; О наших экономических задачах // Ведомости. — 2012. — № 15. — 30 января; Демократия и качество государства // Коммерсант. — 2012. — № 20. — 6 февраля; Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. — 2012. — 12 февраля; Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. — 2012. — № 35. — 20 февраля; Россия и меняющийся мир // Московские новости. — 2012. — 27 февраля.

«Государством управляет именно рентный бизнес. Его качества, отчасти перечисленные, приводят к тому, что Российское государство стало по факту асоциальным, политически дрейфующим, в общем, к социальному взрыву, к типу (вопрос только перспективы) экономически полуколониальному, политически полусуверенному, архаизирующемуся. Это и есть неуспешность государства, которое является производной от известного качества российского бизнеса, роль его в этом известна. Когда-то в Америке Рузвельт ломал хребет такому дикому, самостийному и претендующему на первенство в системе государство — общество и государство — бизнес бизнесу. Россия, видимо, еще ждет такого рода лидера и ситуацию»².

В реальности в стране сейчас есть только один лидер, способный сделать это, — вновь избранный Президентом РФ В.В. Путин, который получил серьезную поддержку избирателей в первом туре — 63,6%, что почти в 3,5 раза больше, чем кандидат, занявший второе место.

Такой результат не случаен. Значительная часть населения учитывает несомненные позитивные моменты в деятельности В.В. Путина в 2000 — 2008 — 2011 годах. Это и поддержка большинством избирателей изложенного В.В. Путиным в своих семи программных статьях концептуального видения путей решения острейших системных проблем, не только сдерживающих развитие страны, но и угрожающих самому её существованию.

² Качества российского бизнеса как фактор успешности российского государства. Материалы научного семинара. — М.: Научный эксперт, 2011. — Вып. 7 (45).

Об этом подробно и доказательно говорит академик РАН С. Глазьев³ в своей статье «Почему Путин?», которую мы публикуем в нашем журнале с любезного согласия автора.

Сумеет ли В.В. Путин образца 2012 года перевести себя на новый уровень государственного управления? Ответ пока не очевиден.

Он был не ясен и до выборов. Все четыре года президентства Д.А. Медведева различные группы постоянно стремились разрушить его тандем с В.В. Путиным, особенная активность была проявлена во время «оранжевых» революций за рубежом в течение 2011 года.

Так, в некоторых статьях звучал прямой призыв к Д.А. Медведеву отправить председателя Правительства РФ В.В. Путина в отставку.

«Возникает вопрос: что случится, если Дмитрий Медведев в силу каких-то неведомых для общественности причин откажется претендовать на президентский пост в 2012 г? Можно с уверенностью предположить, что сам факт отказа нынешнего президента от продолжения своего функционирования вызовет крупномасштабный кризис в стране».

«Дело за «малым»: Дмитрию Медведеву надо решиться и перейти свой личный Рубикон, обратившись напрямую к обществу с призывом совместно взяться за нелегкое дело вытаскивания страны из того болота, в которое мы все вместе попали. Для того чтобы этот призыв не остался без ответа, нужно срочно взяться за строительство механизмов партнерства власти и общества».

³ Глазьев С. Почему Путин? // Завтра. — 2012. — № 9. — Февраль — март.

Здесь очень к месту и децентрализация государства, и обеспечение реальной свободы СМИ (в том числе и создание Общественного телевидения), и кардинальная либерализация законодательства о партийном строительстве и НКО, и многое другое, что выявится в равноправном и нелицеприятном диалоге Дмитрия Медведева с обществом»⁴.

В этом месте мне хотелось бы обратить внимание читателей на подготовленную в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования монографию «Властная идейная трансформация»⁵, в которой рассмотрена типология и исторические реализации властной трансформации как смены идеологии и высшего управленческого состава в государстве. И в этой монографии авторы как бы дают историческую оценку авторам подобных статей.

«Предательство элит в сценарии грядущей «оранжевой революции» неизбежно. Без такого рода предательств не обходился демонтаж ни одного из низвергнутых цветными революциями режимов. Немного лет прошло с повального переприсягания местной партийной номенклатуры вместо генсека Горбачева антикоммунисту Ельцину. Так что даже кооптированные во власть по принципу личной преданности силовики в сложившихся революционных условиях не могут быть стопроцентно надежны.

⁴ Юргенс И., Гонтмахер Е. Президент должен заявить о себе // Ведомости. — 2011. — 27 июля.

⁵ Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Властная идейная трансформация: исторический опыт и типология: монография / под общей редакцией В.И. Якунина. — М.: Научный эксперт, 2011. — 344 с.

Особенно после того, как их души и помыслы повернуты все к той же коммерциализации смыслов вместо служения. Они могут быть элементарно перекуплены, переподчинены другой персоне. Такого не могло бы произойти при наличии идеологических механизмов кадровой селекции».

Наши регулярные социологические замеры⁶ на протяжении 2000 — 2011 годов по доверию к основным политическим и социальным государственным институтам показывают, что только одному институту из 16-ти — президентскому — все эти годы доверяло более 50% опрошенных (от 57% В.В. Путину в 2000 г. до 60% в 2007 г.; от 65% Д.А. Медведеву в 2008 г. до 50% в 2011 г.).

Двум институтам (Церковь и правительство) доверяло от 42% в 2000 г. до 47% в 2011 г.

Пяти институтам (руководство области, суд, Совет Федерации, ФСБ, прокуратура) — от 28 — 32% в 2000 г. до 35 — 36% в 2011 г.

Четырем институтам (армия, полиция, Госдума, профсоюзы) — от 23 — 37% в 2000 г. до 30 — 34% в 2011 г.

⁶ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vsecc.ac.ru/>.

Еще четверем (СМИ, политические партии, директора предприятий, банковские и предпринимательские структуры) – от 10 – 33% в 2000 г. до 20 – 28% в 2011 г.

В последней группе недоверяющих больше, чем доверяющих⁷.

Получается, что лишь три государственных института вызывают доверие у 50% опрошенных, а остальным тринадцати институтам доверяют от 20 до 35%. Это очень тревожный показатель, говорящий о возможной делегитимизации государства.

И многие события последних месяцев, митинги на Болотной площади и проспекте академика Сахарова, скоординированные усилиями всех людей, по разным причинам недовольных возможным возвращением В.В. Путина на пост Президента Российской Федерации, подтверждают эту опасность.

Проблемы делегитимизации власти реально встали на повестку дня. По мнению С. Глазьева, «вопрос стоит ребром – кто кого?»⁸.

В.В. Путин, обратившийся за поддержкой к народу в Лужниках, получил поддержку идеям окончательного выбора в пользу интересов страны, социальной справедливости, национальных ценностей

вопреки интересам олигархии и компрадорской части элиты, накрепко связанной с «заклятыми друзьями» России.

Но у значительной части рядовых избирателей В.В. Путина возникают опасения, а сможет ли он проявить необходимую политическую волю для реализации выдвинутых концептуальных подходов к развитию страны на ближайшие 10 лет.

Известный журналист В. Третьяков в статье «Гражданам есть о чем беспокоиться»⁹ пишет о дискуссии, развернувшейся вокруг статьи К. Затулина «Как не дать украсть плоды победы»¹⁰, в которой аргументируется опасность того, что победа В.В. Путина и тех, кто его поддержал, будет выхолощена или украдена.

В. Третьяков не удивляется таким попыткам: «...есть ощущение, что всё так и будет продолжаться. Что порой кажется: Путин поддается давлению проигравшей стороны. Что этот текст, как увеличительное стекло, собирает все вопросы в одном фокусе. В фокусе выбора, который сделает или не сделает Путин в ближайшие недели».

До вступления в должность Президента РФ 7 мая 2012 года остается не так много времени.

Каким будет выбор В.В. Путина?

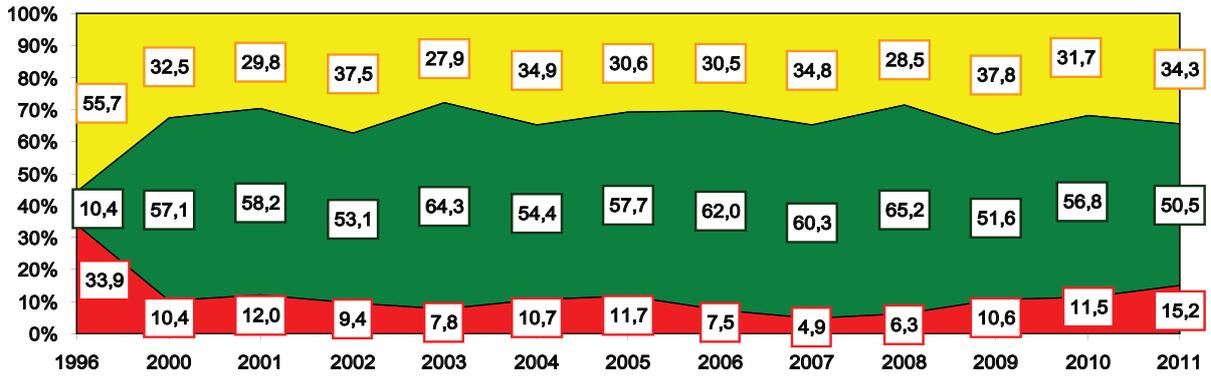
⁷ Более подробная информация показана на цветной вкладке.

⁸ Глазьев С. Почему Путин? // Завтра. – 2012. – № 9. – Февраль – март.

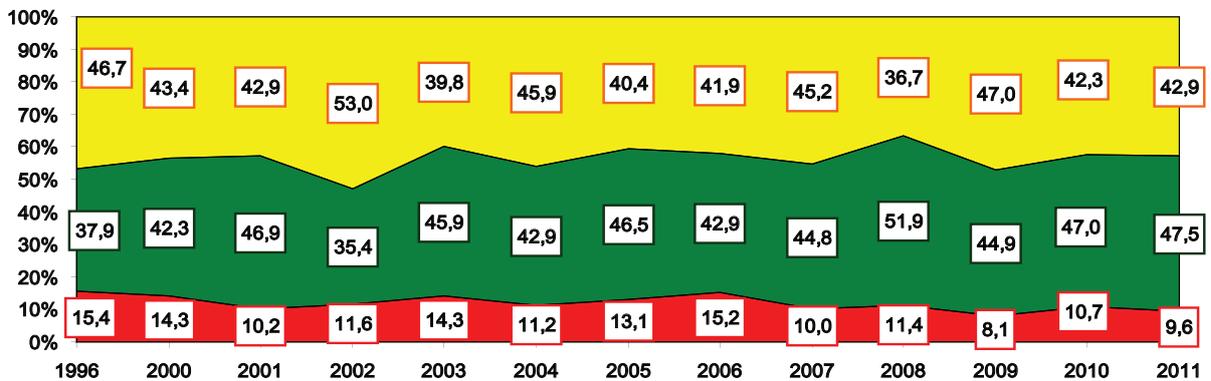
⁹ Третьяков В. Гражданам есть о чем беспокоиться // Литературная газета. – 2012. – № 12-13 (6363). – 28 марта.

¹⁰ Затулин К. Как не дать украсть плоды победы // Московский комсомолец. – 2012. – 22 марта.

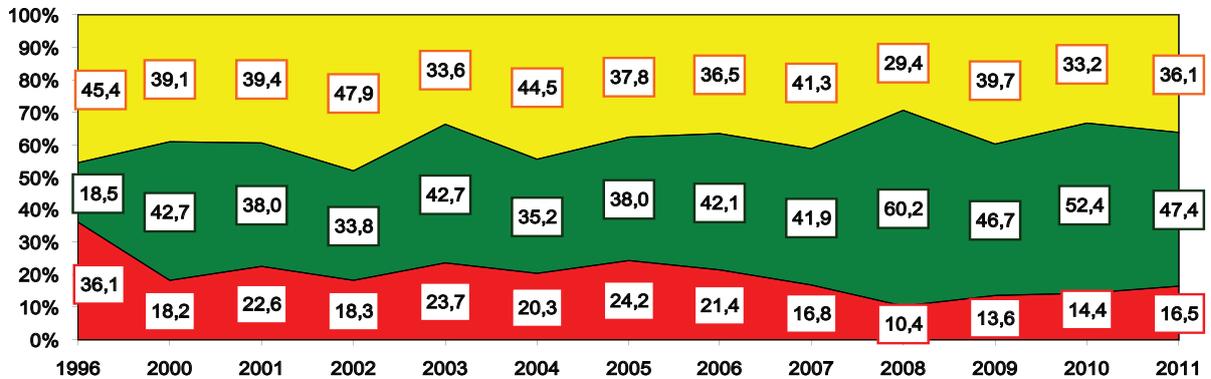
1. Отношение к деятельности Президента РФ*

2. Отношение к деятельности церкви

3. Отношение к деятельности Правительства РФ

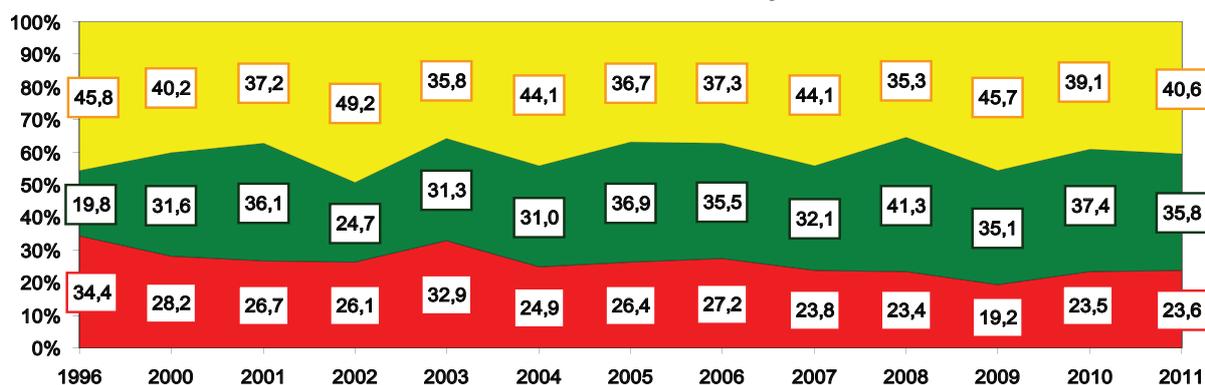
4. Отношение к деятельности руководства области

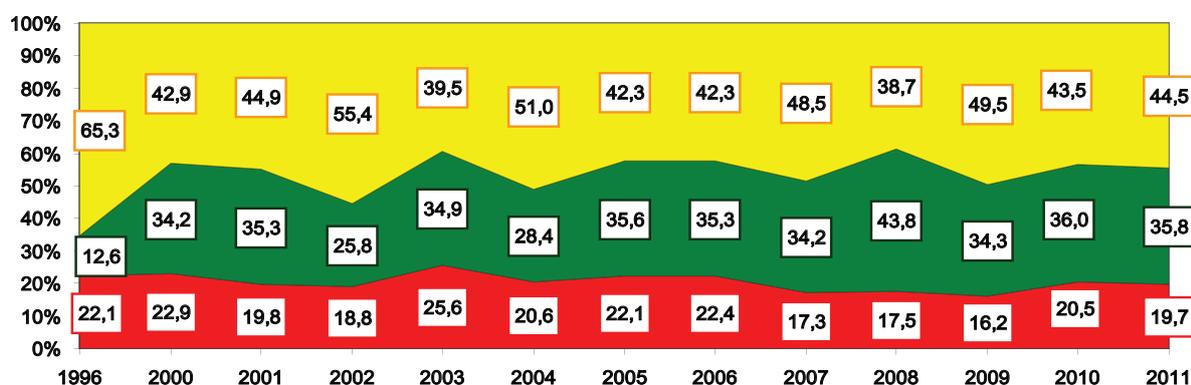
■ Не доверяю ■ Доверяю ■ Затрудняюсь с ответом

* Ранжирование произведено по показателю доверия к основным политическим и социальным институтам в 2011 году.

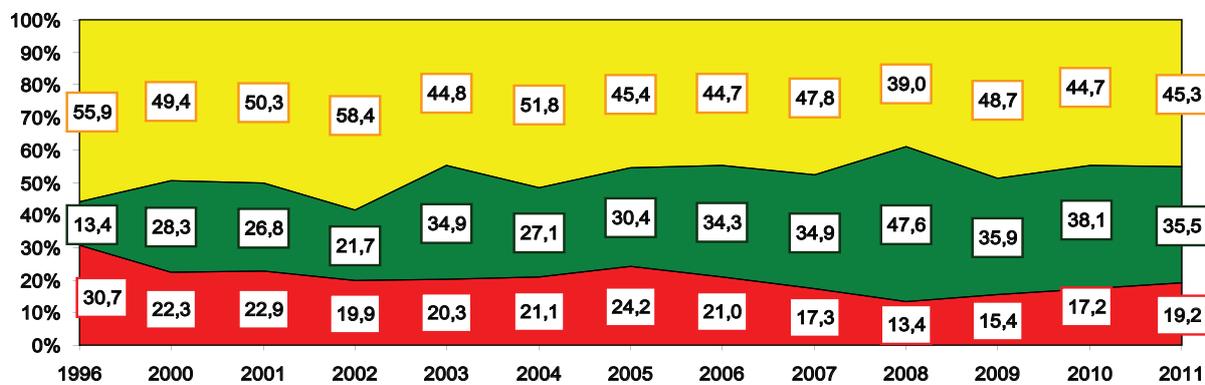
5. Отношение к деятельности суда

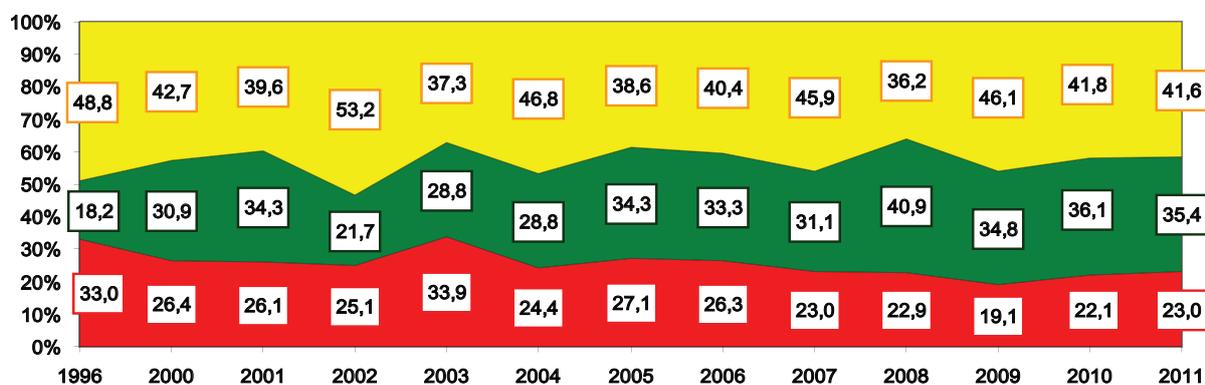
6. Отношение к деятельности ФСБ

7. Отношение к деятельности Совета Федерации

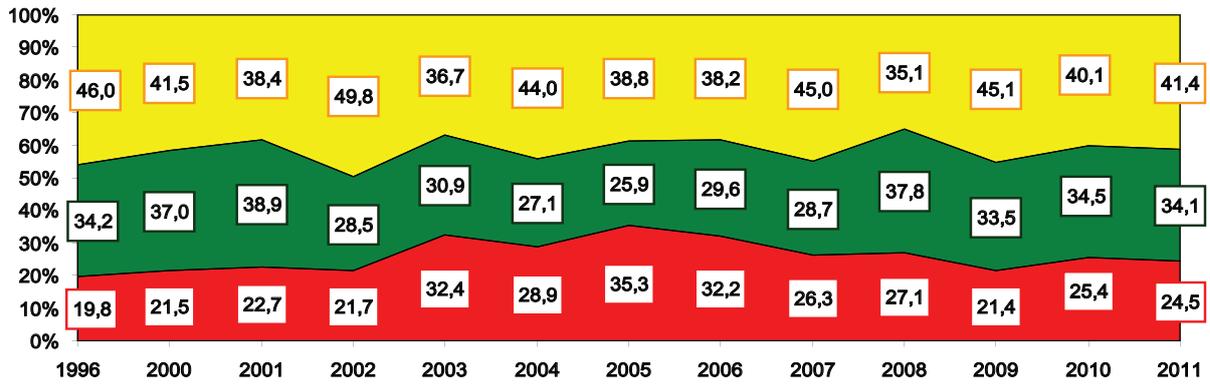

8. Отношение к деятельности прокуратуры

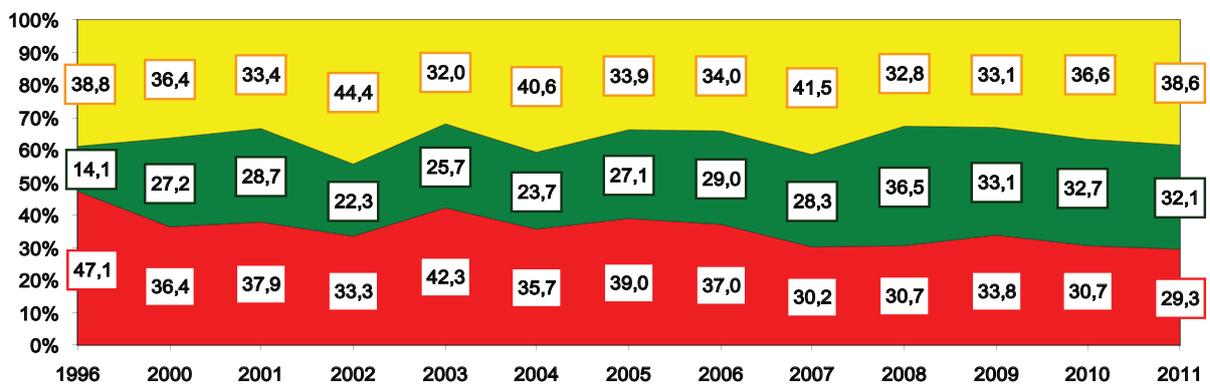

■ Не доверяю ■ Доверяю ■ Затрудняюсь с ответом

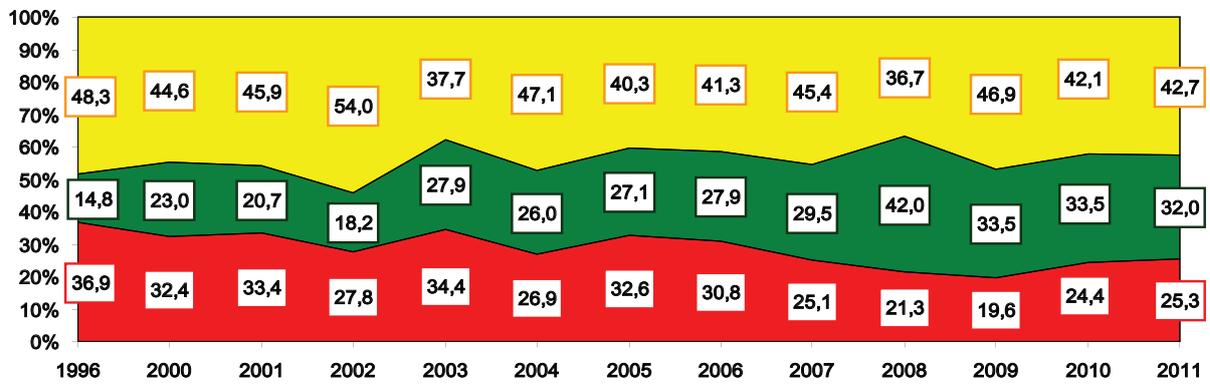
9. Отношение к армии

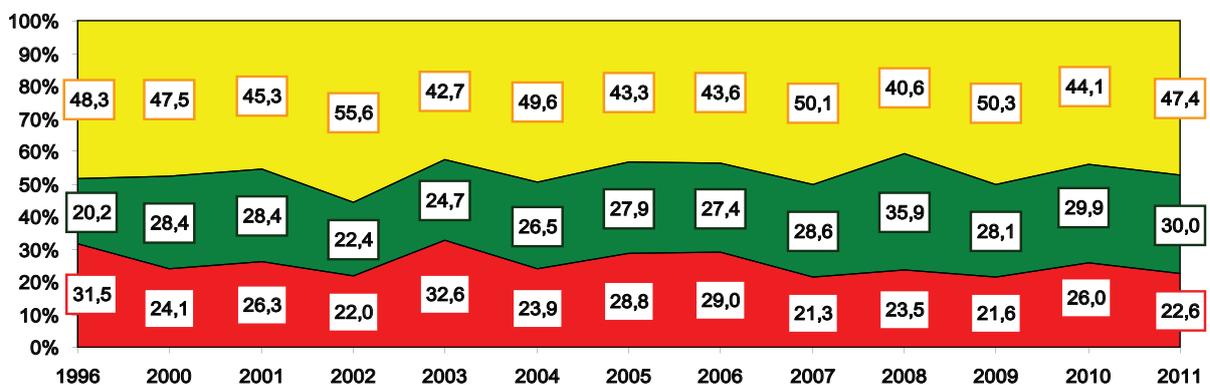
10. Отношение к деятельности полиции

11. Отношение к деятельности Государственной Думы

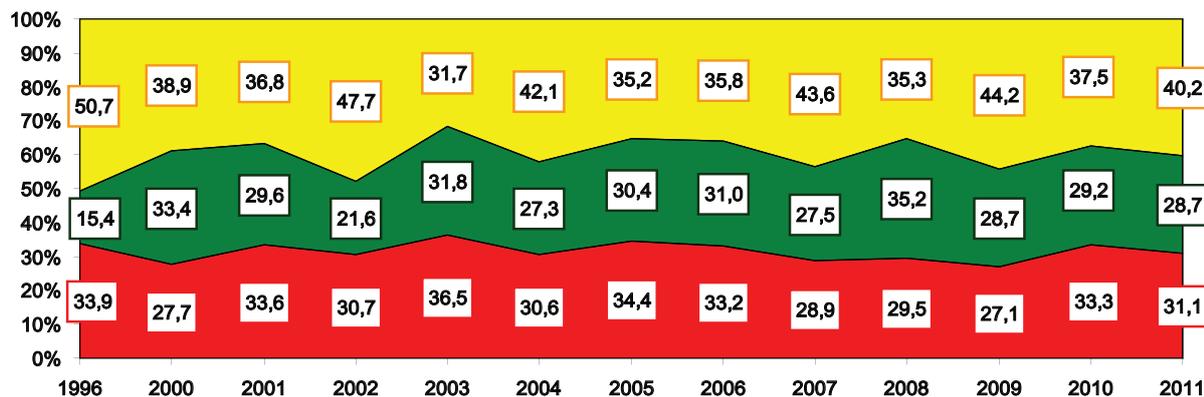

12. Отношение к деятельности профсоюзов

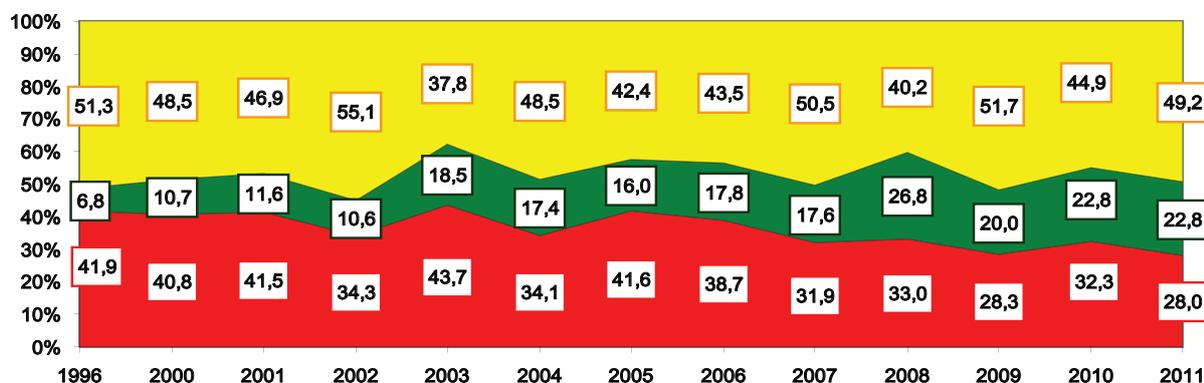

■ Не доверяю ■ Доверяю ■ Затрудняюсь с ответом

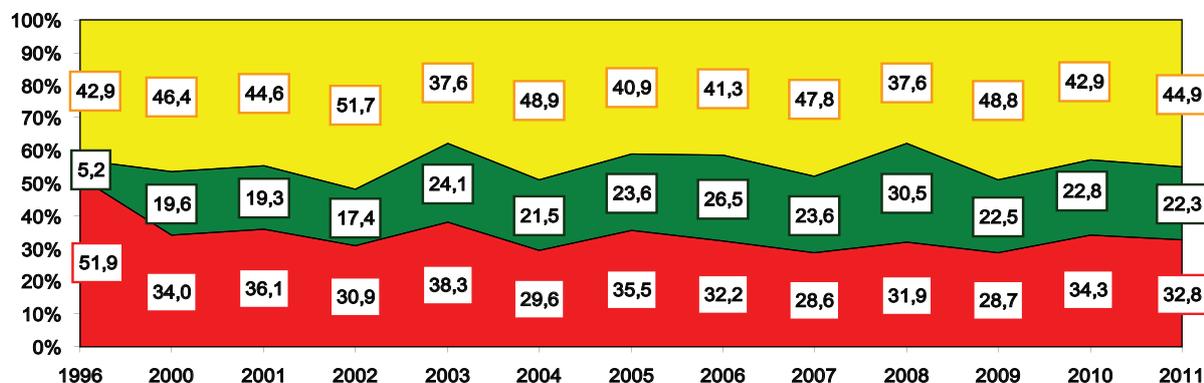
13. Отношение к деятельности СМИ

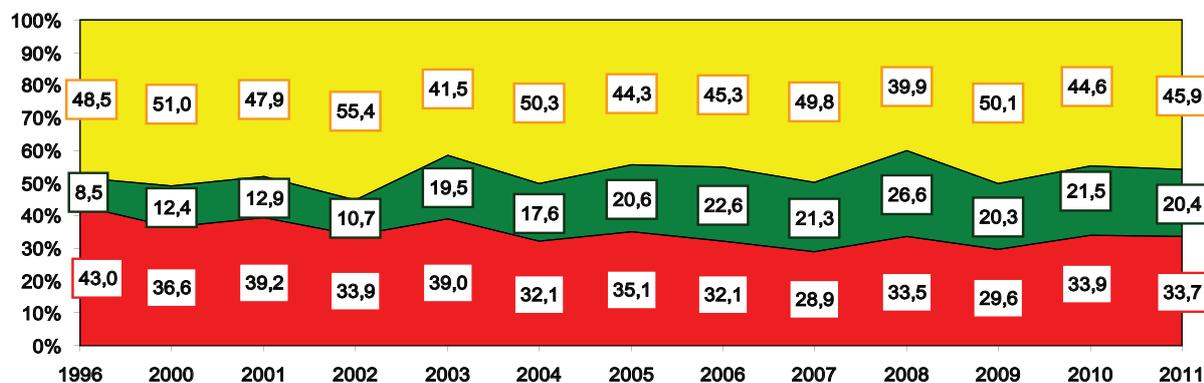
14. Отношение к деятельности политических партий и движений

15. Отношение к деятельности директоров и руководителей предприятий

16. Отношение к деятельности банковских и предпринимательских кругов

■ Не доверяю ■ Доверяю ■ Затрудняюсь с ответом

Первые 10 статей журнала, опубликованные в 2010 – 2012 гг., по длительности их просмотра за последние 12 месяцев (апрель 2011 – март 2012)

Рейтинг	Статья	Суммарное время просмотра, минут за последние 12 месяцев	Суммарное время просмотра, минут за весь период учёта*	Количество просмотров за последние 12 месяцев	Количество просмотров за последние 3 месяца	Среднее время просмотра, минут за весь период учёта*	Выпуск	Дата выхода	Авторы
1	Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления	2042	111	111	30	18	№14	Апрель 2011	Ускова Тамара Витальевна Кондаков Игорь Анатольевич
2	Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения в Российской Федерации	1671	133	127	45	13	№13	Февраль 2011	Аветисян Ишхан Аргашович
3	Методика сравнительной оценки научно-технического потенциала региона	1528	143	97	23	19	№12	Декабрь 2010	Задумкин Константин Алексеевич Кондаков Игорь Анатольевич
4	Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития	1352	150	78	17	20	№11	Сентябрь 2010	Ильин Владимир Александрович Гулин Константин Анатольевич Ускова Тамара Витальевна
5	Сельское хозяйство Европейского Севера: итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи	1260	115	81	50	16	№11	Сентябрь 2010	Иванов Валентин Александрович Иванова Елена Валентиновна
6	Модернизация российской экономики как императив инновационного развития страны в будущем	1001	55	55	25	18	№16	Август 2011	Кондаков Игорь Анатольевич
7	Инвестиционный процесс региона: новое столетие – старые проблемы	857	72	51	2	15	№11	Сентябрь 2010	Губанова Елена Сергеевна Воронцова Татьяна Владимировна
8	Малый бизнес – важный резерв развития моногорода	787	96	24	2	22	№11	Сентябрь 2010	Ткачук Степан Николаевич
9	Стационарозамещающие технологии в региональном здравоохранении: организационно-экономический аспект	782	71	55	6	15	№10	Июнь 2010	Дуганов Михаил Давидович Шабунова Александра Анатольевна Калашников Константин Николаевич
10	Внешнеэкономическая деятельность регионов СЗФО и Республики Беларусь: состояние и методологические аспекты моделирования	751	55	45	7	15	№12	Декабрь 2010	Ускова Тамара Витальевна Асанович Валерий Яковлевич Дедков Сергей Маратович Селименков Роман Юрьевич

* Учёт посещений сайта ведётся с 12 декабря 2009 г.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

УДК 316.324.8

© Якунин В.И.

Постиндустриализм: опыт критического анализа

В Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (Москва) недавно закончен цикл исследований, посвящённых проблеме генезиса концепта постиндустриального общества. Настоящая статья подготовлена по итогам этих исследований научным руководителем В.И. Якуниным и предложена для опубликования в нашем журнале.

**Владимир Иванович
ЯКУНИН**

доктор политических наук, научный руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (Москва), президент ОАО «РЖД»
frpc@cea.ru

Теория постиндустриального общества или постиндустриализма — весьма интересное явление в гуманитарной науке. Предлагая определенный объяснительный и прогностический потенциал для понимания особенностей развития современного мира, она одновременно демонстрирует и признаки политического, проектного и даже манипулятивного содержания. Разобраться в этих деталях предлагает настоящее исследование. Вопрос оказывается не таким простым, как может показаться.

Проблема «постиндустриализма» лежит не только в плоскости социально-экономического развития. Та настойчивость, с которой средства массовой информации и многочисленные публицисты пытаются внедрить ее в общественный дискурс, заставляет задуматься о политическом аспекте вопроса.

Концепция постиндустриального общества повсеместно представляется как устоявшаяся и получившая подтверждение научная теория. Однако каково соотношение в ней науки и политики?

Эта проблема звучит нетривиально, особенно в современную эпоху, когда на смену прямым путям обеспечения политического доминирования держав на мировой арене пришли механизмы латентного контроля над основными рычагами управления процессами мирового развития. В общем виде вопрос звучит так: могут ли применяться науки и для иных способов ведения войны и поражения геополитического противника¹ в триаде «люди, материальные объекты и инфраструктуры»? Могут ли для этого применяться гуманитарные науки?

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2006.

И действительно, если, например, внушить руководству страны геополитического противника ложную теорию развития и оно поведет страну в тупик, то с ним даже воевать в привычном смысле не нужно. Посмотрим на новейшую историю. Разве в подобных случаях не меняется, например, национальный флаг страны геополитического противника? Его руководство не становится сателлитным и марионеточным? Даже без «горячего» завоевания территории?

Ответ очевиден. Все это действительно имеет место в современном мире. Относится ли это к методам и самому ведению войны между государствами? Безусловно. Остается лишь два вопроса.

1. Как называется этот современный тип оружия и способы его применения, т.е. тип военных действий, тип современной войны?

2. Какие науки применяются для разработки этого типа оружия и способов его применения?

Оружие называется «информационное». Инструментарий общественных наук, будучи использованным именно как научный, а не в качестве обрамления элементарной демагогии, становится сегодня мощнейшим рычагом воздействия на социально-политические процессы в мировом масштабе. Было ли и есть ли у России оборонительное «информационное оружие»? Применяется ли оно? Очевидно, что проблемы информационной безопасности у нас серьезно недооцениваются².

В этом контексте в данной работе и рассматривается концепция постиндустриализма, имеющая все внешние признаки искусственной теоретической модели, используемой с вполне конкретными политическими целями.

² Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. — М.: Научный эксперт, 2009.

Именно поэтому верификация теории постиндустриального общества является на сегодняшний день насущной необходимостью не только с точки зрения чисто научной целесообразности, но и с позиций обеспечения национальной безопасности России. Что реально — истинность или ошибочность теории постиндустриального общества? Заблуждения или умысел при практической ориентации на эту теорию, если она недостоверна и разрушительна?

Эти вопросы составляют содержание поставленной исследовательской задачи. Рабочая гипотеза звучит следующим образом. Ряд стран перераспределяют свои национальные производственные потенциалы в мировом пространстве, выводя некоторые из них в иные государства и при этом оставляя себе сверхприбыльные, экологически не нагруженные отрасли. Таким образом, с помощью информационных приемов скрывается глобальная трансформация системы глобального доминирования и формирование основ неокOLONиализма. Суть исследовательского подхода, реализованного в рамках данного исследования, заключается в анализе теории постиндустриального общества, заложенной Д. Беллом, и ее наиболее близких модификаций, акцентированных на стадийно-отраслевом (секторальном) подходе как критерии развития общества и детерминанты будущих изменений. Пространством анализа здесь выступают отраслевая структура общественного производства (на предмет определяющей роли третичного сектора сервиса) и отраслевая структура занятости (на предмет возрастания доли занятости в секторе сервиса) как наиболее характерные признаки перехода к новому обществу (*рис. 1*).

Особое внимание здесь должно быть уделено проверке фундаментального положения теории постиндустриального общества об исторической периодизации типов технологического уклада общественного производства (*рис. 2*).

Рисунок 1. Пространство анализа стадийно-секторального подхода к трансформации общественных систем

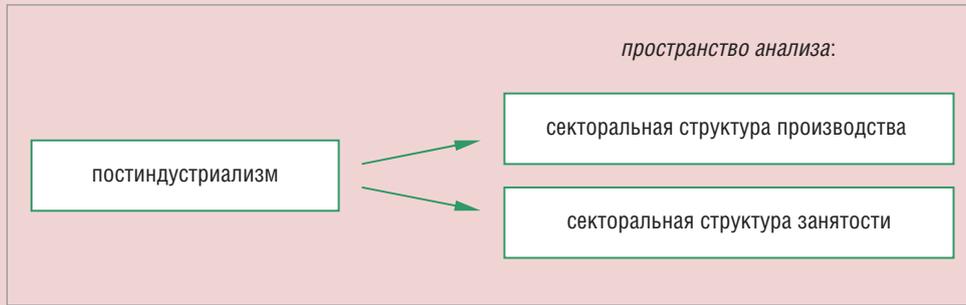
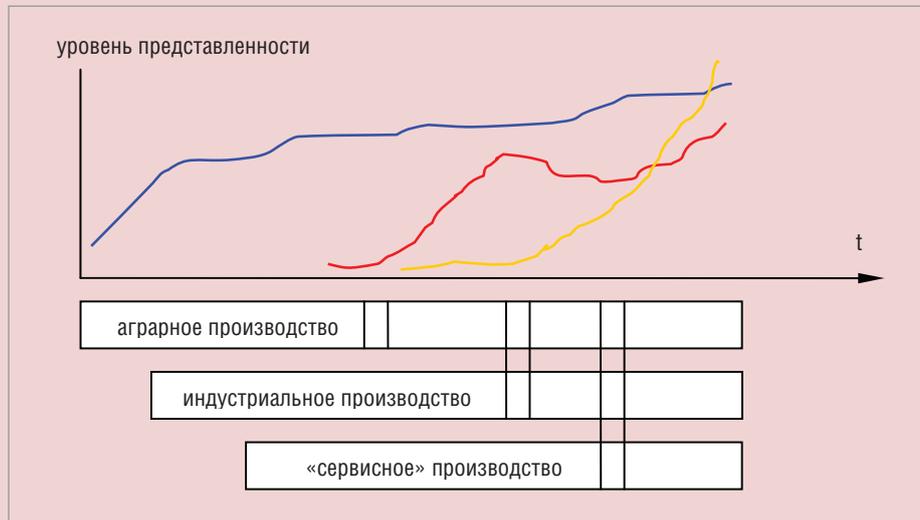

Рисунок 2. Историческая периодизация технологических типов производства в теории постиндустриального общества

Прежде всего, верификации подлежит тезис об универсальности указанного стадийного подхода и его критериев для классификации стран и регионов современного мира на предмет развитости. Основными задачами исследования являются:

- анализ теории постиндустриального общества, предпосылок и истории ее становления, основных течений и школ;
- изучение динамики секторальной структуры производства и занятости в различных странах, переосмысление структуры статистических данных;
- анализ на основе статистических данных пространственно-временной динамики различных типов структуры обществ;

– вскрытие манипулятивных и идеологических компонентов категории постиндустриального общества и ее употребления в качестве прикрытия современного неокOLONиализма;

– оценка перспектив социально-экономического развития России в контексте теории постиндустриального общества.

Представляется, что при решении поставленных задач в исследовании получены убедительные результаты, подтверждающие выдвинутые гипотезы.

Более чем за 50 лет своего существования теория постиндустриального общества получила огромное многообразие оценок в диапазоне от восторженной оценки как «единственной теории XX века, получив-

шей полные подтверждения» в реальной истории, до «антимарксизма» и «очередной буржуазной пропагандистской поделки». Фактически теория постиндустриализма вышла за рамки чисто научной концепции и превратилась в новейшую идеологию. Именно качества, присущие идеологиям, определяют основные свойства дискуссии вокруг идеи постиндустриального общества в научной и экспертной среде. Ниже будут даны основные спорные моменты, которые подмечены критиками и вокруг которых строится структура экспертной дискуссии на тему научности теории постиндустриального общества. При этом существенно осветить характер дискуссии, заостряя внимание на тех моментах, которые обеспечивают «живучесть» и широкое распространение идеологии постиндустриализма.

До сих пор лагерь адептов теории постиндустриализма не смог дать четкую дефиницию самого понятия «постиндустриальное общество». Двусмысленность при формулировании концепции постиндустриального общества была характерна еще для основателя теории Д. Белла.

Так в своей статье, посвященной Даниелу Беллу, В.Л. Иноземцев указывает, что уникальность концепции постиндустриального общества как раз и заключается в том, что «...она предоставляет в распоряжение исследователя некий общий инструментарий социального поиска, не задавая жестких рамок, которые были присущи другим социологическим доктринам»³. Отметим, что неясно, как такой подход сочетается с научностью, которая, как известно, требует четкости и предельной определенности всех базисных понятий, на которых строится исследование.

³ Иноземцев В.Л. Социология Даниела Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // Вопросы философии. — 2002. — № 5.

Серьезной проблемой для апологетов постиндустриализма является и тот факт, что за полвека существования «теории постиндустриального общества» многие выводы и прогнозы, сделанные ее приверженцами, не подтвердились практикой.

Как это ни удивительно, последнее совершенно не вынуждает сторонников подвергать сомнению или пересматривать основные принципы постиндустриализма. Вместо этого в научной литературе здесь и там встречаются попытки самооправдания и апологетики теории постиндустриального общества. Это опять-таки объяснимо в рамках представления об определенной внеаучной заданности разработки.

Следует признать, что ряд выводов, которые делают исследователи-постиндустриалисты, действительно, основан не на анализе фактических данных, а на результатах применения методов, которые являются не вполне научными с точки зрения современной социологии. Так, например, в отсутствие «надежных социометрических данных», выводы обосновываются личными впечатлениями от жизни в Америке и Европе, от общения с западными коллегами, а также «осмыслением публикаций, косвенным образом проливающих свет на интересующие нас отличия»⁴.

Нецелостность представлений об обществе ставилась и ставится в укор сторонникам «постиндустриального общества» столь же часто, как и размытость самого понятия. Пресловутая приставка «пост», которая подразумевает отталкивание от индустриализма, никак не определяет «нового состояния цивилизации» через ее позитивные признаки.

⁴ Иноземцев В.Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество: к проблеме социальных тенденций XXI века // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3.

Стремясь избежать смысловой ловушки, апологеты постиндустриализма избрели концепты «информационного общества» (Ф. Махлуп и Т. Умесао), технотронного общества (З. Бжезинский) и также «общества знаний»⁵, однако данные теории страдают тем же пороком, так как в центре их внимания оказываются явления, вообще не определяющие общество как социальное целое.

Резкую отрицательную оценку получает сегодня технологический детерминизм, как убеждение, что технология играет основополагающую роль в эволюции общества, который, по мнению критиков, заключен в самом ядре концепции постиндустриального общества. Оппоненты концепции постиндустриализма резонно критикуют ее за отказ от рассмотрения социальной сферы, а значит мотивов, целей и социальных, экономических, гуманитарных результатов использования технологий.

Наконец, критики постиндустриализма настаивают не только на том, что, несмотря на появление новых изделий и изменение многих средств производства (внедрение автоматизации, микроэлектроники, синтетических и композиционных материалов и т.д.), никаких принципиальных изменений в обществе не произошло⁶. Они также указывают на географическую локализацию многих «постиндустриальных» процессов, с чем трудно поспорить.

Подводя промежуточный итог анализу полемики вокруг теории постиндустриального общества, следует отметить, что позиция апологетов выглядит не очень устойчивой. Сторонники «постиндустриального общества» фактически ни по одному спорному моменту не опровергли своих оппонентов.

⁵ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. — М., 1998.

⁶ Цаплин В.С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // Социологические исследования. — 2006. — № 4.

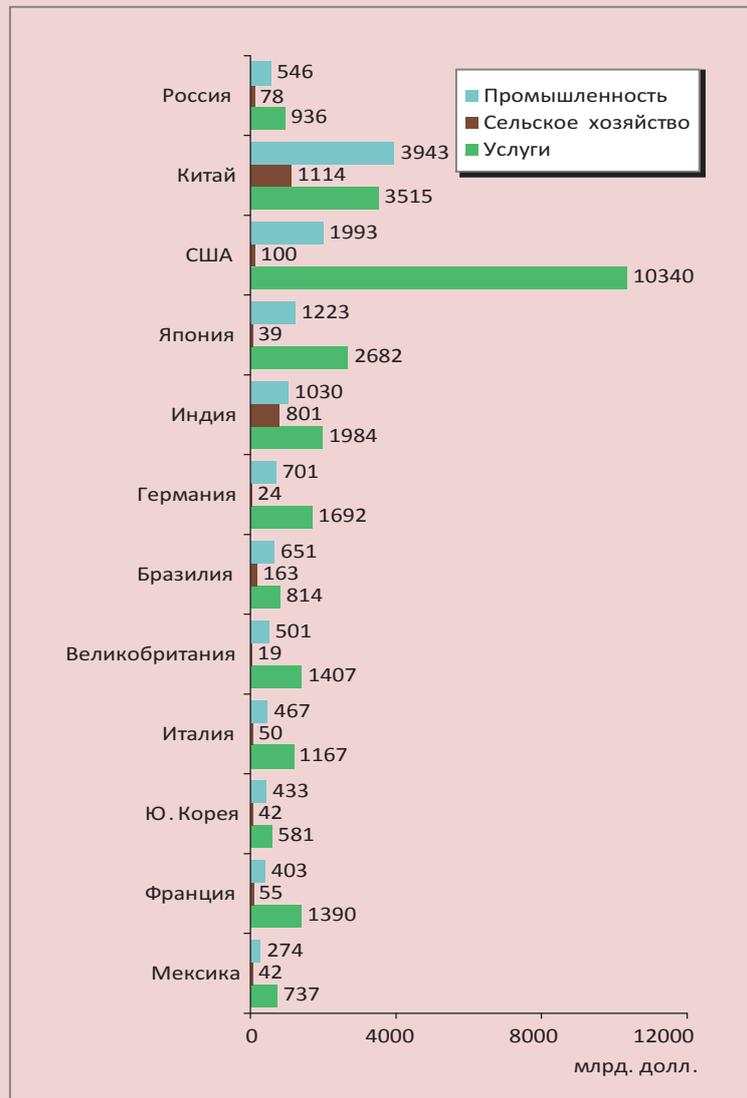
Особого осмысления в анализе теории постиндустриального общества требует феномен сервиса. С его развитием постиндустриализм связывает перспективы грядущего мироустройства. Именно сервису отводится основная стадийно замещающая роль в утверждении секторальной модели постиндустриального общества. Однако и в этом случае все не так просто.

И снова первое, что обращает на себя внимание, — это размытость дефиниций. Сколько бы то ни было общепринятого определения сервиса до сих не выдвинуто. Нет его не только в России, но и в западной науке. Ориентир постиндустриального развития — сервис, но что это такое, никто не знает. Его генезис традиционно объясняется развитием процесса разделения труда в формировании новых профессиональных ниш деятельности. Однако более детальный исторический анализ позволяет увидеть значительную долю лиц, профессионально связанных с сервисной деятельностью уже в традиционных обществах.

Концепт стадийности в отношении сервисизации как компонента постиндустриализма убедительной истиной не выглядит. Сервис исторически формируется параллельно с древнейшими формами производящего хозяйства, а не следуя за ними стадийно. Так называемая «сервисная революция», о которой много пишут апологеты постиндустриализма, на самом деле сводится к разбуханию определенного сектора сферы услуг в течение последних 40 лет в ряде развитых стран Запада. Таким образом, она демонстрирует четкую географическую «прописку» (см. рис. 3).

Одновременно с деиндустриализацией Запада идет активный процесс роста промышленного потенциала стран бывшего «третьего мира».

Рисунок 3. ВВП ведущих стран мира по отраслям производства на 2005 г. (по данным ИМЭМО РАН)

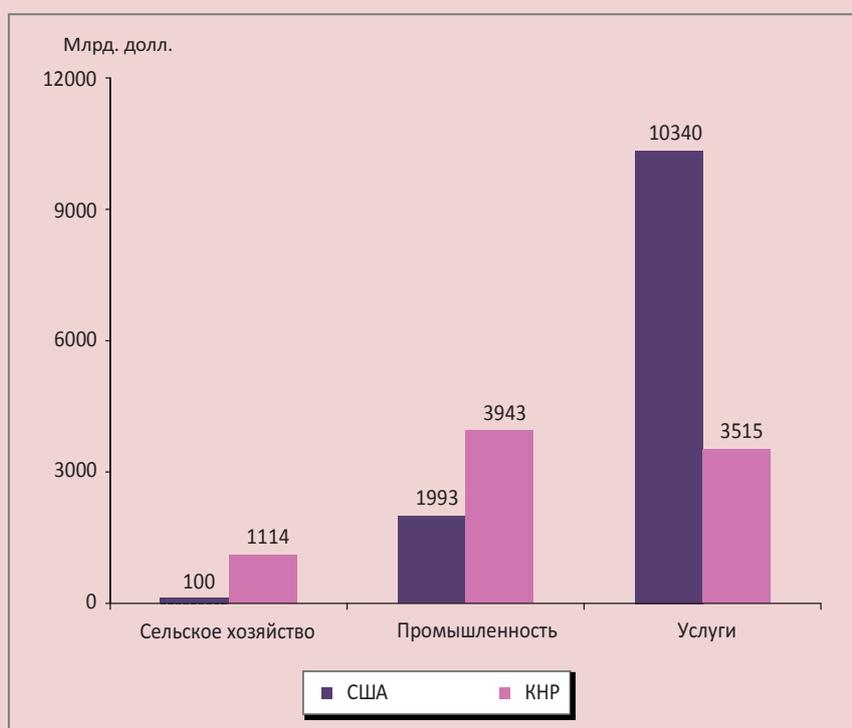
Существующий уровень заработной платы азиатских и латиноамериканских рабочих делает более выгодным размещение индустриального производства в Азии или Латинской Америке, чем в Северной Америке или Европе. Издержки, посредством сэкономленной части оплаты труда, оказываются при таком перемещении существенно ниже. Дополнительный бонус еще и в том, что выводятся на иные континенты и нагрузки на природу.

Логика максимизации прибыли заставляет европейский и американский бизнес

переводить производство в другие регионы мира, способствуя тем самым возрастанию индустриальной мощи крупнейших западных центров силы. Китай по доли промышленности в ВВП уже опередил США (рис. 4).

Высвобождаемые из сферы товарного производства западные индустриальные рабочие переквалифицируются в работников непродовственных отраслей. Таким образом, бурное развитие на Западе сервисной инфраструктуры есть прямое следствие его деиндустриализации.

Рисунок 4. Сравнение ВВП США и КНР по отраслям производства, в млрд. долл. (2005 г.)
(по данным ИМЭМО РАН)

Концепция постиндустриализма достаточно часто, во всяком случае, в российском общественном дискурсе, используется как теоретическая основа обоснования мировых трендов⁷.

Однако анализ длинных статистических рядов развития мира по показателям структуры занятости и структуры ВВП позволяет утверждать, что декларированных трендов постиндустриального развития мира в действительности не существует.

⁷ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. — М., 1999; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Иноземцева. — М., 1999; Тоффлер Э. Третья волна. — М., 2004; Красильщиков В.А. Ориентиры грядущего: постиндустриальное общество и парадоксы истории // Общественные науки и современность. — М., 1993. — № 2; Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. — М., 2000; Хорос В.Г. Постиндустриальный мир — ожидания и реальность. — М., 2001; Уэбстер Ф. Теория информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Варталовой. — М., 2004.

Более того, человечество в XXI веке, судя по структурной динамике роста в развивающихся наиболее стремительными темпами странах — Китае, Индии, Бразилии, — вступило в фазу неоиндустриализации.

Четко наметилась тенденция перемещения основных индустриальных центров в страны Азии и Латинской Америки. Особо наглядно происходящий экономический надлом Запада выглядит на фоне развития экономики Азии (рис. 5)⁸.

Устойчивый рост удельного веса занятости в промышленном секторе фиксируется в двадцатом столетии по всем не относящимся к Западу географическим ареалам (рис. 6).

⁸ Лунев С.И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии. Цивилизационный контекст // Восток-Запад-Россия. — М., 2002; Maddison A. Monitoring the World Economy, 1820 — 1992. — Paris, 1995; Radelet S., Sachs J. Asia's Reemergence // Foreign Affairs. — 1997. — Vol. 76. — № 6.

Рисунок 5. Доля западного и азиатского миров в общем объеме мирового производства (по данным ИМЭМО РАН)

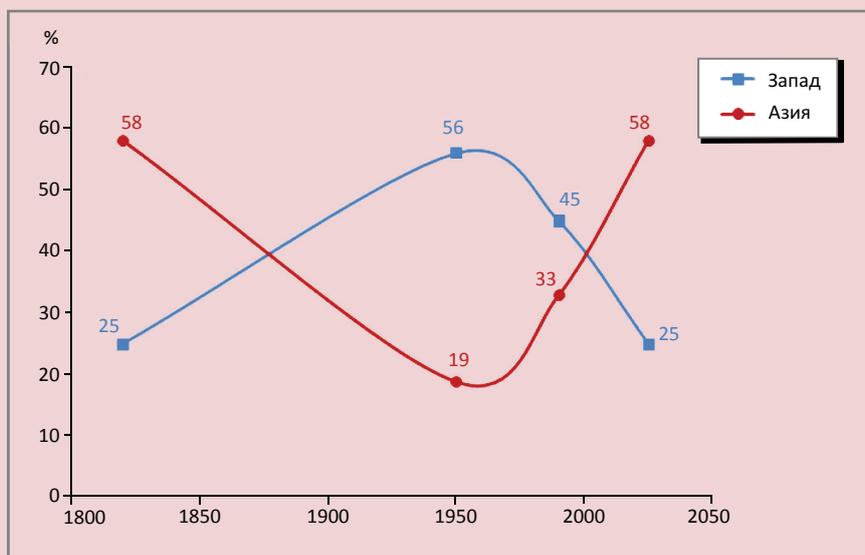
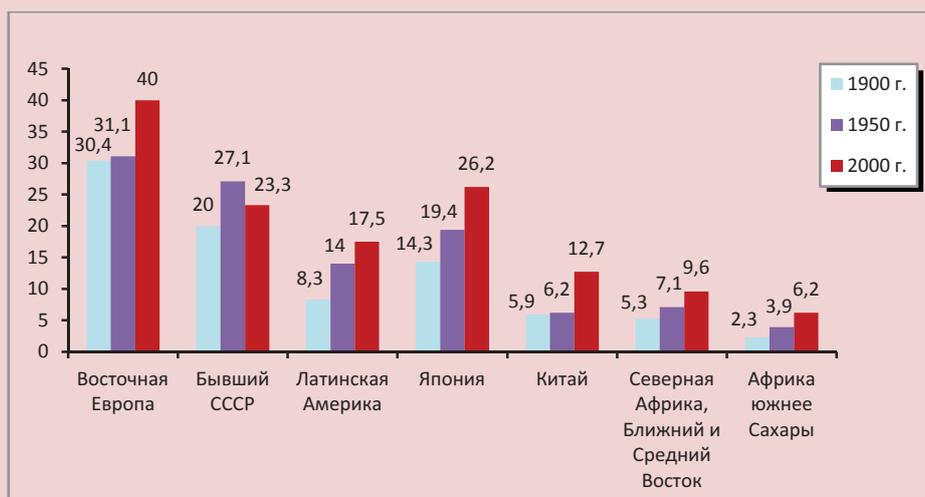

Рисунок 6. Занятость в промышленности (в незападных странах) (по данным ИМЭМО РАН)

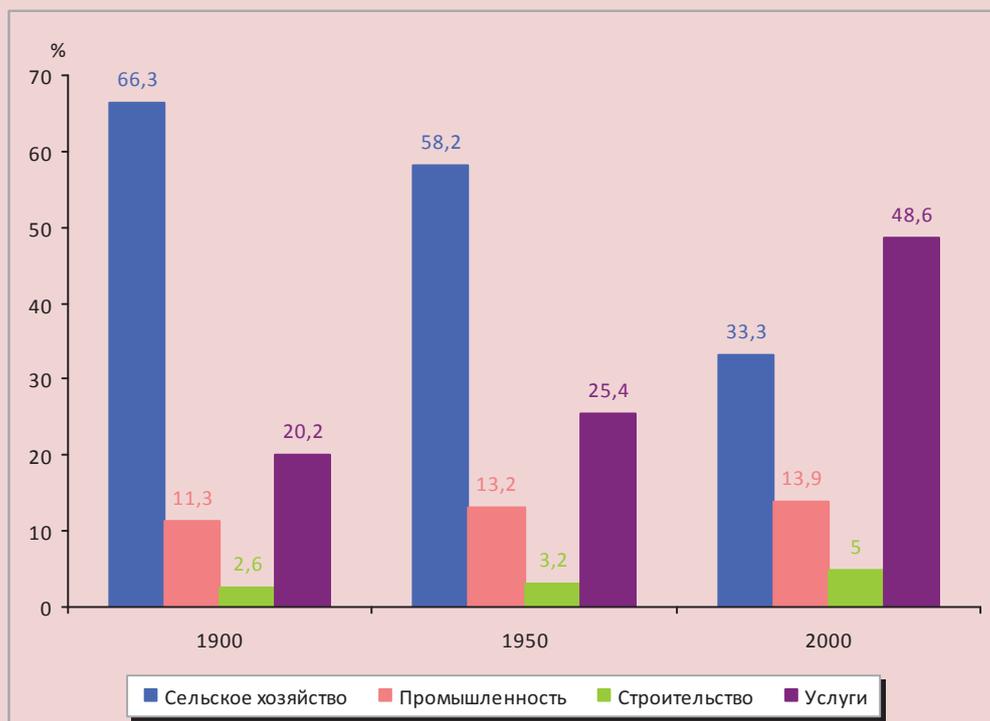
Та же картина и в общемировом масштабе. За исключением периода «великой депрессии», удельный вес промышленности в валовом внутреннем продукте мира с начала двадцатого века неуклонно возрастал. На современном этапе этот показатель возрастает еще быстрее (рис. 7).

Таким образом, вопреки прогнозам постиндустриалистов мир вступает сегодня не в постиндустриальную, а в неоиндустриальную фазу развития.

Та же картина наблюдается и применительно к аграрному сектору. Многократно приводились цифры, свидетельствующие о сокращении доли занятых в сельском хозяйстве.

Однако эти цифры далеко не однозначны. Вывод о наличии тренда свертывания удельного веса аграрного производства проистекает из жесткой, в реальности практически нигде не встречающейся дифференциации трех секторов экономики.

Рисунок 7. Динамика отраслевой структуры занятости в мире (по данным ИМЭМО РАН)

Современный производственный процесс имеет многоэтапную технологическую структуру. Крестьян, непосредственно работающих на земле, сегодня не так много. Однако с аграрной сферой связан широкий спектр причастных отраслей. К какому сектору экономики их относить, если конечный целевой ориентир в данном случае — сельхозпроизводство? Как правило, современная статистика относит содействующие отрасли к промышленности или сервису. Но правильна ли проводимая дифференциация?

Бурное развитие промышленности потянуло за собой и сельское хозяйство (рис. 8). Техническое оснащение азиатского и латиноамериканского села не могло не сказаться положительным образом на производительности крестьянского труда в соответствующих регионах. Бывшая периферия «третьего мира» атакует Запад, не только осваивая промышленные технологии, но и по традиционному для себя

сельскохозяйственному направлению. Еще в 1980-е годы основным центром аграрного производства мира являлась Западная Европа. Сегодня ситуация принципиально иная — первые две строчки уверенно занимают Китай и Индия (рис. 9).

Развитие аграрного сектора мира состоит не только в его техническом переоснащении, но и в освоении новых земель. Этот показатель в целом по миру также растет (рис. 10).

Получается, что основополагающий тезис концепции постиндустриального общества о свертывании секторов товарного производства не подтверждается ни во временном, ни в географическом пространствах при его статистической верификации. По отношению к сфере индустриального производства речь идет о некорректном обращении с фактическими данными, в сфере аграрного производства — о подмене абсолютных показателей роста относительными величинами.

Рисунок 8. Доля в мировом производстве сельского хозяйства ряда незападных стран (по данным ИМЭМО РАН)

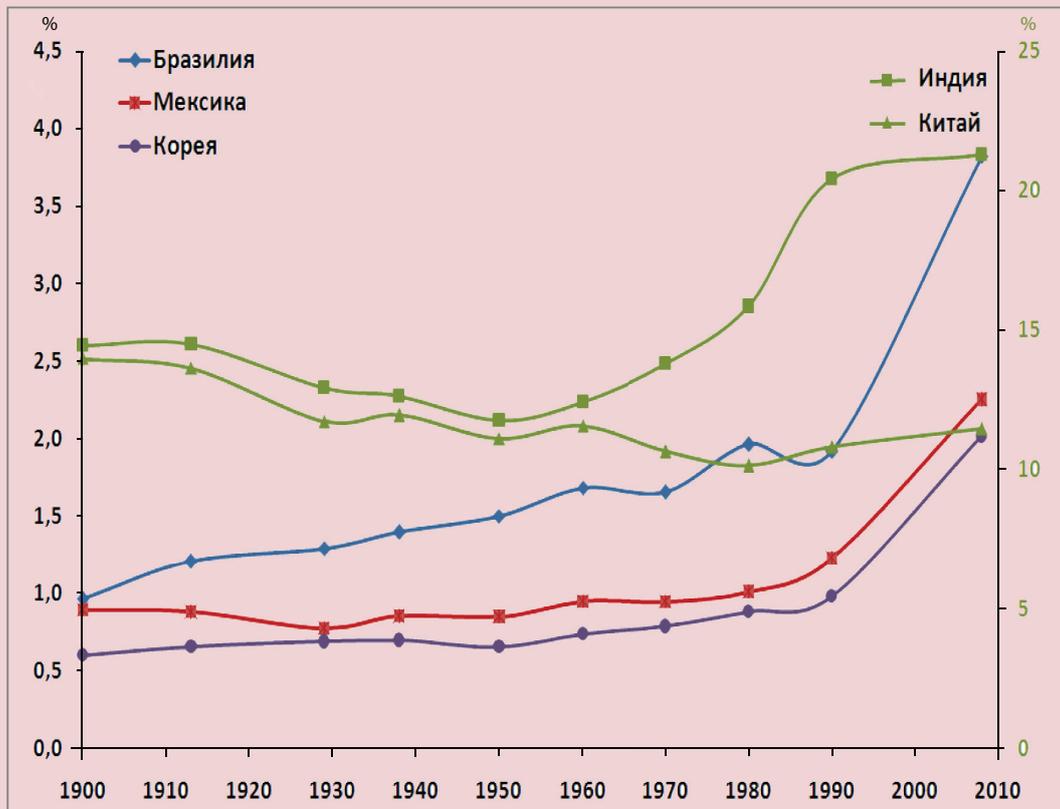

Рисунок 9. Страны-лидеры в мировом сельскохозяйственном производстве (по данным ИМЭМО РАН)

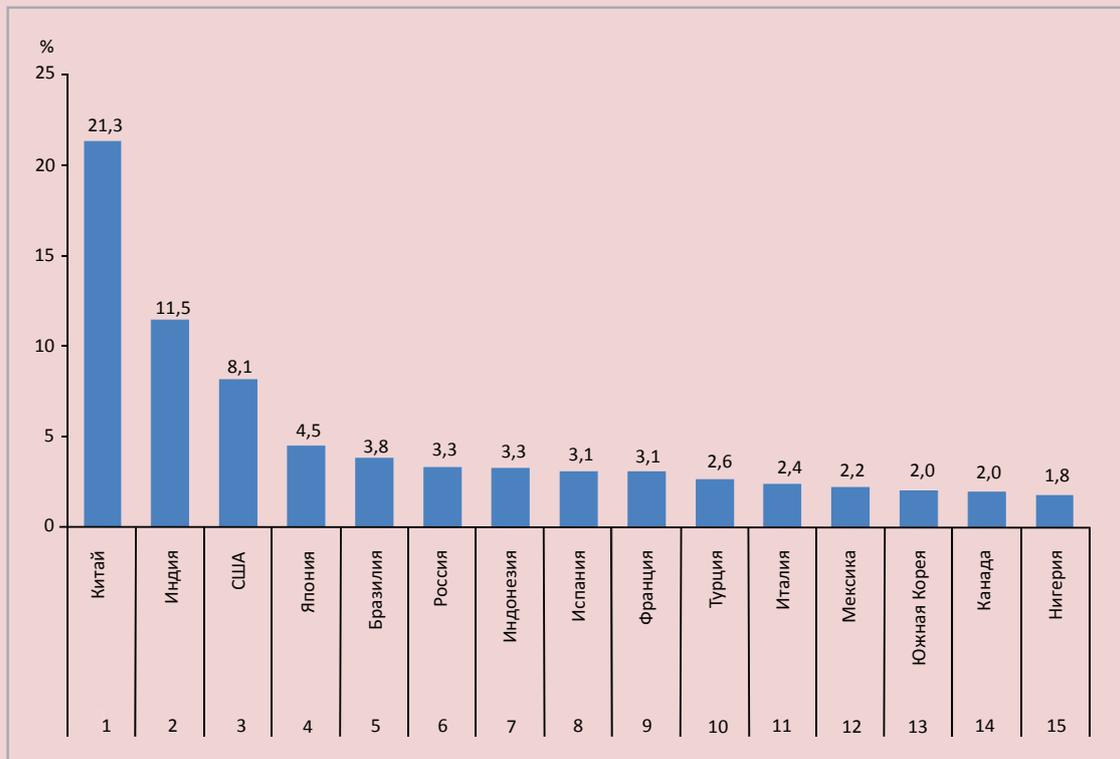
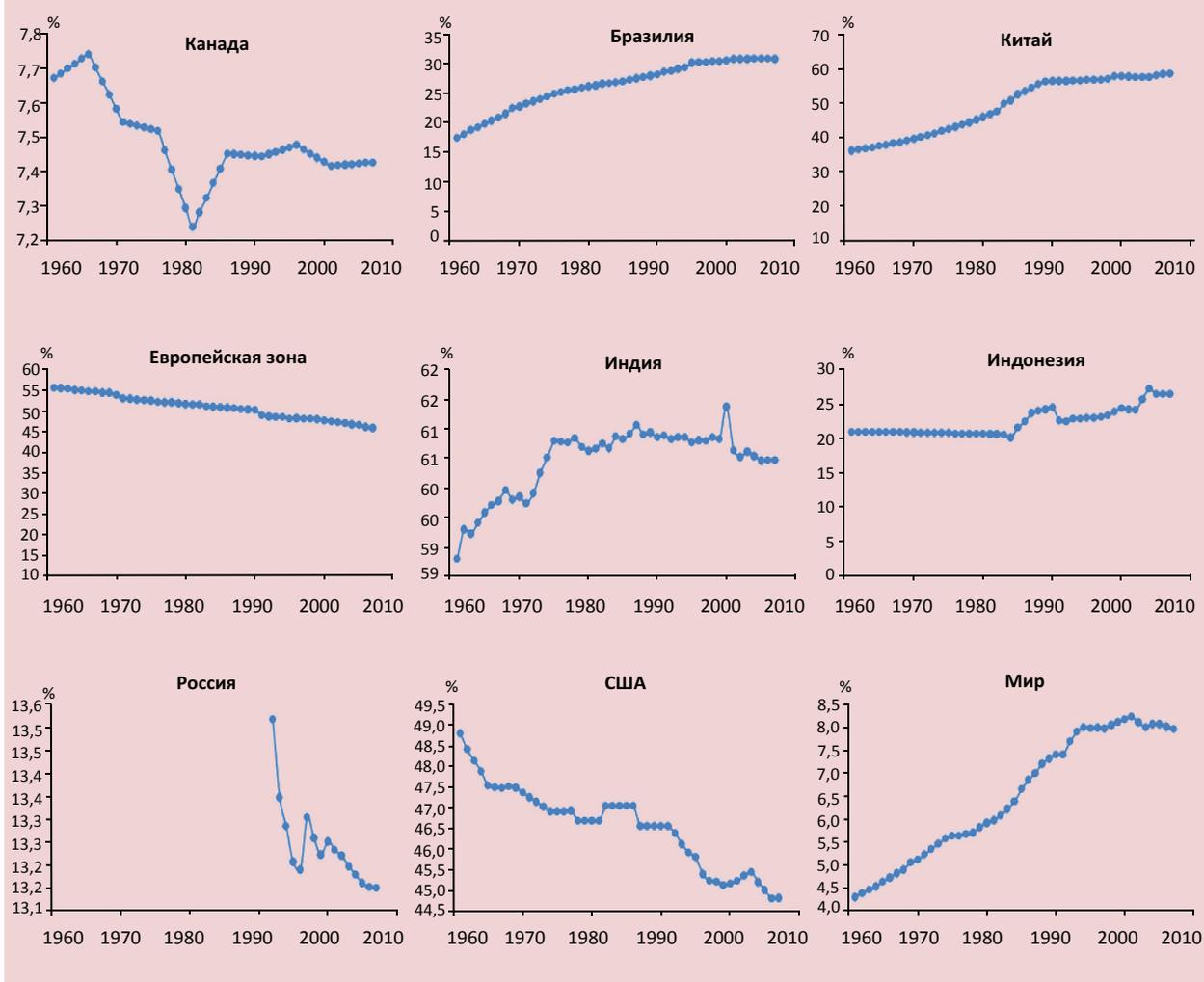

Рисунок 10. Обрабатываемые сельскохозяйственные земли, в % к общей площади в странах мира (по данным ИМЭМО РАН)

За тренд постиндустриализма выдается новая геоэкономическая модель мирового разделения труда, которая воспроизводит систему глобального доминирования в форме современного неокOLONИализма.

Таким образом, претендующая на место в мировой науке и широко тиражирующаяся теория постиндустриализма не выдерживает логической и феноменологической верификации. Концепт постиндустриализма выходит за рамки собственно научной теории. Он содержит систему идеологических вложений, интенсивно используемых в политической практике — как внутри западного общества, так и в

программе глобализации. Выступающий в качестве ядра мир-системы Запад позиционируется как сервисный центр мира. На поверку современная схема сервисизации в финансовом смысле — это та же схема, в рамках которой метрополии когда-то извлекали из колоний блага, пользуясь насилием. Геополитические «координаты» в ней увязываются сегодня с определенной структурой отраслевого разделения труда (рис. 11).

Идеологическое оформление этой схемы сегодня — интеллектуализированные теории, такие как постиндустриализм или глобализм.

Рисунок 11. Современная неокOLONиальная модель международного разделения труда

Периферия обеспечивает Запад товарами реальных секторов экономики. Причем каждой из включенных в глобализационную систему периферийных стран отводится своя ниша в мировой специализации. Выделяются три типа такой специализированности.

1. «Банановые республики».
2. «Сырьевые республики».
3. «Сборочный цех».

Именно благодаря этому обеспечению со стороны периферии Запад смог перекавалифицироваться на преимущественное развитие сферы услуг, в которой доминируют финансы.

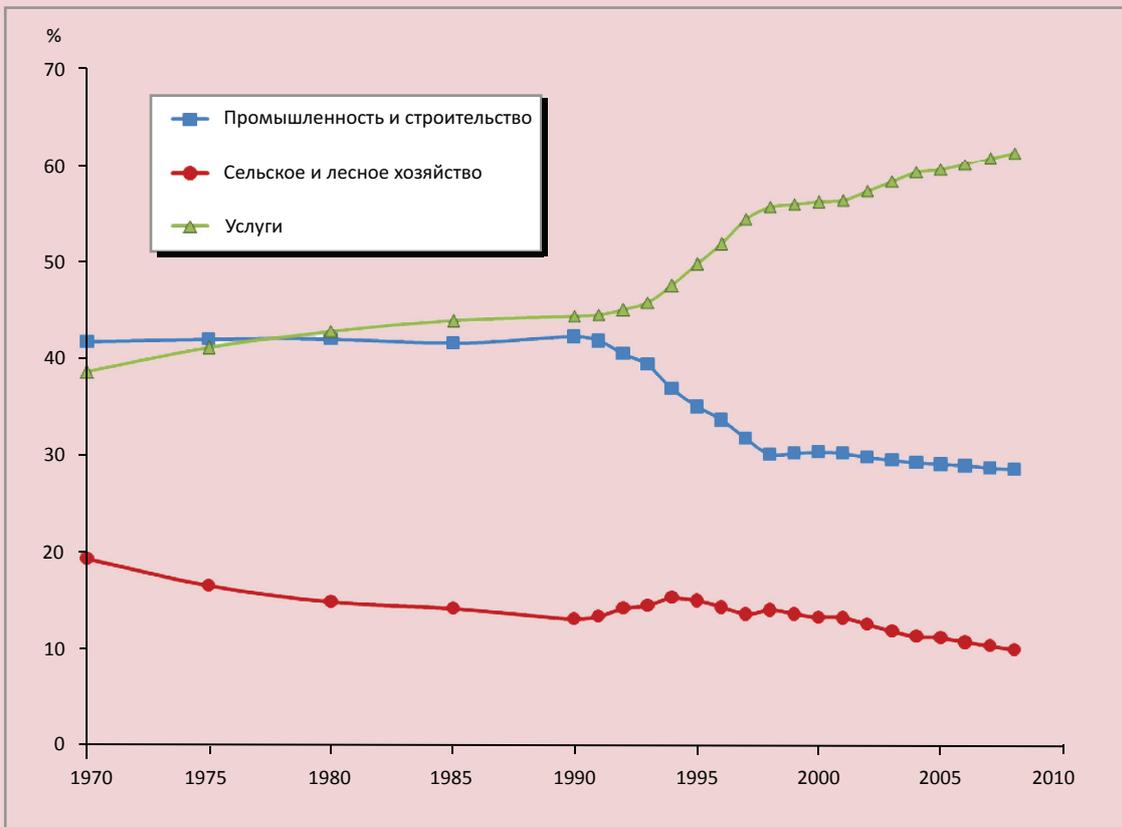
Россия в последнее двадцатилетие, последовательно реформируя свою национальную экономику, устремлена в мировом разделении труда в состояние страны полупериферии второго типа. В 1990-е гг. процесс деиндустриализации экономики России приобрел обвальный характер. Это были, по-видимому, самые высокие за всю историю мировой экономики темпы сервисной трансформации.

Деиндустриализация 1990-х выразилась даже в некотором повышении удельного веса в структуре занятости сельского и лесного хозяйства. Наступивший в России по формальным имманентным признакам постиндустриализм приобрел вид экономической и социальной архаизации (рис. 12).

Россияне стали больше торговать и заниматься финансовыми операциями, но при этом меньше работать над производством реальных товаров в промышленном и аграрном секторах⁹. В целом тенденции российского развития в условиях избранной модели в координатах «улучшение-ухудшение» за 10 лет (2000 – 2010 гг.) выглядят практически бесспорными. Происходит общее ухудшение многих экономических, социальных, гуманитарных показателей страны.

⁹ Ларуш Л. Физическая экономика. – М., 1997; Тукмаков Д. Уподобление Богу (Физическая экономика Ларуша как преодоление энтропии) // www.zavtra.ru

Рисунок 12. Среднегодовая численность занятых в экономике России (источник: Росстат)

Кроме докризисного роста избыточно замороженных суверенных финансовых средств и внешнеторгового оборота, все остальные показатели ухудшаются или остаются на неприемлемом уровне, зачастую рекордном.

Таким образом, если выразиться предельно конкретно, то фронтального стадийного *постиндустриализма*, как и соответствующего постиндустриального общества, постиндустриального перехода, в точном смысле терминов не существует. Максимум, о чем может идти

речь, — это о пространственно-временной динамике секторальной структуры производства. В глобальном плане описанный механизм воспроизводит пространственную конструкцию неокOLONИализма, в том числе в современной форме — форме финансовой эксплуатации. Информационным обрамлением этой модели являются теории типа «конца истории», «войн цивилизаций», «мирового исламского терроризма» и, наконец, — постиндустриализма. Подобные концепты с неизбежностью будут появляться и в дальнейшем.

Почему Путин?

Нижеследующая статья академика РАН С.Ю. Глазьева была опубликована в газете «Завтра» (№ 9, 2012 г.) за несколько дней до выборов Президента РФ. Главное достоинство статьи, по мнению редколлегии, состоит в том, что в ней обозначены основные условия, при которых возможна реализация в России политики опережающего развития. Статья перепечатывается по газетному тексту с согласия автора.

**Сергей Юрьевич
ГЛАЗЬЕВ**

академик РАН, директор Института новой экономики им. Д.С. Львова
Государственного университета управления
glazievs@mail.ru

Для патриотической общественности нынешняя президентская избирательная кампания поставила много неожиданных и острых вопросов. Многие видные деятели патриотических сил предпочли поддержать на пост президента В.В. Путина, хотя ранее они резко критиковали и его, и его ближайшее окружение. При этом претензии к курсу исполнительной власти по всему спектру стратегических вопросов и базовых направлений политики практически не изменились.

В денежно-кредитной сфере и валютном регулировании сохраняется приверженность доктрине Вашингтонского консенсуса в интересах международного капитала, произведенный демонтаж социальных гарантий не может быть компенсирован простым наращиванием социальных расходов, взлет цен на тарифы

после разрушения РАО ЕЭС не может быть остановлен усилиями антимонопольных служб, провоцируемая разлагающим влиянием телевидения пандемия наркомании и алкоголизма не может быть прекращена усилиями медиков и спецслужб.

Россия остается финансовым донором и сырьевым придатком Запада, олигархи по-прежнему наживаются на эксплуатации ее богатств. Вывозимые ими сотни миллиардов долларов вкладываются в зарубежные футбольные клубы, газеты, дворцы, в то время как русский народ продолжает деградировать, спиваться и вырождаться. Тем не менее, значительная часть патриотов делает свой выбор в пользу В.В. Путина, рассчитывая на кардинальное изменение политики государства под его руководством. И это мотивируется весьма серьезными обстоятельствами.

Во-первых, резко изменился международный контекст, в котором находится Россия. Резко возрастает давление на нашу страну со стороны Запада, прежде всего США. Здесь и выдавливание нас из постсоветского пространства, провоцирование грузинской агрессии, выращивание антирусских режимов и прежде всего на Украине, инспирирование «контрреволюций» на Ближнем Востоке и подготовка войны против Ирана и Сирии, после чего настает черед Кавказа.

Во-вторых, Путин сделал несколько важнейших шагов в направлении консолидации российских позиций на постсоветском пространстве. Созданы Таможенный союз и Единое экономическое пространство с Белоруссией и Казахстаном, подписано многостороннее соглашение о зоне свободной торговли в СНГ.

В-третьих, В.В. Путин сумел в значительной степени подавить сепаратистские тенденции в различных областях нашей необъятной Родины, и в первую очередь на Северном Кавказе. Не маловажно и то, что он не поддался на провокационное давление со стороны американского руководства и влиятельных агентов его влияния в России, которые пытались сломать его возвращение к президентской позиции.

В-четвертых, В.В. Путин реализовал ряд принципиальных требований народно-патриотических сил: путем восстановления экспортных пошлин и введения налога на добычу полезных ископаемых государством сегодня изымается основная часть природной ренты. Благодаря этому формируется половина доходов федерального бюджета.

В-пятых, Путиным взят курс на модернизацию и диверсификацию нашей экономики, ее перевод на инновационный путь развития. И хотя на эту тему пока много заявлений и меньше, чем хотелось бы,

реальных дел, созданы такие необходимые для его проведения предпосылки, как институты развития, налоговые стимулы, госкорпорации, увеличены ассигнования на финансирование научных исследований, поддержку инновационной и инвестиционной активности. Есть и обнадеживающие результаты коммерчески успешного распространения новых российских технологий на мировом рынке – от компьютерных игр до электронных микроскопов.

В-шестых, В.В. Путин освободил нашу страну от долговой зависимости, которая позволяла вашингтонским международным организациям навязывать нам самоубийственную, но очень выгодную США политику привязки эмиссии рублей к покупке долларов. Следование политике «вашингтонского консенсуса» делало российскую экономику сырьевой колонией Европы и финансовым донором США, лишало нашу страну возможностей самостоятельного развития. И хотя некоторые ее проводники продолжают руководить ключевыми экономическими ведомствами, Путиным взят курс на восстановление экономического суверенитета страны, создание условий для ее самостоятельного развития. Это было отчетливо видно по антикризисной политике Правительства, в ходе которой денежные власти отошли от привязки эмиссии рублей к покупке иностранной валюты, а также по принятым им решениям о создании институтов развития и госкорпораций, по ряду принимаемых мер стимулирования инвестиционной и инновационной активности.

В-седьмых, следует признать определенные объективные результаты социально-экономического развития страны за последнее десятилетие: прирост ВВП на 52%, прирост рождаемости на 36%, увеличение средней продолжительности жизни

на 3,3 года, более чем двукратное снижение уровня бедности, рост реальной зарплаты в 2,4 раза, денежных доходов населения в 2,2 раза и другие позитивные признаки подъема после предыдущего десятилетия свободного падения в пропасть.

Несомненно, весомую роль в достижении этих результатов сыграло конъюнктурное повышение цен на экспортируемое из России сырье, и далеко не все возможности использования нефтедолларов для целей развития экономики были использованы. Но если бы не принятые В.В. Путиным меры по централизации значительной части этих доходов и восстановлению государственного контроля за нефтегазовой отраслью, то не было бы и роста бюджетных доходов, и нечем было бы финансировать ни национальные проекты, ни повышение зарплат и пенсий. Эти сверхприбыли осели бы на оффшорных счетах олигархов так же, как их приватизационные доходы в 90-е годы.

Перечисленные выше позитивные изменения в политике государства еще весьма неустойчивы. Для того чтобы они образовали мощный восходящий поток социально-экономического развития, государству необходимо вновь овладеть инструментами соответствующей политики, которые были выбиты из его рук за два десятилетия проведения политики Вашингтонского консенсуса.

Первый из них – самостоятельная денежная политика, исходя из потребностей экономического роста. Привязка эмиссии рублей к приросту валютных резервов лишила государство возможности управлять развитием экономики. Эмитируя рубли почти исключительно под покупку долларов и евро, Банк России автоматически направляет экономику в русло обслуживания внешнего спроса, обрекая ее на роль сырьевого придатка и финансового донора наших соседей.

Второй – валютный контроль, ограждающий финансовую систему страны от разрушительных атак валютных спекулянтов и позволяющий наращивать внутренние источники кредита. Его демонтаж открыл олигархам и коррупционерам возможности нелегального вывоза капитала и сокрытия за рубежом доходов от налогообложения. Третий – налоговая политика выравнивания доходов. Отказавшись от прогрессивной шкалы подоходного налога, налогов на наследство и дарение, государство пошло на поводу у олигархов и коррупционеров, освободив их от налогового бремени легализации сверхдоходов, в том числе полученных незаконным путем.

В.В. Путину придется овладеть этими хорошо известными инструментами экономической политики современного государства. В противном случае он не сможет решить им же поставленные программные задачи модернизации экономики и перевода ее на инновационный путь развития, обеспечения бизнеса долгосрочными кредитами, роста производительности труда, экономической и творческой активности населения, снижения бедности и социального неравенства, так же как и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Мы должны поддержать слабые еще ростки позитивных изменений в политике государства, начавшего, наконец, после двух десятилетий самоубийственной политики задумываться о национальных интересах. Эти ростки начали всходить только в последние годы и во многом благодаря новому пониманию Путиным базовых внутривнутриполитических и внешнеполитических тенденций. И в складывающейся внутренней расстановке сил только он может быстрее и эффективнее всех других претендентов справиться с засильем компрадорской олигархии в экономике, разлагающей пошлости в культуре и раз-

едающей коррупции в госаппарате, взрастить здоровые начала в нашем больном общественном организме. Не потому, что он пророк. А в силу того простого обстоятельства, что только он может обуздать фурий олигархического бизнеса, упырей коррумпированного чиновничества, оборотней в погонах, телевизионных кикимор и прочую нечисть, в изобилии расплодившуюся на гниющих останках советской империи. Они являются порождением постсоветской власти и должны быть ею же изжиты в целях самосохранения. В противном случае либо они дождут саму власть вместе с остатками государственности, либо вместе с ней будут уничтожены в революционном пожаре. И то, и другое для России будет означать окончательную катастрофу. Именно против этого должны бороться настоящие патриоты России.

Многие эксперты сегодня рассуждают о прохождении острой фазы кризиса и восстановлении экономической стабильности. На самом деле глобальный финансовый рынок продолжает находиться в турбулентном состоянии, а мировая экономика погрузилась в глубокую депрессию. Исторический опыт преодоления депрессий такого рода не внушает оптимизма.

Предыдущая депрессия такого рода в середине 70-х — начале 80-х годов была преодолена за счет эскалации военных расходов на «звездные войны», а развернувшаяся гонка вооружений в космосе надорвала экономику СССР, что стало первоочередной причиной его последующего крушения. Не менее катастрофичной оказалась Великая депрессия 30-х годов, преодоление которой в европейских странах шло через милитаризацию и формирование нацистских режимов, что вылилось, в конечном счете, во Вторую мировую войну. Да и предыдущие исторические катаклизмы Первой мировой войны и последовавшего затем крушения Российской империи были

в значительной степени связаны с перенапряжениями социально-политической системы вследствие коренных структурных изменений экономики.

Глобальные экономические кризисы, подобные нынешнему, происходят с полувековой цикличностью и сопровождаются кардинальными изменениями не только в производственной сфере, но и в общественном устройстве, и в технологиях управления, и в политической системе. При этом меняется состав не только основных отраслей экономики, но и ведущих стран в мировой политике.

Особое беспокойство вызывает тот исторический факт, что выход из трех предыдущих кризисов такого рода достигался западными странами за счет России. В начале прошлого века Великобритания, спровоцировав Первую мировую войну и подорвав Российскую империю, изрядно нажилась на ее крахе, включая присвоение вместе с США и Японией ее золотого запаса. Это позволило ей продлить эру своего мирового господства вплоть до Второй мировой войны. Эта война, как известно, также была спровоцирована Великобританией, Францией и США в расчете на поход Гитлера против СССР. За счет колоссальных жертв нашей страны они пытались использовать мировую войну как средство решения своих экономических проблем и удержания мировой гегемонии.

В конце прошлого века США развязали «звездные войны» и использовали гонку вооружений в космосе для ослабления СССР. Крах последнего принес им более двух триллионов долларов доходов за счет вывоза сырья, бегства капитала и утечки умов из охваченных хаосом бывших союзных республик. Благодаря этой подпитке западные страны смогли относительно безболезненно пройти последнюю «великую депрессию» в 70-е — 80-е годы прошлого века.

В исследованиях длинных волн конъюнктуры давно замечена связь между структурными кризисами экономики и социально-политическими изменениями. Под влиянием экономической депрессии, опосредующей смену технологических укладов, нарастает социально-политическая напряженность, которая приводит к институциональным изменениям, необходимым для создания условий и запуска механизмов роста новых технологий и модернизации экономики на их основе. Эти изменения связаны с усилением государственного влияния, необходимого для концентрации ресурсов в приоритетных направлениях роста нового технологического уклада. До сих пор это усиление сопровождалось наращиванием военных расходов, милитаризацией экономики и формированием авторитарных политических режимов. Именно этот процесс мы наблюдаем сегодня в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке.

В условиях углубляющейся экономической депрессии и нарастающей геополитической нестабильности США и другие страны ядра глобальной финансовой системы пытаются сохранить свое доминирующее положение, основанное на монополии на эмиссию мировых валют. Они вынуждены резко наращивать ее эмиссию и усиливать финансовую экспансию, чтобы сбросить перенапряжение своей финансовой системы на остальной мир. Смысл этой политики заключается в обмене раздуваемых финансовых пирамид на массивы реальных активов в развивающихся странах. Для этого последних уговаривают и принуждают держать экономику открытой для свободного движения международного, главным образом американско-европейско-японского капитала. Таким образом, страны ядра стягивают ресурсы периферии для обеспечения собственного развития, экспортируя эмиссию в обмен на реальные активы, товары, умы.

Эскалация международной напряженности со стороны стран ядра глобальной финансовой системы объективно будет усиливаться в целях сохранения как их доминирующего положения, так и самой этой системы неэквивалентного экономического обмена в пользу эмитентов мировых валют. И нет сомнений, что главным направлением этой эскалации будет наша страна. Не только потому, что это было во всех трех предыдущих глобальных кризисах такого рода. Объективно российские природные ресурсы и недокапитализированная территория остаются привлекательной добычей для американских корпораций, переваривание которой поможет им пережить глобальный кризис и профинансировать структурную перестройку и модернизацию экономики стран-членов НАТО. Последние уже готовятся для силового прикрытия этой экспансии, проведя учебную тренировку против России в Грузии и наращивая системы ПРО на западных рубежах нашей страны.

В этой опасной обстановке жизненно важна консолидация всех созидательных сил, и поэтому многие лидеры патриотической оппозиции решили поддержать В.В. Путина на выборах. Но эта поддержка не может носить безусловного характера. Выступления на Поклонной горе по смыслу были наказом избирателей своему кандидату, а не верноподданническим излиянием. Сегодня самое время уточнить условия этой поддержки, соблюдения которых патриотическая общественность вправе требовать после выборов.

Имеющиеся на сегодняшний день знания о механизмах глобальных структурных изменений дают серьезные основания для разработки прогнозов дальнейшего развертывания глобального кризиса и сценариев развития нашей страны в зависимости от предпринимаемых государством мер.

Эти кризисы вызываются сменой доминирующих в экономике передовых стран технологических укладов и соответствующих им длинных (кондратьевских) волн экономической конъюнктуры. В периоды глобальных кризисов такого рода у отстающих стран открывается «окно возможностей» для совершения «экономического чуда» — скачка в развитии за счет опережающего становления нового технологического уклада и получения на этой основе технологической (интеллектуальной) ренты.

С одной стороны, при проведении научно обоснованной экономической политики, у России есть реальный шанс оседлать новую длинную волну экономического роста и на ее гребне в кратчайшие сроки выйти на уровень мировых лидеров. С другой стороны, есть реальные угрозы навсегда увязнуть в сырьевой периферии мирового рынка, окончательно утратив способность к самостоятельному развитию. Выбор между этими альтернативами будущего нашей страны будет совершен в ближайшие три года.

Выход из экономической депрессии будет происходить по мере становления нового технологического уклада, ядро которого составляют кластеры нано-, био- и информационно-коммуникационных технологий. Это ядро в передовых странах растет с темпом около 35% в год и сегодня составляет несколько процентов ВВП. Через 3 — 5 лет оно наберет достаточную для подъема экономики критическую массу, притянет оставшийся после схлопывания финансовых пузырей капитал и сможет взять на себя роль локомотива для вытягивания экономики на новую длинную волну роста. Страны, первыми оседлавшие эту волну, рванут вперед, наращивая конкурентные преимущества, экономическую, финансовую и военно-политическую мощь.

Те, кто опоздает, вынуждены будут финансировать их развитие поставками сырья, капитала и продуктами дешевого труда. Чтобы России не оказаться в числе обреченных, необходим переход к новой экономической политике, контуры которой обозначены в одной из программных статей В.В. Путина.

Сразу оговорюсь, что в статье В.В. Путина о новой экономике задается программный минимум, реализация которой позволит России удержаться на плаву в ходе очередной структурной перестройки мировой экономики в связи с переходом на новую длинную волну экономического роста. Но чтобы ее оседлать и вырваться вперед, вернуться в число лидеров мирового социально-экономического развития, необходим решительный переход к политике опережающего развития, основные составляющие которой включают: резкое наращивание инвестиционной и инновационной активности, концентрацию ресурсов на приоритетных направлениях становления нового технологического уклада, стратегическое планирование модернизации и развития экономики на его основе, создание механизмов долгосрочного кредитования развития экономики, формирование благоприятной среды для созидательного предпринимательства. Ее проведение требует от государства мобилизации всех источников роста инвестиционной и инновационной активности.

В сложившихся условиях политика развития не может быть половинчатой или двусмысленной, как это было до сих пор. Не удастся, например, одновременно наращивать мощности институтов развития и мириться с нелегальным вывозом капитала. Не получится одновременно решать задачи повышения нормы накопления и позволять банкирам обогащаться на валютных спекуляциях против рубля.

Невозможно, наконец, реализовывать цели опережающего развития в условиях коррумпированности государственной власти. Из этого следует необходимость быстрого и окончательного выбора между интересами страны и интересами компрадорской олигархии. Вопрос стоит ребром — кто кого? В.В. Путин идёт на президентские выборы, давая понять о своем выборе в интересах страны с опорой на фундаментальные ценности нашей национальной политической культуры, включая социальную справедливость и общность интересов. Именно так воспринимается его призыв о поддержке, прозвучавший на митинге в Лужниках, и общая идеология его программных статей. И долг всех патриотов — помочь осуществить этот выбор. Выполнить этот долг мы не сможем, не поддержав его на выборах, не разделив ответственность и не подставив плечо в несении бремени управления государством.

Для реализации политики опережающего развития необходимо качественное повышение эффективности системы государственного управления, введение механизмов жесткой ответственности чиновников за достижение планируемых результатов, деофшоризация экономики, введение реального валютного контроля, многократного наращивания мощности институтов развития и очищения госаппарата и госкорпораций от коррупции. В.В. Путин сможет это сделать, опираясь на коалицию заинтересованных в политике опережающего развития патриотических сил, представляющих подавляющее большинство российского общества и его продуктивную элиту, на российскую науку и инженерно-техническую интеллигенцию,

на представителей национальной культуры, на наши духовные традиции и нравственные ценности. Именно в этом смысле предлагаемого нами общественного договора, от которого невозможно отказаться без потери основной части избирателей. С нашей стороны он будет выполнен — мы призываем конструктивные созидательные патриотические силы не только поддержать В.В. Путина на выборах, но и активно участвовать в борьбе за проведение нового, жизненно необходимого России курса на опережающее развитие с опорой на внутренние силы.

Альтернативой этому курсу является окончательная колонизация экономики России и утрата ею способности к самостоятельному развитию. При этом промежуточных сценариев не будет — выражаясь математическим языком, Россия проходит в своей истории очередную точку бифуркации, после которой система либо приобретет новые свойства и новое дыхание, либо погибнет. Результат этого прохождения определяется стечением обстоятельств, главным из которых является наличие национального лидера, концентрирующего необходимую для дальнейшего развития страны политическую волю и знания. Можно сомневаться в отношении того, сможет ли В.В. Путин выполнить эту миссию. Но несомненно, что, кроме него, на нынешнем витке нашей истории ее выполнять просто некому. Времени на ожидание или воспитание другого лидера нам не оставляют сложившиеся внешние условия. И наш долг заключается в том, чтобы помочь ему совершить этот подвиг, объединив и вдохновив все созидательные силы нашего народа.

О приоритетах государственной политики в северных регионах

В статье рассматриваются современные экономические тенденции на российском Севере. Показаны стабилизирующая роль хозяйственных систем северных регионов в национальной экономике и недостатки государственного регулирования деятельности в особых природно-климатических условиях. Обоснованы необходимость и направления внесения изменений и дополнений в налоговое и бюджетное законодательство, а также в нормативные акты о государственных гарантиях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера.

Экономика, анализ, регион, развитие, инвестиции, заработная плата, доходы, налоги, бюджетная система, законы.

**Владимир Степанович
СЕЛИН**

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономических проблем
им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
selin@iep.kolasc.net.ru

**Екатерина Ивановна
ЗАЙЦЕВА**

кандидат экономических наук,
консультант Мурманской областной Думы

**Анатолий Васильевич
ИСТОМИН**

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономических проблем
им. Г.П. Лузина КНЦ РАН
istomin@iep.kolasc.net.ru

Удаленные и слабоосвоенные территории, занимающие $\frac{3}{4}$ российского пространства, значительно медленнее приспособляются к изменившимся экономическим условиям. При относительно высокой инвестиционной привлекатель-

ности, обусловленной ресурсным потенциалом, у них гораздо ниже темпы модернизации экономики. Эти регионы за годы реформ утратили значительную часть воспроизводственного, в первую очередь человеческого, капитала.

В последние 20 лет северные территории России покинуло более 2 млн. чел., то есть почти 20% от общей численности населения в 1990 году. Можно отметить, что на зарубежном Севере наблюдается противоположная тенденция: население штата Аляска за этот же период выросло почти на 30%, а его экономический центр г. Анкоридж по численности «догнал» г. Мурманск, хотя еще в том же 1990 г. отставал практически в 2 раза.

Последние годы интенсивность миграционного оттока несколько уменьшилась, но она остается весьма существенной, особенно на фоне положительного сальдо Российской Федерации. При этом отток с европейского Севера, как видно из *таблицы 1*, почти в 2 раза превышает отток с Севера азиатского. Это объясняется целым комплексом причин, к основным из которых следует отнести реализацию в Сибири и на Дальнем Востоке крупных инвестиционных проектов, а также более сильное в европейской части влияние процессов сокращения Вооруженных сил и трансформации оборонного комплекса.

Немаловажным фактором сложившейся ситуации является государственная политика в сфере заработной платы, вернее отсутствие таковой. Районные коэффициенты и северные надбавки, с одной стороны, компенсировавшие повышенную стоимость жизнедеятельности, а с другой – формировавшие отложенный спрос (в том числе возможность переезда по достижении пенсионного возраста), давно (еще в 90-х годах) потеряли свое значение в хозяйственной сфере. Поскольку работодатели сами осуществляют тарифную политику, то коэффициенты и надбавки стали во многом «обратной» величиной, «обращающей» расчетный заработок в тариф. Например, на химическом комбинате «Акрон» (Новгородская область) средний заработок слесаря-электромонтажника составляет 18 тыс. руб. (тариф 14 тыс. руб.), тогда как на горно-химическом «Апатите» – 20 тыс. руб. (тариф 7 тыс. руб.). А в условиях низкой возможности перетока рабочей силы по многим специфическим (горным) специальностям складывается монополистический рынок, искажающий реальную стоимость трудовых ресурсов.

Таблица 1. Показатели социально-экономического положения северных субъектов РФ [1]

Субъекты РФ	Среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. руб.				Миграция населения, тыс. чел.			
	2007	2008	2009	2010	2007	2008	2009	2010
Российская Федерация	13,5	17,2	18,8	21,2	239,9	242,1	247,4	158,1
Северные регионы	24,6	29,0	32,4	35,7	-20,8	-40,8	-28,5	-39,1
Республика Карелия	13,3	16,7	18,3	19,9	1,2	0,3	-0,6	-1,0
Республика Коми	7,1	20,6	23,1	25,7	-5,7	-9,1	-7,1	-8,6
Республика Саха (Якутия)	19,5	23,8	26,6	28,6	-5,5	-7,4	-7,0	-7,1
Архангельская обл.	14,5	18,0	20,0	22,2	-4,6	-6,5	-5,1	-8,0
Камчатский край	21,9	27,1	31,7	36,5	-1,5	-2,2	-1,3	-0,5
Магаданская обл.	23,3	30,0	33,0	37,6	-2,3	-2,4	-1,5	-1,9
Мурманская обл.	18,9	23,2	26,5	28,9	-4,9	-7,4	-4,8	-6,7
Сахалинская обл.	23,1	30,4	33,3	35,8	-1,4	-2,9	-2,5	-3,1
Ненецкий АО	34,4	41,5	44,3	47,3	-0,1	-0,2	0,1	-0,1
Ханты-Мансийский АО	32,3	37,2	39,1	41,5	4,9	1,7	4,8	3,7
Чукотский АО	31,5	38,8	42,9	47,4	-0,4	-0,9	-1,0	-0,9
Ямало-Ненецкий АО	37,4	43,6	46,9	52,6	-0,6	-4,0	-2,4	-5,0

Например, в Мурманской области (установлены коэффициент 1,4 и северные надбавки – максимально 1,8) в 1995 году средняя заработная плата в 1,8 раза превышала показатель по Российской Федерации. Как видно из таблицы 1, в 2007 г. это соотношение составляло только 1,4, а в 2010 г. еще меньше – 1,35. По существу, «вымылись» все северные надбавки.

Теоретически устойчивое развитие северных территорий может и должно быть обеспечено за счет как минимум двух групп факторов. Во-первых, это перераспределение рентных платежей, которые обеспечили бы достойный уровень жизни проживающих и работающих в экстремальных условиях людей. Во-вторых, это диверсификация и инновационная перестройка экономики, которая повысила бы конкурентность хозяйственных систем в обозримой перспективе.

На основе современных методологических и концептуальных представлений, выработанных в рамках изучения феномена устойчивого развития, можно сформулировать три критерия устойчивого развития экономической системы:

- ◆ повышение экономической эффективности функционирования;
- ◆ улучшение качества жизни населения территории;
- ◆ обеспечение равновесия в природной среде, что предполагает максимальное сокращение ущерба критическому природному капиталу, предотвращение необратимых процессов, ограничение потребления возобновляемых природных ресурсов уровнем, при котором обеспечиваются их устойчивость, учет и оценка издержек замещения.

Характеристики устойчивого развития должны охватывать все три сферы (экономическую, социальную и экологическую) и включать следующие показатели: оценку природно-ресурсного потенциала территории; величину поступлений в

доходную часть бюджета в результате освоения природно-ресурсного потенциала; количество создаваемых рабочих мест; уровень социально-экономической стабильности; уровень рационального использования природных ресурсов; техногенную нагрузку на окружающую среду; величину экологического ущерба. В условиях рыночной (или квазирыночной) экономики основным ее сектором выступает финансовая сфера, которая отличается крайне высокой подвижностью, неустойчивостью и подверженностью спекулятивным воздействиям. При этом центры реального производства и финансовые центры территориально чаще всего не совпадают, особенно в природно-ресурсных экономиках.

Можно отметить, что регионы Севера исключительно неоднородны как по природным ресурсам, так и по уровню освоения. Впрочем, это относится и к другим природным зонам. Однако у северных территорий есть характерная особенность – сложные природно-климатические условия, определяющие повышенные издержки их освоения, которые в условиях рыночных отношений могут обеспечиваться только за счет природной ренты. Естественно, исключая случаи внеэкономических отношений, например, когда государство финансирует освоение, преследуя политические или оборонные цели. Впрочем, в реальной действительности все они достаточно тесно переплетены.

Пространственное распределение северных и арктических регионов России в существующей классификации производств достаточно условно. Однако в целом на регионы с преимущественным развитием добычи полезных ископаемых (природно-сырьевые) приходится 82,1% промышленной продукции, на регионы с преимущественным развитием обрабатывающих производств – 12% и на третью группу регионов – 2,3% (табл. 2).

Таблица 2. Специализация районов Севера в 2008 г. по объему отгруженных товаров, работ и услуг, выполненных собственными силами, %

Регионы	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды
Всего	79,3	13,4	7,2
<i>Природно-сырьевые регионы</i>			
Республика Коми	52,8	36,9	10,1
Республика Саха (Якутия)	76,2	8,4	15,3
Магаданская обл.	62,9	11,5	25,5
Мурманская обл.	42,6	36,0	21,3
Сахалинская обл.	88,1	7,6	4,2
Ненецкий АО	98,3	0,6	1,0
Ханты-Мансийский АО	87,7	7,1	5,0
Чукотский АО	84,4	2,0	13,5
Ямало-Ненецкий АО	88,5	7,2	4,2
<i>Регионы с преобладающими обрабатывающими производствами</i>			
Архангельская обл.	1,7	79,7	18,5
Республика Карелия	32,0	55,2	12,7
<i>Регионы с ведущей отраслью производства электроэнергии, газа и воды</i>			
Камчатская обл.	16,0	39,4	44,5

Таблица 3. Индексы промышленного производства в регионах российского Севера [1]

Субъекты РФ	В % к предшествующему году				2010 к 2006, в %
	2007	2008	2009	2010	
Российская Федерация	106,3	102,1	89,2	108,2	104,7
Северные регионы					
Республика Карелия	116,8	100,0	90,1	110,6	116,4
Республика Коми	103,1	103,0	98,6	100,3	105,0
Республика Саха (Якутия)	100,3	104,3	91,3	117,5	112,2
Архангельская обл.	109,0	108,7	103,8	102,3	125,8
Камчатский край	102,0	105,0	92,5	105,0	104,0
Магаданская обл.	84,9	102,4	105,9	103,8	95,6
Мурманская обл.	98,2	97,3	93,6	104,0	93,2
Сахалинская обл.	210,0	87,0	121,9	101,2	223,7
Ненецкий АО	103,7	104,1	130,8	96,2	135,8
Ханты-Мансийский АО	102,8	101,2	98,6	101,8	104,4
Чукотский АО	94,0	107,6	138,1	93,8	130,9
Ямало-Ненецкий АО	95,2	98,1	90,8	107,3	92,0

Несмотря на отмеченные выше негативные тенденции в миграции и заработной плате, северные регионы представляют из себя достаточно дееспособную экономическую систему. Во всяком случае, она показывала в реальном секторе лучшие показатели, чем национальное промышленное производство. Как видно из *таблицы 3*, за период 2007 – 2010 годов основная часть регионов демонстрировала темпы производства, существенно превышавшие средние по Российской Федерации.

При этом важным является тот факт, что ресурсные отрасли при относительно высоких ценах на основные виды ресурсов, включая углеводородное сырье, концентрируют значительные финансовые ресурсы и могут стать заказчиком инновационной продукции на внутреннем рынке, выступая своеобразным «локомотивом» для производителей технологического оборудования.

Характерно, что в кризисном 2009 году все северные субъекты имели индекс про-

мышленного производства выше, чем национальная экономика. А пять регионов (Архангельская, Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий и Чукотский АО) показали рост индексов, причем последние три – весьма значительный. Хотя в экономической теории считается, что сырьевые рынки наиболее «капризны», то есть в максимальной мере подвержены колебаниям спроса и предложения, а следовательно, и изменениям ценовой конъюнктуры. Такое положение можно считать относительно новым даже в теоретическом аспекте, вызванным как особенностями последнего мирового финансового кризиса (в меньшей мере затронул реальный сектор и в большей – финансовую сферу), так и особым положением сырьевого сектора в экономике нашей страны, обусловленным:

- ✓ устойчивым и большим внутренним спросом на энергоресурсы (холодный климат требует большего потребления энергоносителей);

- ✓ наличием долгосрочных экспортных контрактов со стабильными ценами, не подверженными в среднесрочной перспективе значительным колебаниям;

- ✓ достаточно высокой инвестиционной привлекательностью северных отраслей и регионов.

Хотя, как видно из *таблицы 4*, удельный вес «северных» инвестиций не так уж и высок, во всяком случае, его нельзя назвать преобладающим. Так, по инвестициям в основной капитал он колебался от 15,5 до 18,9%, а по иностранным инвестициям и вовсе не превышал 12,7%. Если учесть, что в регионах Севера производится около 17% ВВП, а также повышенную капиталоемкость сырьевых отраслей, то сложившееся положение не может рассматриваться даже как удовлетворительное [2]. Нефтегазовые корпорации всячески ограничивают вложения в поисковые и разведочные работы, в результате чего обеспеченность запасами по многим видам полезных ископаемых за последние 20 лет сократилась в 2 раза и более.

Необходимо отметить крайне неравномерную географию капитальных вложений: более половины инвестиций в основной капитал приходится на Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, в иностранных инвестициях примерно такой же удельный

Таблица 4. Инвестиции в социально-экономическое развитие субъектов РФ [1]

Субъекты РФ	Инвестиции в основной капитал, млрд. руб.				Иностранные инвестиции, млн. долл. США			
	2007	2008	2009	2010	2007	2008	2009	2010
Российская Федерация	6626,8	8764,9	7930,2	9151,4	120941	103769	81927	11474,6
Северные регионы	1147,1	1501,2	1501,9	1420,2	8201,4	12705,7	10370,0	10613,6
Республика Карелия	18,6	22,8	18,7	22,3	157,5	110,5	238,7	89,0
Республика Коми	62,3	82,1	108,4	102,6	389,4	931,6	904,0	682,7
Республика Саха (Якутия)	124,0	154,2	351,2	117,2	832,1	666,1	1117,7	1336,7
Архангельская обл.	121,7	131,5	66,0	78,6	990,0	1562,6	589,3	722,8
в том числе Ненецкий АО	88,6	75,8	34,4	38,5	795,6	1360,6	483,3	537,1
Камчатский край	8,5	15,9	17,6	29,4	37,9	200,0	54,4	33,4
Магаданская обл.	7,6	12,0	12,2	13,6	14,3	5,0	4,8	0,3
Мурманская обл.	25,9	45,6	41,3	35,0	62,5	55,0	62,3	99,5
Сахалинская обл.	125,9	150,4	106,7	130,9	4963,8	6203,9	5768,7	4984,5
Ханты-Мансийский АО	377,8	477,7	426,9	498,5	152,7	294,0	105,4	1915,1
Чукотский АО	5,3	8,8	13,2	4,4	211,1	403,0	468,8	25,5
Ямало-Ненецкий АО	269,5	400,2	339,7	387,7	390,0	913,6	1055,9	724,1
Удельный вес северных регионов в инвестициях РФ (в %)	17,3	17,2	18,9	15,5	6,8	12,2	12,7	9,2

вес имеет Сахалинская область. При этом оказывается необоснованной бытующая версия о доминирующей роли последних. В целом отечественные инвестиции на Севере превышают их по годам в 3 – 5 раз, а по отдельным регионам (Мурманская и Магаданская области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО) в десять раз и выше.

Что касается видов производственной деятельности, то здесь нельзя однозначно выделить какой-либо вид, одинаково зарекомендовавший себя в условиях кризиса во всех северных субъектах РФ.

Из *таблицы 5* видно, что кризисный 2009 год во всех регионах проявился по-разному не только по промышленности в целом, но и по видам производственной деятельности. Характерно, что высокую устойчивость проявили в сырьевых северных субъектах РФ даже обрабатывающие производства. Если в целом по индустриальному Северо-Западному федеральному округу индекс в данном виде деятельности составил 82,9% (при среднем по Российской Федерации – 84%), то во всех регионах европейского Севера он был значительно выше, а в Республике Коми практически сохранился на уровне 2008 года.

Анализ динамики добывающих отраслей показывает, что здесь максимальный спад наблюдается в Республике Карелия в связи с резким снижением спроса на продукцию деревообработки, в первую очередь на сборные дома. В металлургии кризисные явления начались раньше: падение спроса отмечалось как в Мурманской, так и в Вологодской областях еще в 2008 году. Можно отметить также высокую стабильность энергетического комплекса, причем не только на европейском, но и на азиатском Севере.

В целом все северные регионы Дальневосточного федерального округа, за исключением Республики Якутия (Саха), демонстрировали очень хорошие показатели. Особенно примечателен Чукотский автономный округ, который в условиях быстрого роста цен на золото из-за неустойчивости мировых валют оказался в выгодном конъюнктурном положении. Хорошие показатели характеризуют и Сахалинскую область в связи с выходом на проектные мощности первого и пока единственного в России завода по сжижению природного газа.

Таблица 5. Индексы промышленного производства в 2009 г. (в % к предшествующему году) [1]

Территория	Индекс промышленного производства в 2009 г.	Индексы производства по видам экономической деятельности		
		добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	производство энергии
Российская Федерация	89,2	98,8	84,0	85,2
Северо-Западный федеральный округ	88,6	103,4	82,9	100,4
Республика Карелия	90,1	88,4	88,2	96,4
Республика Коми	98,6	98,7	98,0	99,1
Архангельская обл.	103,8	130,6	86,5	98,7
Мурманская обл.	93,6	96,4	90,4	96,2
Дальневосточный федеральный округ	103,5	107,9	99,1	97,3
Республика Саха (Якутия)	91,3	91,4	85,0	91,8
Магаданская обл.	105,9	104,9	121,6	100,7
Сахалинская обл.	121,9	120,6	136,8	104,4
Чукотский автономный округ	138,1	139,4	120,9	98,0

Таблица 6. Реальные денежные доходы населения (в % к предшествующему году) [1]

Субъекты РФ	Динамика доходов				
	2007	2008	2009	2010	2010 г. к 2006 г., в %
Российская Федерация	112,3	105,0	100,9	103,8	123,5
Северные регионы					
Республика Карелия	102,9	99,4	97,5	102,5	102,2
Республика Коми	107,4	99,4	94,3	101,0	101,7
Республика Саха (Якутия)	102,7	105,2	101,4	102,1	111,8
Архангельская обл.	105,8	108,4	99,2	100,9	114,8
Камчатский край	103,8	102,9	103,6	106,4	117,7
Магаданская обл.	101,4	98,1	99,1	101,8	100,4
Мурманская обл.	109,1	106,6	98,2	100,9	115,2
Сахалинская обл.	112,7	106,4	97,4	98,5	115,0
Ненецкий АО	114,9	113,2	71,1	95,9	88,7
Ханты-Мансийский АО	113,3	110,8	90,3	33,0	105,4
Чукотский АО	93,9	92,8	92,1	89,8	72,1
Ямало-Ненецкий АО	112,6	110,5	92,8	94,1	108,7

К сожалению, как уже упоминалось в статье, достаточно высокие экономические показатели абсолютно не коррелируют с показателями социальными. Из таблицы 6 видно, что ни один из северных субъектов Российской Федерации по темпам роста доходов населения даже не приближается к средней динамике по стране, а Ненецкий и Чукотский автономные округа (лидеры промышленного роста, см. табл. 3) показали снижение доходов в рассматриваемом периоде.

Причиной такого положения является «неэквивалентный» обмен как в рамках корпоративных финансов, так и в государственной бюджетной системе [3]. В корпорациях инструментами перетока финансов являются расчетные центры, расположенные за пределами центров добычи сырья. Что касается межбюджетных отношений, то действующая система привела к тому, что в 2008 г. северные субъекты РФ обеспечили почти 40% поступивших в федеральный бюджет налогов и сборов (1457 млрд. руб.), а в виде обратных трансфертов получили менее 20% из указанной суммы.

В связи с этим особенно настораживают широко обсуждаемые в последнее

время вопросы о необходимости повышения налоговой нагрузки, в частности, с целью изыскания средств для инновационных преобразований в стране. Наиболее очевидными направлениями фискального «удара» станет повышение ставок налога на добычу полезных ископаемых на нефть и газ, а также введение экспортных пошлин на медь и никель [4].

Не меньшую обеспокоенность вызывает неоднократно декларированное увеличение добычи газа в стране до 1 трлн. м³ уже к 2020 году. Очевидно, что это должно, с одной стороны, послужить «компенсатором» падения добычи нефти, а с другой – обеспечить финансовыми ресурсами инновационные преобразования. Однако при отсутствии четких и понятных программ технического перевооружения поставленная задача может быть не выполнена, а ресурсная база северных регионов окончательно подорвана уже в течение ближайших 15 – 20 лет.

Таким образом, подводя краткие итоги проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

- социально-экономические тенденции в северных регионах РФ имеют отдельные негативные составляющие,

к основным из которых могут быть отнесены продолжающийся миграционный отток населения (на фоне общего положительного сальдо страны) и долговременное снижение заработной платы по отношению к ее среднему уровню в РФ;

- тем не менее северные субъекты РФ оказались сравнительно устойчивы к кризисным явлениям, при этом ведущими факторами были наличие долговременных экспортных договоров с фиксированными ценами и стабильность спроса на внутреннем рынке;

- в целом политика государства и отдельных корпораций в отношении северных регионов остается дискриминационной, о чем свидетельствует крайне низкий рост реальных доходов, отрицательное сальдо миграции населения и истощение разведанной ресурсной базы.

Что касается ближайшей перспективы, то высока вероятность обеспечения финансовой стабильности государства и инновационных преобразований за счет роста налогов, в первую очередь налога на добычу полезных ископаемых.

Необходимо, чтобы увеличение фискальной нагрузки хотя в какой-то мере положительно отразилось на инновационном развитии северных территорий, при этом технологические новации должны быть направлены прежде всего на повышение извлекаемости запасов полезных ископаемых и обеспечение сохранности окружающей среды, достижение безопасности жизнедеятельности населения.

Механизмом мобилизации природной ренты и ее трансформации в финансовые ресурсы должны выступать специальные фонды, образуемые в северных субъектах РФ за счет части оставляемых в их распоряжении налогов (в первую очередь на добычу полезных ископаемых) и имеющие законодательно закрепленный целевой порядок расходования.

Можно отметить, что важным элементом обеспечения устойчивого социально-экономического развития северных регионов должно служить системное совершенствование налогового и бюджетного законодательства. Рассматривая налоговое и бюджетное законодательство в части распределения доходов между бюджетами бюджетной системы, необходимо отметить, что существующая система в целом обеспечивает условия для стабильного и своевременного исполнения расходных обязательств субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, но требует дальнейшего совершенствования.

Не случайно Президент РФ Д.А. Медведев в Послании Федеральному Собранию от 30 ноября 2011 года поставил перед Правительством страны задачу подготовить предложения об изменении сложившейся пропорции распределения доходов между бюджетами разных уровней [5].

В статье уже была отмечена существенная дифференциация субъектов Российской Федерации по их социально-экономическому развитию, а также по обеспеченности собственными бюджетными средствами. Существующая в настоящее время система межбюджетных отношений не стимулирует органы государственной власти субъектов и органы местного самоуправления к наращиванию их налоговых потенциалов и применению эффективных мер по увеличению доходов бюджетов.

В целях повышения финансово-экономической самостоятельности субъектов Российской Федерации и муниципальных образований необходимо сокращать неэффективную финансовую помощь, сделать максимально четкой и прозрачной процедуру предоставления межбюджетных трансфертов и предоставлять их только с учетом эффективности деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

При этом предоставление бюджетам субъектов РФ финансовой помощи из федерального бюджета в виде дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в настоящее время необходимо сохранить, уделяя особое внимание вопросам эффективности ее выравнивания.

Комитет по бюджету и налогам Мурманской областной Думы считает, что требует изменения методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ с целью создания условий для их стимулирования к наращиванию собственного налогового потенциала. При этом при планировании бюджетных ассигнований на очередной финансовый год должен сохраняться на уровне текущего года размер дотаций субъектам Российской Федерации, не допустившим снижения темпов экономического развития.

Из-за отсутствия достаточных источников собственных доходов бюджеты субъектов Российской Федерации перегружены расходными обязательствами. Поэтому в целях создания дополнительных условий для повышения финансово-экономической самостоятельности субъектов РФ и муниципальных образований требуются дальнейшее совершенствование разграничения полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления, установленного федеральным законодательством, и соответствующее распределение объемов налоговых поступлений между бюджетами бюджетной системы исходя из расходных обязательств Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований.

В настоящий момент финансовое обеспечение осуществления отдельных полномочий, переданных органам государственной власти субъектов, производится за счет субвенций из федерального бюджета, объем которых не полностью соответствует затратам субъекта на организацию выполнения переданных ему полномочий.

Еще одной проблемой, с которой сталкиваются северные субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, является отсутствие нормативов для оценки финансовых затрат на осуществление их расходных обязательств. Решение этой проблемы служит основой организации межбюджетных отношений и распределения налоговых поступлений между бюджетами бюджетной системы страны.

Нельзя отрицать и то, что сохраняется сильная зависимость местных бюджетов от бюджетов субъектов РФ, поскольку за счет налоговых и неналоговых доходов муниципалитеты обеспечивают лишь незначительную долю всех поступлений в свои бюджеты. Отсутствие у органов местного самоуправления надежных и достаточных собственных доходных источников, несбалансированность местных бюджетов являются одними из главных проблем формирования местных бюджетов.

И здесь следует отметить, что важным резервом наполнения доходной части региональных и местных бюджетов может стать отмена льгот по региональным и местным налогам, установленных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Для примера: в 2009 году сумма законодательно установленных льгот по региональным и местным налогам составила 181,9 млрд. рублей, при условии, что эта сумма не включает предусмотренные законодательством изъятия из объекта налогообложения.

Анализ проблем в части распределения доходов между бюджетами бюджетной системы страны, в том числе в северных регионах, позволяет предложить следующие мероприятия:

- 1) необходимо активизировать работу по совершенствованию межбюджетных отношений в целях создания механизма стимулирования субъектов Российской Федерации к наращиванию собственной доходной базы и повышения их заинтересованности в своем экономическом развитии;

2) предусмотреть меры поощрения субъектов РФ и муниципальных образований, проводящих ответственную финансовую политику, и меры воздействия, применяемые к субъектам и муниципальным образованиям с низким качеством финансового менеджмента;

3) продолжить работу по совершенствованию системы разграничения расходных обязательств Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований на основе анализа их финансового обеспечения;

4) внести изменения в Методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, учитывающие при расчете дотаций:

— сохранение в очередном финансовом году размера дотаций на уровне текущего года субъектам Российской Федерации, не допустившим снижения темпов роста налоговых и неналоговых доходов по сравнению с предшествующим финансовым годом;

— суммы доходов бюджетов субъектов Российской Федерации, выпадающих в результате применения льгот, предусмотренных федеральным законодательством по налогам, зачисляемым в бюджеты субъектов;

5) разработать единый механизм оценки стоимости предоставления государственных (муниципальных) услуг и на его основе провести оценку расходных обязательств Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований с последующим расширением доходных источников бюджетов субъектов и бюджетов муниципальных образований;

6) рассмотреть вопрос о зачислении налога на доходы физических лиц в бюджеты муниципальных образований по месту жительства налогоплательщика;

7) разработать и внести в Государственную Думу Федерального Собрания проект федерального закона о внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации, предусматривающего предоставление субъектам полномочий по установлению дифференцированных (на основе объективных общих критериев) нормативов отчислений в бюджеты муниципальных образований от отдельных налогов и сборов, подлежащих зачислению в бюджет субъекта Российской Федерации, а также аналогичных полномочий муниципальным районам по установлению дифференцированных нормативов отчислений в бюджеты поселений и в части перераспределения налоговых и неналоговых доходов в пользу бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Законодательным (представительным) органам государственной власти северных субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления необходимо разработать совместно с подразделениями Федеральной налоговой службы, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, других федеральных органов исполнительной власти комплекс мер, направленных на повышение эффективности администрирования региональных и местных налогов, контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, правильностью исчисления и полной поступлении налогов в региональные и местные бюджеты.

В заключение остановимся на некоторых специфических вопросах привлечения и закрепления трудовых ресурсов в северных регионах. В период с 2001 года по настоящее время трудовые гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (далее — Север), изменялись в основном в сторону ухудшения.

При этом некоторые из них были:

- ◆ поставлены в зависимость от источника финансирования организации и от ее руководства;

- ◆ исключены из законодательства или ограничены через бюджетное законодательство;

- ◆ оставлены, но под определенными дополнительными условиями локального регулирования, что тоже определило зависимость от руководства организации.

Материалы органов государственной власти Мурманской области свидетельствуют о том, что большая часть работодателей старается максимально уменьшить все виды компенсационных выплат и сократить гарантии работникам, ухудшая их права в сравнении с ранее действовавшими федеральными нормативными правовыми актами. Для стабильного положения работников организаций Севера, вне зависимости от источника их финансирования и организационно-правовых форм, целесообразно внесение изменений в действующие нормативные правовые акты [6, 7, 8]:

- ✓ статью 313 «Гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в редакции от 22.11.2011, с изменениями от 15.12.2011);

- ✓ Закон Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19.02.1993 № 4520-1 (в редакции от 24.07.2009);

- ✓ Приказ Минтруда РСФСР «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в соответствии с действующими нормативными актами» от 22.11.1990 № 2 (в редакции от 11.07.1991, с изменениями от 10.06.2009).

Учитывая необходимость стабилизации социально-экономической ситуации в северных регионах, а также стратегические проблемы привлечения и закрепления трудовых ресурсов в связи с предстоящим освоением арктического шельфа, целесообразно восстановить нормы, предусматривающие:

- для всех организаций выплату молодежи (лицам в возрасте до 30 лет) процентной надбавки к заработной плате в полном размере с первого дня работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, если они прожили в указанных районах и местностях в сумме не менее пяти лет;

- начисление процентной надбавки на стипендию студентов, обучающихся в высших и средних профессиональных учебных заведениях в северных регионах;

- для работников всех организаций, независимо от источника финансирования, размеры, порядок и условия компенсации расходов на оплату стоимости проезда в отпуск и обратно работника и членов его семьи и провоза багажа не ниже предоставляемых работникам организаций, финансируемых из средств федерального бюджета;

- для работников всех организаций, независимо от источника финансирования, размеры, порядок и условия компенсации расходов, связанных с переездом работника и членов его семьи в другие регионы, не ниже предоставляемых работникам организаций, финансируемых из средств федерального бюджета;

- выплату пособия по временной нетрудоспособности и по беременности и родам в размере полного заработка без ограничения максимальным размером.

Необходимо установить на федеральном уровне гарантии и компенсации для лиц, работающих в организациях, не относящихся к бюджетной сфере, определив

их размер не ниже гарантий и компенсаций для лиц, работающих в организациях, финансируемых из федерального бюджета; законодательно предусмотреть обязанность всех работодателей по предоставлению гарантий и компенсаций и разработать правовой механизм возмещения им произведенных расходов.

Целесообразно также уточнить понятие минимального размера оплаты труда, исключив из него компенсационные и стимулирующие выплаты (в том числе районные коэффициенты и процентные надбавки), установить, что размеры тарифных ставок, окладов, базовых окладов не могут быть ниже минимального размера оплаты труда.

Активная и согласованная деятельность государства, общественных институтов, предпринимательских структур в области социально-экономического развития северных регионов является необходимым условием устранения негативных последствий и обеспечения устойчивого развития.

Основополагающее значение для этого имеет:

– включение в приоритеты государственной политики вопросов социально-экономического развития Севера в целях создания благоприятных условий для проживания здесь населения;

– восстановление действенности системы северных гарантий и компенсаций как главного механизма социально-экономического развития северных регионов, развитие этой системы с учетом новых рыночных условий и интересов защиты социальных прав проживающих и работающих на Севере граждан;

– обеспечение эффективности всех элементов в сфере труда и занятости на Севере: оптимизации миграционных процессов, сокращения уровня безработицы и увеличения занятости населения, улучшения условий труда и отдыха работников и т.д.;

– совершенствование государственного регулирования в областях, непосредственно влияющих на развитие трудовой сферы в северных регионах: обеспечение жилищных, пенсионных и других прав граждан, проживающих на Севере.

Литература

1. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2007, 2008, 2009 и 2010 гг. // Российская газета. – 2008. – 14 марта; 2009. – 13 марта; 2010. – 12 марта; 2011. – 16 марта.
2. Лаженцев, В.Н. Социально-экономические проблемы Севера России / В.Н. Лаженцев // ЭКО. – 2010. – № 12. – С.40-53.
3. Пилясов, А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знаний / А.Н. Пилясов – М.: ЛИБРОКОМ, 2008. – 542 с.
4. Кризис целеполагания (редакционная статья) // Эксперт. – 2010. – № 47(731). – С. 19.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Парламентская газета. – 2010. – № 63. – 9 дек.
6. Статья 313 «Гарантии и компенсации лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в редакции от 22.11.2011, с изменениями от 15.12.2011) // Российская газета. – 2001. – № 256. – 31 дек.; Парламентская газета. – 2002. – № 25. – 5 янв.; Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – 7 янв.
7. Закон Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19.02.1993 № 4520-1 (в редакции от 24.07.2009) // Российская газета. – 1993. – № 73. – 16 апр.; Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 16. – 22 апр. – Ст. 551.
8. Приказ Минтруда РСФСР «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в соответствии с действующими нормативными актами» от 22.11.1990 № 2 (в редакции от 11.07.1991, с изменениями от 10.06.2009).

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 001.83(470+476)

© Дедков С.М.

© Егоров В.К.

Российско-белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений: восстановление единого научного пространства

В статье дается характеристика современного состояния сотрудничества ученых академических учреждений России и Беларуси, показываются этапы становления этого сотрудничества в рамках Союзного государства, обозначаются направления развития его единого научного пространства.

Россия, Беларусь, научно-техническое сотрудничество, проблемы повышения эффективности, механизмы регулирования.

**Сергей Маратович
ДЕДКОВ**

кандидат экономических наук, доцент, и.о. директора Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси
Dedkov2003@mail.ru

**Валерий Кузьмич
ЕГОРОВ**

кандидат исторических наук, начальник отдела гуманитарных и общественных наук Научно-организационного управления РАН
vegorov@presidium.ras.ru

Интеграция России и Беларуси уже имеет свою краткую, насыщенную сложными и противоречивыми, как и сама жизнь, событиями историю. Не вдаваясь в анализ и оценку последствий распада Советского Союза, следует, как очень важный с исторической точки зрения факт,

что, спустя менее чем 5 лет после этого события, именно наши страны вступили на путь реального объединения в принципиально новых геополитических условиях.

16 лет назад – 2 марта 1996 года в Москве был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси.

Этот договор стал краеугольным камнем в правовом фундаменте Союзного государства, поскольку его основные положения, формулировки целей и задач были в дальнейшем сохранены или получили развитие в последующих межгосударственных правовых актах, принятых Россией и Беларусью, включая Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года.

Предваряя разговор о становлении, а на самом деле — о восстановлении, единого научного пространства России и Беларуси, хотелось бы выделить положение Договора 1996 года о том, что одной из основных функций Сообщества является «всемерное содействие развитию общего научного, образовательного и культурного пространства». Именно в этом направлении вот уже восемь лет действует Межакадемический совет по проблемам развития Союзного государства (МАС).

Этот Совет как новая форма сотрудничества российской и белорусской академий наук создан на основании решения Совета Министров Союзного государства от 10 декабря 2002 года Национальной академией наук Республики Беларусь и Российской академией наук при участии Постоянного Комитета Союзного государства в 2004 году. В состав Совета вошли виднейшие ученые российской и белорусской академий наук, а также представители Постоянного Комитета Союзного государства. Руководство Межакадемическим советом осуществляют 3 сопредседателя — от НАН Беларуси, РАН и Постоянного Комитета Союзного государства.

Основные цели Совета — координация научной деятельности двух академий в интересах становления и развития Союзного государства, исследование проблем развития Союзного государства, проводимые в рамках отдельных и совместных программ, участие совместно с органами исполнительной власти

России, Беларуси и Союзного государства в определении актуальных задач науки.

Результаты исследований российских и белорусских ученых, посвященных проблематике становления Союзного государства, регулярно обсуждаются в рамках заседаний Межакадемического совета, организуемых под его эгидой международных научно-практических конференций и круглых столов. За период деятельности Совета состоялось семь его заседаний, которые проводятся поочередно в городах Беларуси и России: кроме Москвы и Минска они состоялись в Великом Новгороде, Витебске, Вологде, Череповце.

Среди проблем, которые явились предметом исследований специалистов России и Беларуси самой высокой научной квалификации, были такие актуальные и в то же время острые вопросы, как механизм присоединения Белоруссии и России к ВТО, выработка единых принципов предоставления сельскохозяйственных субсидий странами-участницами Союзного государства, формирование единого инновационного пространства Беларуси и России, достижение устойчивого антикризисного состояния торгово-экономического взаимодействия России и Беларуси, гармонизация национальных законодательств Беларуси и России, формирование и реализация научно-технических программ Союзного Государства.

Ученые обеих академий неоднократно подчеркивали, что в системе давно и прочно сложившихся научных и научно-технических связей Беларуси и России имеются высокоинтегрированные составляющие, разрушение которых недопустимо. В условиях, когда развитие всей мировой науки идет по пути интеграции и объединения усилий, нелепо искусственно разъединять то, что успешно работает.

Нельзя при этом скидывать со счетов и то, что, пребывая в условиях перманентного мирового кризиса, наши страны не могут не иметь высокотехнологичных систем обеспечения собственной и общей безопасности.

На состоявшемся в г. Минске 27 апреля 2011 года совместном заседании Президиума Национальной академии наук Беларуси и Президиума Российской академии наук было отмечено, что между нашими академиями существует и эффективно развивается двухстороннее сотрудничество, расширяется его тематика и география, и это сотрудничество является одним из наиболее мощных стимулов процесса интеграции России и Беларуси.

В этой связи на заседании, в частности, подчёркивалось, что Межакадемический совет должен играть важную роль в координации сотрудничества на основных приоритетных направлениях научных исследований, проводимых учёными РАН и НАН Беларуси, и в экспертизе разрабатываемых совместных программ и проектов. Между Постоянным Комитетом, РАН и НАН Беларуси достигнуто и неоднократно подтверждено полное понимание настоящей необходимости получить возможность участия МАС в экспертизе целевых тематических программ научных исследований Союзного государства.

Одной из наиболее важных задач, стоящих перед российскими и белорусскими учёными, является разработка концепции развития Союзного государства России и Беларуси. Бесспорный концептуальный характер этой проблемы предопределяет высокий уровень научного осмысления не только накопленного опыта интеграции двух стран, но и особенностей нынешнего состояния интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Прежде всего, предстоит осуществить глубокий анализ качественно нового характера межгосудар-

ственных отношений, формирующихся на территории бывшего СССР после вступления в силу соглашений о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве.

Этот комплексный анализ позволит решать вопросы корреляции развития интеграции в рамках Союзного государства и процессов в ЕврАзЭС и ОДКБ в контексте общеевропейских и глобальных взаимоотношений. Не случайно поэтому задача разработки концепции развития Союзного государства на заседании президиумов РАН и НАН Беларуси была рассмотрена как первоочередная. В таком же качестве она ставится в планах работы Межакадемического совета.

Нет необходимости много говорить о тесных взаимоотношениях двух академий, имеющих общие корни, историю, научные школы и традиции. Всё это представляет прочную основу сотрудничества, позволившую без существенных утрат для науки пройти сложный период глубоких трансформаций 90-х годов прошлого века. Нынешний этап развития межгосударственных отношений России и Беларуси позволяет расширить и укрепить эту основу. Характерные для российско-белорусского сотрудничества традиции естественно и логично сочетаются в современных условиях с модернизацией, инновационными подходами к решению самых сложных проблем фундаментальной и прикладной науки.

В последние годы российские и белорусские учёные тесно взаимодействуют в самых современных научных направлениях: космические исследования, ядерная энергетика, вычислительная техника, органический синтез, геология нефти и газа, биология, геномная инженерия. Во многих направлениях результаты, достигнутые в ходе совместных исследований, соответствуют самым высоким требованиям мирового уровня.

Следует признать, однако, что в течение ряда последних лет сотрудничество в области технических, точных, естественных наук развивалось опережающими темпами в сравнении с исследованиями общественно-ведческого и гуманитарного характера. Речь идёт о темпах и уровне исследований. Очевидно, что наличие таких объективных предпосылок к стимулированию интеграционных процессов, как общая культура и история, конфессиональная общность и традиционные близкие отношения, позволяет ставить вопрос о создании наряду с общим экономическим и инновационным пространством научно-образовательного. Для этого необходимы совместные комплексные научные программы в области экономики, права, социологии, истории, литературы. Укрепление базиса интеграции ставит задачу разработки в самом недалёком будущем конкретных исторических, филологических, культурологических проектов и программ исследований.

Большое значение для стимулирования интеграционных процессов имеют комплексные исследования вопросов сотрудничества между регионами наших братских стран. Так, например, в 2009 году во исполнение решений V заседания МАС были развернуты работы в области проведения совместных социологических исследований и изучения вопросов межрегиональной торговой интеграции между Республикой Беларусь и субъектами Северо-Западного федерального округа Российской Федерации. Значительную часть этих работ с российской стороны осуществляет Институт социально-экономического развития территорий РАН, находящийся в г. Вологде, в рамках трех совместных проектов, финансируемых Белорусским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом. В 2011 году на межгосударственной выставке, посвященной 20-летию образования Союза

Независимых Государств, на экспозиции Союзного государства были размещены стенды, демонстрирующие деятельность Межакадемического совета, в том числе в области межрегионального сотрудничества, а в рамках деловой программы Дня Союзного государства состоялось расширенное заседание МАС и организована научная дискуссия – круглый стол по проблемам интеграции науки в рамках Союзного государства.

Академическая наука выполняет важную социальную роль благодаря тому, что она системно встроена в социально-экономический комплекс государств. Выполненные совместные разработки внесли заметный вклад в развитие информатики, машиностроения, оптики, электроники, металлургии, в энерго- и ресурсосбережение, сохранение природного и культурного наследия и высоко оценены на международном уровне.

Цели, провозглашенные в рамках Союзного государства Беларуси и России, отсутствие визовых и таможенных границ создают благоприятные условия для широкой совместной научной и инновационной деятельности белорусских и российских партнеров.

В России и в Беларуси научно-техническое развитие осуществляется по утвержденным на высшем государственном уровне приоритетным направлениям. Сходство, а по ряду направлений и совпадение этих приоритетов открывают дополнительные возможности для интеграции научно-технической деятельности. В первую очередь это относится к таким приоритетным направлениям научно-технической деятельности России и Беларуси, как энергетика и энергосбережение, биотехнологии и фармацевтика, информационно-телекоммуникационные системы, индустрия наносистем и новых материалов, рациональное природопользование и некоторые другие.

Сегодня на первый план выходит инновационная составляющая взаимодействия: НАН Беларуси и ее российские партнеры активизируют деятельность по созданию на базе подразделений РАН и НАН Беларуси, работающих в близких и взаимодополняющих друг друга направлениях, совместных научных лабораторий и научно-производственных центров, прорабатывают возможности создания совместных предприятий и организации производства в рамках формируемых в России и Беларуси технопарковых зон. Функционируют Научно-исследовательский Центр нефте- и лесохимических технологий (на базе Института химии новых материалов НАН Беларуси и Института катализа им. Г.К. Борескова Сибирского отделения РАН) и российско-белорусская лаборатория электромагнитных и ионизирующих излучений (на базе ГНУ «Институт радиобиологии НАН Беларуси» и Института биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН), ведутся активные совместные работы в рамках международной межправительственной научно-исследовательской организации «Объединенный институт ядерных исследований» (г. Дубна).

Важным направлением развития научно-технического сотрудничества между Беларусью и Россией является расширение уже отмеченного выше взаимодействия непосредственно с регионами Российской Федерации. Национальная академия наук Беларуси в качестве исполнителя включена в утвержденные Советом Министров Республики Беларусь Планы и Протоколы мероприятий по развитию сотрудничества с 18 регионами Российской Федерации.

Сформирована Программа сотрудничества организаций НАН Беларуси и Санкт-Петербургского научного центра РАН, в которую кроме проектов, финансируемых по Межправительственному соглашению и программе РФФИ–БРФФИ,

входят 6 проектов. Их выполнение планируется осуществить в рамках программы Союзного государства «Гетероструктуры: СВЧ-радары, лазеры, светодиоды» («Прямень»), направленной на создание научных и технологических основ для развития гетероструктурных приборов микро- и оптоэлектроники в Союзном государстве, разработку ряда приборов, отвечающих современному мировому уровню, пригодных для внедрения в производство.

В целях реализации Договора о научном сотрудничестве между НАН Беларуси и Уральским отделением РАН сформирован перечень из 25 тем для проведения совместных исследований, разработки и внедрения новых технологий в производственную сферу.

Развитию межакадемического сотрудничества способствует активное взаимодействие с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве.

Налажено взаимодействие между Советами молодых ученых РАН и НАН Беларуси. Расширяется тематика и география научно-технического сотрудничества, что требует повышенного внимания руководства российской и белорусской академий по координации проводимых исследований, ориентации их на приоритетные для России и Беларуси задачи. Тем самым создаются предпосылки для формирования единого научно-технологического пространства на территории Союзного государства.

Позитивно складывается и практика партнерства организаций Национальной академии наук Беларуси и Российской академии наук в рамках научно-технических программ Союзного государства.

В НАН Беларуси выполнено и выполняется 11 программ, финансируемых из бюджета Союзного государства: «Космос БР», 1999 – 2002 гг.; «СКИФ», 2000 – 2004 гг.; «БелРосТрансген», 2003 – 2006 гг.; «Космос СГ», 2004 – 2007 гг.; «Триада», 2005 – 2008 гг.; «СКИФ-ГРИД», 2007 – 2010 гг.; «Космос НТ», 2008 – 2011 гг.; «Нанотехнология-СГ», 2009 – 2012 гг.; «БелРосТрансген-2», 2009 – 2013 гг.; «Стволовые клетки», 2011 – 2013 гг. и «Стандартизация – СГ», 2011 – 2014 гг.

Становится очевидным, что в условиях интенсивного развития экономической интеграции, создания Таможенного союза, поэтапного формирования Единого экономического пространства темпы построения единого научно-инновационного пространства между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, другими странами экономических интеграционных объединений должны быть ускорены. Это поможет осуществить ускоренную модернизацию всей экономики государств-партнеров, обеспечить рост конкурентоспособности хозяйствующих субъектов на основе инновационного развития, формирование новых интегрированных научно-производственных структур.

Для успешного решения указанных проблем, на наш взгляд, необходимо для начала четко определиться с пониманием сути двух основных целей, которые государства – участники СНГ ставят в сфере инновационной деятельности: создание Единого научно-инновационного пространства и формирование Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств – участников СНГ.

«Единое пространство» подразумевает общие «правила игры» в инновационной сфере: налоговые льготы разработчикам и производителям, правила трансферта технологий, условия оборота интеллектуальной собственности и т.п.

В конечном итоге – это единая конфигурация национальных инновационных систем государств – участников СНГ. Считается, что эффективно действующая инновационная система в условиях рыночной конкуренции неизбежно обеспечит интенсивный поток инноваций, поскольку конкуренция – мать инноваций. По сути дела, речь идет о гармонизации всех условий экономической деятельности, которая неизбежно сталкивается с естественными различиями экономических интересов государств, обусловленных в первую очередь разной структурой их экономик.

Весь комплекс проблем согласования интересов, а также некоторые пути решения этих проблем просматриваются в ходе непростых процессов формирования Союзного государства, Таможенного союза и ЕврАзЭС. Кроме того, переход на инновационный путь развития сам по себе очень сложный процесс, требующий системного изменения сразу многих элементов хозяйственного механизма, что вызывает конфликт интересов уже внутри экономической системы каждой из стран.

В этой связи полагаем, что создание единого научно-инновационного пространства – это важнейшая задача на перспективу. Формирование такого пространства отвечает фундаментальным интересам всех стран. Важнейшим позитивным результатом станет достижение синергетического эффекта, который позволит существенно нарастить инновационный потенциал и усилить конкурентные позиции отдельных ученых, научных сообществ, академий и, наконец, стран в целом.

Решение данной задачи связано с поиском общих интересов и гармонизации национальных законодательств на этой основе.

Главным мотивом инновационной деятельности в экономической теории считается конкуренция. Но это – в теории.

А на практике встают такие вопросы: имеет ли смысл развивать конкуренцию между странами одного интеграционного объединения? Не для того ли был создан, например, Европейский союз, чтобы, среди прочего, противостоять США и странам Юго-Восточной Азии в глобальной конкуренции? Эффективны ли дублирующие друг друга исследования и производства?

Из очевидных ответов на эти вопросы логически вытекает такое направление работы, — и оно, по нашему мнению, более результативно в странах с относительно высоким участием государства в экономике, — как использование программно-целевого метода управления инновационными процессами. В Беларуси этот инструмент доказал свою эффективность. В 2011 году стартовала уже вторая Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь (до 2015 года). По инициативе белорусской стороны была разработана и в мае 2010 года решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС утверждена Межгосударственная целевая программа ЕврАзЭС «Инновационные биотехнологии». Эта программа явилась первой среди межгосударственных программ ЕврАзЭС, в отношении которой принято решение высших органов Сообщества о реализации.

Однако одно дело — страна, а другое — объединение стран со своими процедурами, своей иерархией, своей спецификой. Отсюда сложности согласования общих документов. И до сих пор, несмотря на разработку проекта новой редакции Порядка разработки и реализации программ Союзного государства, согласование совместных проектов Союзного государства по-прежнему занимает много времени, система согласования остается громоздкой и требует упрощения.

Сохраняется потребность больше внимания уделять межрегиональному научно-сотрудничеству, стимулировать налаживание взаимодействия между молодыми учеными обеих стран, планировать совместное выполнение научных исследований, которые должны составлять основу научно-технических и инновационных программ Союзного государства, более активно использовать совместно полученные знания в создании наукоемких производств и технологий.

В структуре НАН Беларуси созданы научно-практические центры и научно-производственные объединения, объединенные институты, которые связывают все фазы инновационного цикла на базе единой организационной структуры. Реализованные в белорусской практике модели структурирования имеют аналоги в российской практике: наукограды, технологические парки и другие. В то же время для белорусских ученых представляет интерес то, как организован инновационный процесс в таких организациях РАН, как Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН, которым руководит Нобелевский лауреат академик Ж.И. Алферов, или Институт проблем химической физики РАН в г. Черноголовке, руководимый академиком С.М. Алдошиным.

В свою очередь, для России был бы, на наш взгляд, интересен опыт Беларуси по концентрации интеллектуальных ресурсов в рамках государственных комплексных целевых научно-технических программ. Начиная с прошлой пятилетки, были созданы 12 таких программ, в которые на сегодняшний день включены 18 Государственных программ научных исследований и 28 Государственных научно-технических программ.

Одним из ключевых инструментов достижения поставленных целей могут стать государственно-частные партнерства в инновационной сфере, для реализации которых необходима соответствующая законодательная база.

Назрела необходимость ликвидации отставания Беларуси от Российской Федерации в части формирования основ рыночной экономики (основные институты, рыночные отношения) как среды для наращивания конкурентных преимуществ.

Первым этапом на пути успешного сотрудничества России и Беларуси в инновационной сфере может стать принятие гармонизированного основополагающего Закона Союзного государства «Об инновационной деятельности», за которым должна последовать серия нормативных правовых актов, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности, трансфера технологий, функционирования субъектов инновационной инфраструктуры, единого порядка формирования и реализации программ фундаментальных и прикладных исследований.

В сфере научной деятельности, самого важного элемента экономики знаний, наиболее острая ситуация сложилась для гуманитарных наук. Остаточный принцип обеспечения гуманитарных отраслей знания, который существует в настоящее время, связан с тем, что они, по общему убеждению, не дают прямой добавленной стоимости, а значит – бесполезны. При этом из виду упускается, что именно специалисты гуманитарного, а не естественнонаучного профиля составляют большую часть персонала абсолютного большинства как государственных, так и частных управленческих структур.

Именно эти люди, как правило, отвечают за выработку стратегических программ развития компаний, общества и государства. Учитывая это, в рамках создания интегрированной инновационной системы необходимо определить роль и практическое значение гуманитариев в обществе как основных носителей и «формирователей» человеческого (социо-интеллектуального) капитала.

Важным шагом в развитии гуманитарного сотрудничества является учреждение в 2010 г. в Москве Ассоциации исследовательских институтов философии стран СНГ, Азии и Восточной Европы, у истоков которой стояли организации, представляющие Азербайджан, Армению, Беларусь, Казахстан, Россию, Таджикистан и ряд других государств. Сформирован исполнительный комитет Ассоциации. Принято решение о создании Международного института философии, призванного стать наследником традиций научного диалога и сотрудничества, положительно себя зарекомендовавших в рамках советского периода.

Совместная работа философов уже дает значимые результаты. Ученые Института философии НАН Беларуси совместно с коллегами из РАН, университетов Санкт-Петербурга, Томска, Перми раскрыли инновационный потенциал методов синергетики в диагностике, синтезе и проектировании сложных систем, дали философско-методологический анализ проблемы размерности пространства-времени. Монография о процессах самоорганизации и эволюции систем, подготовленная по результатам этих исследований, выдержала два издания в Москве.

О важности результатов сотрудничества в сфере гуманитарных наук свидетельствуют уже только названия ряда совместных публикаций: «Социальная консолидация общества (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии)» (М.—Мн., 2004); «Формирование национально-государственных интересов в условиях возрастающей глобализации (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии)» (М.—Мн., 2008). В сотрудничестве с философами Сибирского отделения РАН и Института философии и политологии Казахстана разработана аналитико-прогностическая модель социальной трансформации постсоветских обществ на опыте России, Беларуси и Казахстана.

Кооперация белорусских и российских ученых должна опираться на сильные стороны ее участников и минимизацию параллельных высокочрезвычайно затратных работ. На принципах, апробированных при формировании Таможенного союза, необходимо создавать единое научно-технологическое пространство России и Беларуси, координировать исследования с учетом сложившейся специализации научных школ и их места в мировой иерархии, подключаться к системе международного научно-технического сотрудничества (в т.ч. к проектам 7-й Рамочной программы ЕС) только при наличии зримых выгод для всех участников, не поощряя тем самым скрытую утечку конкурентоспособных результатов отечественных НИОКР.

Настоящая статья публикуется на новой для деятельности Межакадемического совета площадке – в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», который издается Институтом социально-экономического развития территорий РАН, расположенном в старейшем городе России – Вологде. Журнал выходит на русском и английском языках, имеет открытый сайт в Интернете, что дает возможность поделиться некоторыми соображениями с широким кругом специалистов по вопросам развития межрегионального и межгосударственного сотрудничества. Одновременно это – приглашение к совместному обсуждению и работе, поскольку в условиях реальной интеграции, масштабная практическая деятельность может быть только общей.

В условиях работы на общем рынке необходимо скорректировать подходы к привлечению иностранных инвестиций в Республику Беларусь. Во-первых, создать условия для функционирования международных корпораций, которые производят технически сложную инновационную продукцию и обеспечивают ее экспорт в другие страны Таможенного союза.

Во-вторых, специальным декретом следует оговорить, что на такие корпорации не распространяется обычная практика хозяйствования в Республике Беларусь, заключающаяся в доведении целевых показателей, государственном регулировании тарифной политики, запрете увольнения излишней рабочей силы и т.д.

Более 150 белорусских специалистов с 1956 по 1991 год принимали участие в исследовании и освоении Антарктики в составе советских антарктических экспедиций, провели сотни исследований, тысячи наблюдений и создали десятки научных трудов. Сегодня следует делать упор на совместные комплексные междисциплинарные проекты по геофизическому мониторингу Антарктиды. Белорусские ученые могут предложить для данных исследований уникальные приборы по изучению аэрозолей, для оценки пустот в ледяном массиве, лидарные установки для изучения атмосферы. Возможно формирование совместного проекта по изучению Арктики в рамках программ Союзного государства.

Белорусы уже сделали ряд конкретных шагов. По комплексу вопросов, связанных с выполнением мероприятий по обеспечению работ в Антарктике, Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и Национальной академией наук Беларуси согласован Проект Государственной программы «Мониторинг полярных районов Земли и обеспечение деятельности арктических и антарктических экспедиций на 2011 – 2015 годы». В ведение Национальной академии наук Беларуси передан Республиканский центр полярных исследований, который будет осуществлять работу, связанную с изучением этой малоисследованной области Земли. Присутствие Беларуси в Арктике также политический вопрос, обеспечение которого выгодно обеим сторонам.

Ученые России и Беларуси могут столь же эффективно объединить усилия по изучению уникальных объектов природы, которыми богаты соседние страны. В Беларуси это и самое большое озеро Нарочь, и цепь Браславских озер, и заповедный лесной массив Беловежская пуща, и уникальные болотные массивы Полесья. Проекты по изучению подобных объектов в Беларуси практикуются уже достаточно широко, в том числе и совместно с российскими коллегами.

Например, Институтом экспериментальной ботаники НАН Беларуси совместно с Институтом ботаники им. Н.Г. Холодного НАНУ, Институтом экологии Карпат, Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова РАН разработана концепция создания трансграничных заповедных территорий Беларуси, Украины, России. Определены перспективные для охраны биологического разнообразия трансграничные природные комплексы, разработаны и внедрены

конкретные мероприятия по их охране. Создан биосферный трансграничный резерват «Западное Полесье». После создания единой охраняемой территории это будет четвертая в мире и вторая в Европе трехсторонняя (создаваемая при участии Беларуси, России и Польши) охраняемая территория.

Приведенный здесь перечень объектов и направлений совместной работы учёных России и Беларуси далеко не исчерпывающий. Но и он убедительно свидетельствует, что межакадемическое сотрудничество РАН и НАН Беларуси, расширение и углубление их связей с научными центрами является мощным стимулом для интеграции двух братских стран, а формирование единого инновационного пространства России и Беларуси может стать моделью для построения механизмов модернизации экономик стран Евразийского сообщества на основе, в первую очередь, собственного научно-технического потенциала.

УДК 339.92(470+476)

© Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я.

Моделирование внешнеэкономической деятельности регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь

Статья посвящена актуальным вопросам исследования процессов интеграции и моделирования внешнеэкономической деятельности в малоизученном аспекте системы отношений «страна – регион другой страны». Рассмотрены тенденции развития торгово-экономической интеграции регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь. Описан математический аппарат гравитационного моделирования внешнеторгового взаимодействия, апробированный на материалах статистической отчетности регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь.

Внешиэкономическая деятельность регионов, торгово-экономическая интеграция, товарооборот, экономико-математическое моделирование.

**Тамара Витальевна
УСКОВА**

доктор экономических наук, зам. директора по научной работе Института социально-экономического развития территорий РАН
tvu@vscc.ac.ru

**Роман Юрьевич
СЕЛИМЕНКОВ**

кандидат экономических наук, и.о. зам. зав. отделом Института социально-экономического развития территорий РАН
rus_vscc@mail.ru

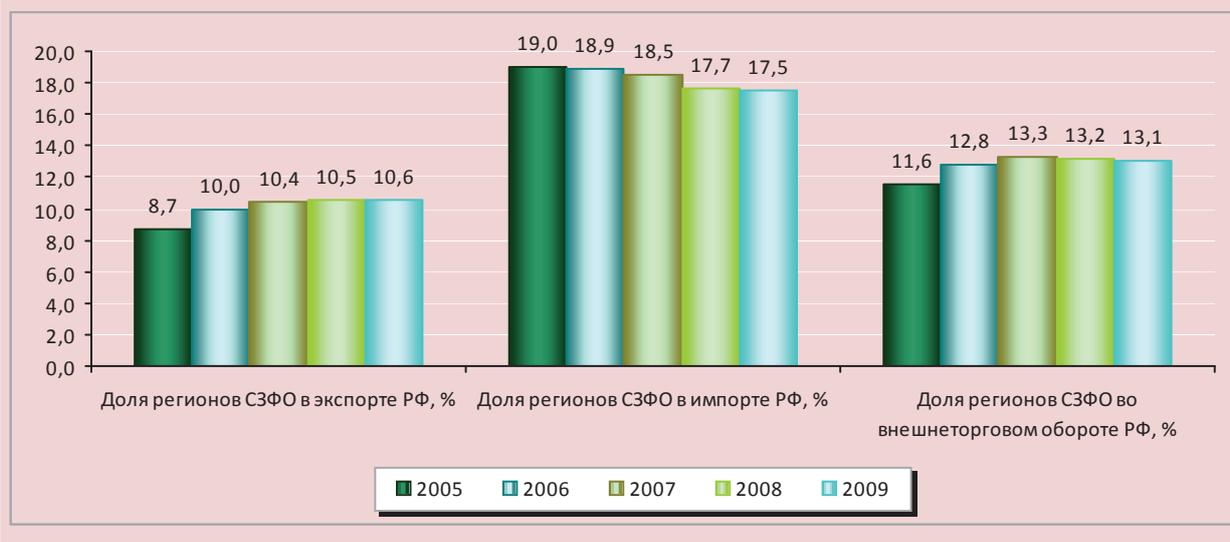
**Валерий Яковлевич
АСАНОВИЧ**

доктор химических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета
asan41@qmail.com

Значение внешнеторговой деятельности трудно переоценить. С одной стороны, она выступает результатом межгосударственного и межрегионального географического разделения труда, а с другой – условием повышения эффективности региональной

экономики. Ориентация на крупномасштабный международный обмен беспроигрышна, т.к. позволяет расширять набор и количество разнообразных потребительских благ, предоставляемых населению и используемых в национальной экономике [10].

Рисунок 1. Доля регионов СЗФО во внешнеэкономической деятельности Российской Федерации

В условиях сокращения внутреннего спроса экспортные поставки становятся одним из важнейших условий выживания региональной экономики. За счет импорта удовлетворяется потребность в товарах, в увеличении их ассортимента, в сырье и полуфабрикатах для обеспечения производственных процессов, а также машинах и оборудовании. Следовательно, наличие внешнеторговых связей – необходимое условие устойчивого функционирования хозяйственного комплекса любого российского региона [6].

Регионы Северо-Запада Российской Федерации являются активными участниками международной деятельности. Их доля во внешнеторговом обороте страны к 2009 году составила 13,1% (рис. 1). При этом повышение в исследуемом периоде (2005 – 2009 гг.) доли регионов округа в российском экспорте на 1,9% соответствовало снижению их доли в импорте на 1,5%.

Следует отметить, что внешнеэкономическая деятельность регионов СЗФО имела положительные темпы прироста до 2009 г.: так, в 2008 г. по сравнению с 2007 г. внешнеторговый оборот вырос на 31,3%.

В 2009 г. в связи с ухудшением макроэкономической конъюнктуры, вызванным последствиями мирового финансового кризиса, данный показатель снизился на 36,6% [4].

Внешнеторговое сотрудничество субъектов округа в исследуемом периоде выстраивалось синхронно со странами как дальнего, так и ближнего зарубежья (табл. 1 и 2).

Однако если в случае со странами дальнего зарубежья внешнеторговое сальдо за весь период 2005 – 2009 гг. было близко к нулевому значению, то в случае со странами ближнего зарубежья экспорт в 2005 г. превысил импорт в 2,9 раза, а в 2009 г. – в 3,5 раза. В исследуемом промежутке времени наибольшая разница наблюдалась в 2008 г., когда превышение экспорта над импортом достигало почти 6 раз. Это говорит о высоком экономическом потенциале и конкурентоспособности регионов СЗФО на рынке стран СНГ.

Среди регионов Северо-Запада России наибольшую внешнеторговую активность на протяжении исследуемого периода проявлял Санкт-Петербург: в 2009 г. его доля

Таблица 1. Внешняя торговля регионов СЗФО (экспорт)
 (в фактически действовавших ценах; миллионов долларов США) [12]

Субъект РФ	Экспорт									
	в страны дальнего зарубежья					в страны СНГ				
	2005	2006	2007	2008	2009	2005	2006	2007	2008	2009
Северо-Западный федеральный округ	19390,7	28118,2	33237,2	44961,4	28956,4	1502,4	2035,2	3403,4	4359,8	3017,0
Республика Карелия	965,3	1164,9	1168,6	1345,0	968,8	33,3	41,1	59,6	57,7	37,8
Республика Коми	522,6	682,6	845,9	966,0	651,3	173,7	155,5	231,3	227,9	139,5
Архангельская область	972,3	1509,8	1311,9	2291,8	3997,2	65,0	71,1	95,6	107,8	89,4
Вологодская область	2838,9	2180,7	2629,9	4112,0	2112,0	177,4	232,7	297,6	438,3	228,8
Калининградская область	1688,0	1182,3	502,5	593,2	540,2	137,6	65,6	95,2	103,9	178,6
Ленинградская область	5781,3	6614,9	8033,7	11225,1	6918,6	267,6	214,7	247,2	340,1	243,4
Мурманская область	1187,3	2074,7	2107,8	2295,6	1596,9	3,4	3,6	10,7	12,3	44,4
Новгородская область	721,1	764,3	835,5	1227,8	650,3	41,7	69,1	94,6	98,4	76,2
Псковская область	388,5	438,1	231,5	188,1	37,5	13,6	21,0	32,5	37,3	23,3
г. Санкт-Петербург	4325,4	11505,9	15569,9	20716,7	11483,6	589,1	1160,8	2239,1	2936,1	1955,6
Справочно Россия, млрд.	208,8	259,7	299,3	398,1	255,0	32,6	42,3	52,7	69,8	46,8

 Таблица 2. Внешняя торговля регионов СЗФО (импорт)
 (в фактически действовавших ценах; миллионов долларов США) [12]

Субъект РФ	Импорт									
	из стран дальнего зарубежья					из стран СНГ				
	2005	2006	2007	2008	2009	2005	2006	2007	2008	2009
Северо-Западный федеральный округ	18211,4	25498,5	36320,9	46618,6	28477,1	510,3	514,4	674,8	741,5	861,9
Республика Карелия	180,5	207,6	328,8	391,8	221,5	2,8	3,3	10,7	4,0	3,3
Республика Коми	208,8	167,6	220,8	368,3	343,3	15,5	6,8	6,2	10,2	7,7
Архангельская область	117,8	368,7	304,7	382,6	226,3	14,6	20,2	23,4	17,6	8,2
Вологодская область	274,3	339,7	459,0	514,8	391,1	42,6	45,0	44,4	57,0	20,2
Калининградская область	3703,4	5056,2	7728,5	9279,4	5182,3	92,1	100,6	130,2	146,4	144,6
Ленинградская область	3164,8	4665,6	6491,0	8685,8	3604,9	22,3	24,5	47,3	51,1	55,5
Мурманская область	196,5	141,5	276,7	350,3	333,7	6,8	3,9	3,9	6,9	9,4
Новгородская область	281,5	234,6	304,3	432,7	12,8	17,4	14,5	11,8	14,4	288,5
Псковская область	322,3	434,4	584,6	897,0	639,3	3,8	5,9	9,3	11,3	4,8
г. Санкт-Петербург	9761,5	13882,6	19622,4	25315,8	17521,9	292,5	289,7	387,5	422,7	319,7
Справочно Россия, млрд.	79,7	115,2	169,9	230,4	145,7	19,0	22,3	29,9	36,7	21,8

во внешнеторговом обороте округа составила 51%. Вологодская область заняла по этому показателю пятое место (4%), уступив Ленинградской (18%), Калининградской (10%) и Архангельской (7%) областям (рис. 2).

Несмотря на положительное внешне-торговое сальдо, активный внешнеторговый баланс СЗФО сложился только по группам сырьевых товаров и товаров с низкой степенью переработки: «продукция топливно-энергетического комплекса», «древесина и целлюлозно-бумажные изделия», «металлы и изделия из них». По группам товаров с более высокой добав-

ленной стоимостью баланс пассивный, что свидетельствует о недостаточной конкурентоспособности на внешних рынках продукции данной номенклатуры, производимой в регионах СЗФО.

Развитие взаимовыгодного сотрудничества – одна из целей создания Союзного государства России и Белоруссии. Вместе с тем в последние годы существенные коррективы в развитие торгово-экономической интеграции двух стран внёс мировой финансовый кризис. Снижение спроса привело к падению темпов роста экономик обеих стран и, как следствие, к снижению товарооборота (табл. 3).

Рисунок 2. Доля регионов СЗФО во внешней торговле округа в 2009 году

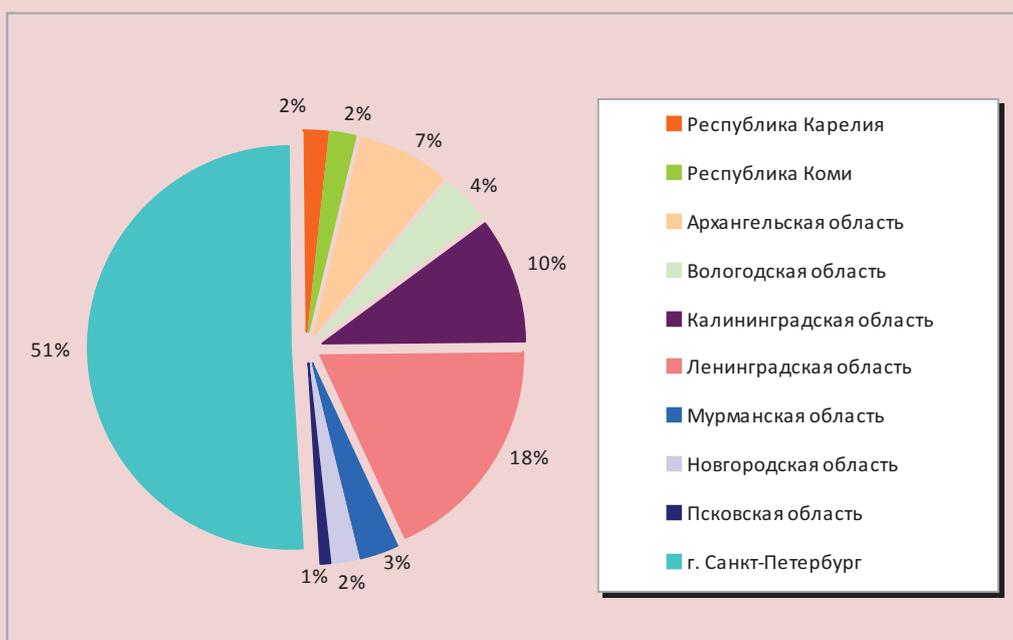

Таблица 3. Динамика торгово-экономического развития Республики Беларусь и России, % к соответствующему периоду предыдущего года [12]

Показатель	Страна	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Среднегодовой темп роста 2006 – 2009 гг.
Темп роста валового внутреннего продукта, %	Беларусь	109,9	108,2	110	100,2	107,0
	Россия	106,7	108,1	105,6	92,1	102,9
Индекс промышленного производства, %	Беларусь	111,4	108,7	111,5	97,2	107,0
	Россия	106,3	106,3	102,1	90,7	101,1
Темп роста внешнеторгового оборота, %	Беларусь	123,5	123	134,2	69,3	109,0
	Россия	124,7	116,8	133,1	63,8	105,5

Аналогичная тенденция наблюдается и на региональном уровне. Товарооборот между регионами СЗФО РФ и Республикой Беларусь снизился в период кризиса с 3,8 млрд. дол. США до 2,4 млрд. дол. США, т.е. на 37% (рис. 3).

Исследование внешнеторговой деятельности регионов СЗФО и Республики Беларусь позволяет сделать вывод о снижении уровня торгово-экономической интеграции между ними. За анализируемый период региональная внешнеторговая квота сократилась в семи субъектах СЗФО.

Рост товарооборота регионов со страной-партнёром наблюдался только в Архангельской и Мурманской областях, в Республике Коми (табл. 4).

При этом степень зависимости производства в регионах СЗФО от сбыта своих товаров на белорусских рынках остается высокой (табл. 5).

Вместе с тем в острой фазе кризиса в систему международного разделения труда вовлекалось меньше ресурсов регионов. Об этом свидетельствует сокращение коэффициента опережения темпами роста регио-

Рисунок 3. Внешнеторговые отношения регионов СЗФО с Республикой Беларусь, млн. дол. США [12]

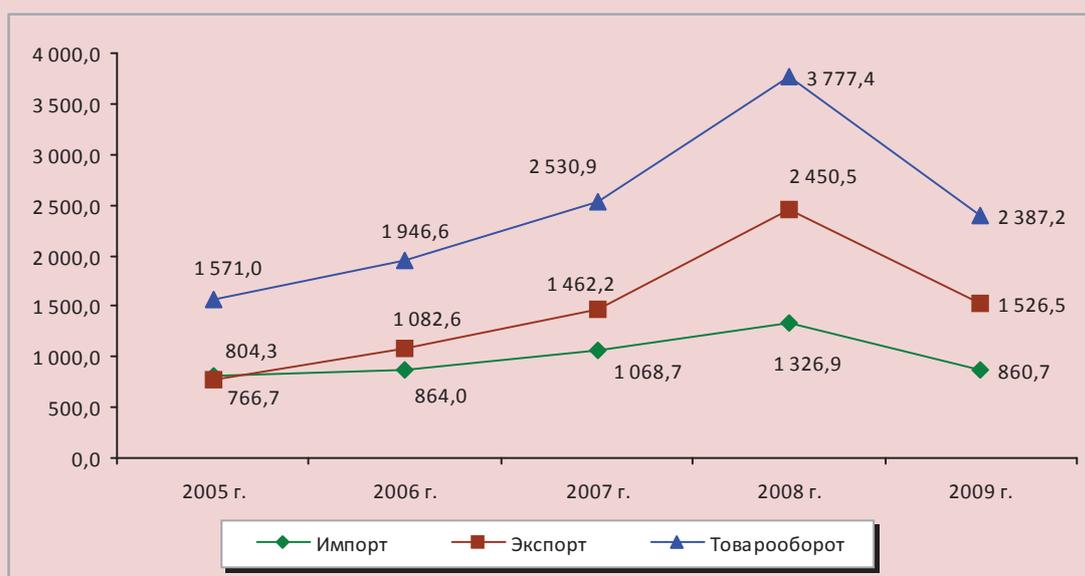

Таблица 4. Региональная внешнеторговая квота регионов СЗФО и Республики Беларусь, %

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. к 2005 г., п.п.
Псковская область	4,49	6,04	6,78	8,91	4,15	-0,34
Республика Коми	0,88	0,53	1,01	1,05	3,78	2,90
Вологодская область	3,75	4,15	3,93	4,29	3,34	-0,42
Калининградская область	4,41	3,78	2,65	6,75	2,78	-1,63
Новгородская область	3,93	3,29	2,95	2,54	2,41	-1,52
г. Санкт-Петербург	3,12	3,15	2,80	3,02	2,03	-1,09
Ленинградская область	2,13	1,94	2,24	2,97	1,79	-0,34
Мурманская область	0,87	0,97	0,86	2,19	1,47	0,61
Республика Карелия	1,01	1,49	1,08	1,13	0,74	-0,27
Архангельская область	0,32	0,32	0,32	0,58	0,59	0,27

Таблица 5. Удельный вес экспорта в Республику Беларусь в ВРП регионов СЗФО, %

Регион	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. к 2005 г., п.п.
Республика Коми	0,69	0,37	0,90	0,94	3,70	3,01
Вологодская область	2,69	3,19	3,04	3,50	2,84	0,15
Псковская область	2,04	4,33	5,05	7,22	2,80	0,76
Калининградская область	1,96	1,98	1,08	5,35	1,98	0,02
Новгородская область	1,73	2,09	2,01	1,52	1,47	-0,27
Ленинградская область	1,38	1,34	1,52	2,24	1,30	-0,08
Мурманская область	0,65	0,63	0,54	1,75	1,16	0,51
г. Санкт-Петербург	1,13	1,36	1,31	1,48	0,83	-0,29
Архангельская область	0,11	0,09	0,10	0,23	0,40	0,29
Республика Карелия	0,40	0,92	0,52	0,58	0,39	-0,01

Таблица 6. Коэффициент опережения темпами роста регионального экспорта темпов роста ВРП регионов СЗФО

Регион	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2009 г. к 2005 г., %
Республика Коми	0,54	2,43	1,05	3,94	в 7 раз
Архангельская область	0,81	1,07	2,43	1,71	в 2 раза
Новгородская область	1,21	0,96	0,76	0,97	80,05
Вологодская область	1,18	0,95	1,15	0,81	68,60
Республика Карелия	2,30	0,56	1,13	0,67	29,22
Мурманская область	0,97	0,86	3,22	0,66	68,65
Ленинградская область	0,97	1,13	1,48	0,58	59,82
г. Санкт-Петербург	1,20	0,97	1,13	0,56	46,78
Псковская область	2,12	1,17	1,43	0,39	18,26
Калининградская область	1,01	0,54	4,96	0,37	36,49

нального экспорта темпов роста ВРП во всех регионах СЗФО, за исключением Архангельской области и Республики Коми (табл. 6).

Однако в рамках Союзного государства развитие взаимовыгодных торговых связей между регионами СЗФО РФ и Республикой Беларусь имеет большое значение и для национальных, и для региональных экономик. В связи с этим вопрос прогнозирования и определения эффективности интеграционного процесса не теряет своей актуальности как с научной, так и практической точки зрения.

Важной методологической задачей является моделирование торгово-экономической интеграции, которое осуществимо с помощью гравитационных моделей. Гравитационные модели позволяют спрогнозировать потенциальные долгосрочные торговые потоки и дают качественную характеристику факторов, влияющих на размер и структуру внешнеторгового обо-

рота: возможность экспорта и импорта, выраженных в предложении одних товаров на внешнем рынке и спросе на другие; учёт факторов, сдерживающих внешнеторговый оборот между странами (транспортные расходы, система тарифов) [3, 13, 14, 15]. Влияние этих факторов, в свою очередь, оценивается на основе данных о фактических размерах товарооборота между странами с помощью регрессионного анализа. Получаемые параметры гравитационной модели характеризуют эластичность факторов и показывают, как изменится товарооборот между странами при изменении соответствующего фактора на 1%. Обычно данная модель представляется либо в степенной, либо в логарифмической форме.

Для прогнозирования товарооборота между субъектами СЗФО РФ и Республикой Беларусь воспользуемся гравитационными моделями Я. Тинбергена и Х. Линнемана [13, 15].

Модель Я. Тинбергена имеет следующий вид:

$$X_{ij} = \alpha_0 (Y_i)^{\alpha_1} (Y_j)^{\alpha_2} (D_{ij})^{\alpha_3} = \varepsilon. \quad (1)$$

Модель Х. Линнемана имеет более общий вид:

$$X_{ij} = \alpha_0 (Y_i)^{\alpha_1} (Y_j)^{\alpha_2} (N_i)^{\alpha_3} (N_j)^{\alpha_4} \times \\ \times (D_{ij})^{\alpha_5} (A_{ij})^{\alpha_6} (P_{ij})^{\alpha_7} + \varepsilon, \quad (2)$$

где X_{ij} – стоимость торгового потока из страны i в страну j ;

Y_i, Y_j – показатели, характеризующие номинальные ВВП соответствующих стран, в национальной валюте;

D_{ij} – физическая удаленность экономических центров стран i и j , км;

N_i , и N_j – численность населения в данном государстве;

A_{ij} – любой другой фактор, благоприятствующий либо препятствующий торговле (например, наличие границ либо антидемпинговых режимов в одной из стран);

P_{ij} – торговые предпочтения, существующие между государствами (в случае отсутствия предпочтительных соглашений $P_{ij} = 1$; в противном случае $P_{ij} = 2$);

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3, \alpha_4, \alpha_5, \alpha_6, \alpha_7$ – коэффициенты эластичности экспорта соответственно от ВВП страны-экспортёра, ВВП страны-импортера, численности населения страны i , численности населения страны j , расстояния между странами, любого другого фактора и торговых предпочтений;

α_0 – свободный член уравнения;

ε – случайная ошибка.

Построение гравитационной модели на основе матрицы исходных данных (табл. 7) позволило определить параметры уравнений регрессии.

В результате расчетов получено уравнение гравитационной модели Я. Тинбергена, описывающее динамику внешнеторгового оборота между регионами СЗФО и Республикой Беларусь за 2005 – 2009 гг.:

$$X_{ij} = 14,17875 \cdot (Y_i)^{-0,5728} \cdot (Y_j)^{1,5959}, \\ R^2 = 0,96 \quad (3)$$

Отметим, что модель имеет достаточно высокую точность, так как коэффициент детерминации равен 0,96. Экономическая интерпретация данной модели позволяет заключить, что при увеличении ВРП регионов СЗФО на 1% из товарооборот возрастет на 1,6%; однако при увеличении ВВП Республики Беларусь на 1% товарооборот между регионами СЗФО и Республикой Беларусь сократится на 0,57%. На наш взгляд, данная зависимость обусловлена особенностью товарной структуры экспорта и импорта регионов СЗФО и Республики Беларусь. Так как структура экспорта регионов СЗФО в Республику Беларусь представлена в основном минеральными продуктами, продукцией черной металлургии и химии (рис. 4), то увеличение ВРП регионов напрямую зависит от роста экспортных поставок.

В свою очередь, из Республики Беларусь в регионы СЗФО поставляется преимущественно машиностроительная продукция, имеющая ограниченный круг потребителей (рис. 5).

Таблица 7. Исходные данные параметров гравитационной модели

Год	Товарооборот между регионами СЗФО и Республикой Беларусь, млн. дол. США (X_{ij})	ВВП Республики Беларусь, млрд. дол. США (Y_i)	ВРП регионов СЗФО, млрд. дол. США (Y_j)	Численность населения Республики Беларусь, млн. чел. (N_i)	Численность населения в регионах СЗФО, млн. чел. (N_j)
2005	1571	30,192	64,278	40,583	13,628
2006	1947	36,932	77,965	51,465	13,550
2007	2531	45,216	104,535	61,562	13,501
2008	3777	60,384	138,295	73,283	13,462
2009	2387	49,029	104,789	74,550	13,437

Рисунок 4. Структура экспорта товаров регионов СЗФО в Республику Беларусь в 2008 г., %

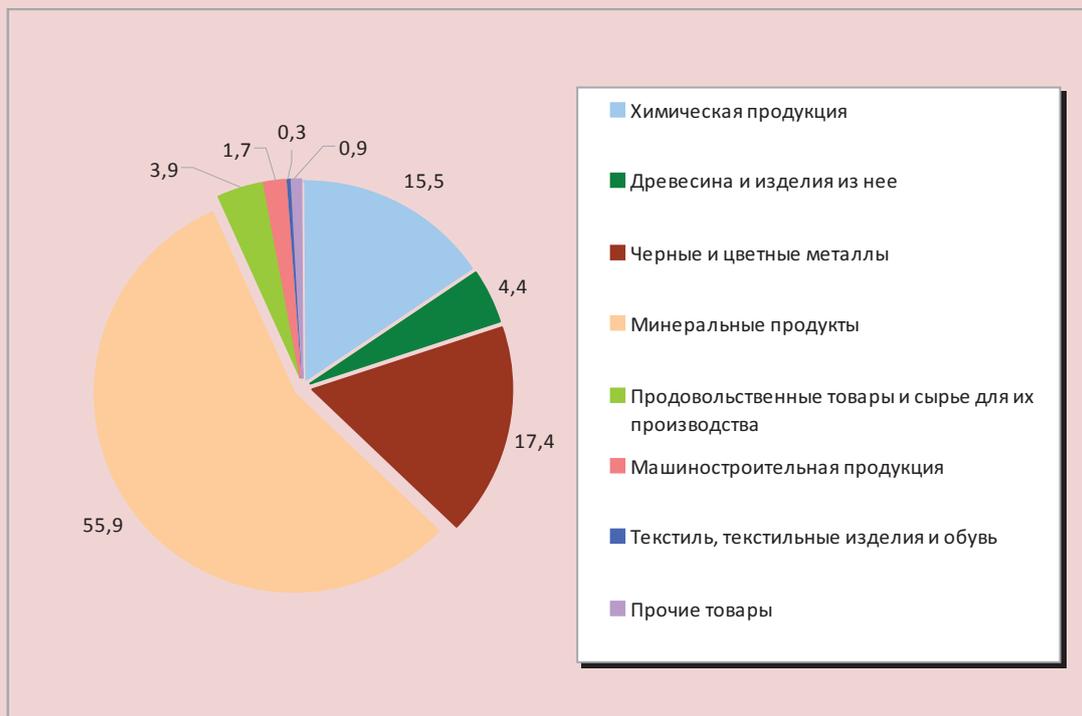
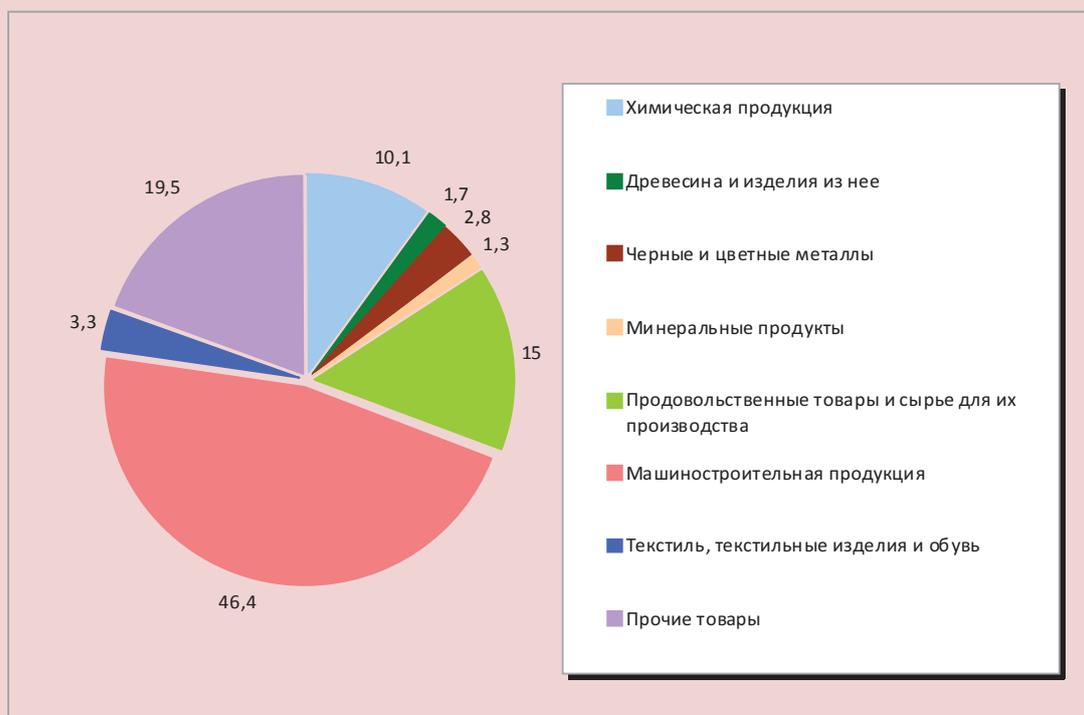

Рисунок 5. Структура импорта товаров в регионы СЗФО из Республики Беларусь в 2008 г., %

Таким образом, при удовлетворении спроса регионов СЗФО на данную продукцию наращивание ВВП Республики Беларусь возможно за счет расширения географии поставок, что ведет к сокращению товарооборота между регионами СЗФО и Республикой Беларусь.

Другой результат получается при использовании гравитационной модели Х. Линнемана:

$$X_{ij} = 139604657176576 \cdot (Y_i)^{1,6206} \times (Y_j)^{0,4171} \cdot (N_i)^{-1,1959} \cdot (N_j)^{-10,7299},$$

$$R^2 = 0,99. \quad (4)$$

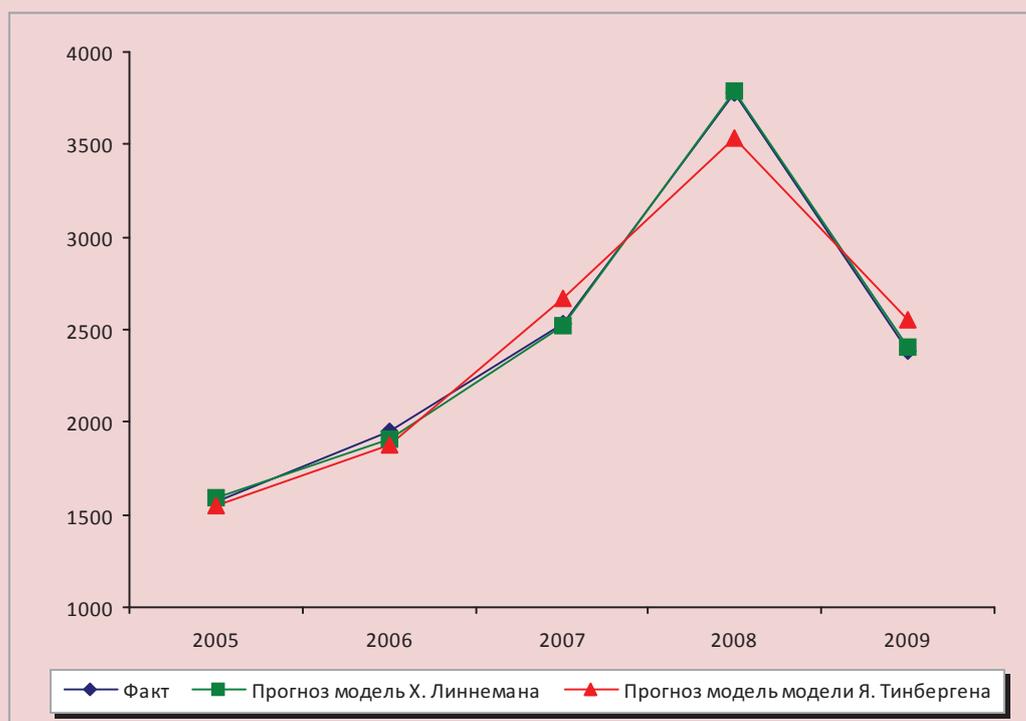
Поскольку эта модель учитывает большее количество факторов, которые могут оказывать влияние на товарооборот, коэффициент детерминации выше — 0,99. Вместе с тем, исходя из полученного уравнения, можно сделать следующие выводы: при росте ВВП Республики Беларусь на 1%

товарооборот между регионами СЗФО и Республикой Беларусь увеличится на 1,62%; при увеличении ВВП регионов СЗФО на 1% товарооборот возрастет на 0,41%.

Апробация гравитационной модели при прогнозировании внешнеторгового оборота между регионами СЗФО и Республикой Беларусь за период 2005–2009 гг. свидетельствует о близости прогнозного и фактического уровней (рис. 6). Некоторое расхождение прогнозных значений с реальными объясняется тем, что на показатели внешнеторгового оборота влияет ряд других факторов, не учтенных в модели.

В соответствии с теорией построения гравитационных моделей и их описанием ВВП экспортирующей страны отражает производственные возможности, в то время как ВВП импортирующего государства выражает емкость его рынка. В общем случае эти две переменные прямо пропорционально связаны с объёмами торговли.

Рисунок 6. Динамика внешнеторгового оборота между регионами СЗФО и Республикой Беларусь, млн. дол. США

Для прогнозирования внешнеторговых отношений могут использоваться не только рассмотренные, но и другие, более сложные модели.

Примером может выступать двухзональная межотраслевая модель, в основе которой лежат межотраслевые балансы стран-участников внешнеторговой деятельности. Задача модели состоит в обеспечении максимизации некоторых экономических показателей в условиях заданной системы ограничений [7]. Важнейшие из них – уравнения балансов производства и распределения продукции отраслей народного хозяйства и промышленности каждой зоны на производственное и непроизводственное потребление, накопление и возмещение износа основных фондов.

Кроме того, в каждом уравнении отражаются экспорт и импорт. Переменными являются не только объёмы продукции, но и некоторые элементы конечного продукта, включая показатели межстрановых и внешнеэкономических связей. Модель содержит также уравнения для определения суммарных объёмов экспорта и импорта в стоимостных оценках.

На базе этих уравнений вводятся ограничения в величины внешнеторгового и межстранового сальдо. В зависимости от конкретной постановки задачи в модели могут быть заданы прямые ограничения на объём производства, межстрановые поставки, экспорт и импорт.

В качестве критериальной может быть использована функция максимизации внутреннего конечного продукта, представляющего собой сумму фондов потребления, накопления и возмещения износа основных фондов. В зависимости от постановки задачи максимизируется как суммарный внутренний конечный продукт по обеим зонам, так и внутренние конечные продукты по каждой из них. Наиболее предпочтительной является максимизация суммарной величины конечного продукта обеих зон, так как в этом случае имитируется нахождение согласованного решения, обеспечивающего максимизацию совокупного эффекта или минимизацию совокупного ущерба для них при изменении связей между ними.

Таким образом, экономико-математический инструментарий моделирования процессов интеграции Республики Беларусь и России весьма разнообразен. Однако не теряют своей актуальности вопросы прогнозирования развития экономик обеих стран, что требует применения адекватного методического, прежде всего математического инструментария, позволяющего оценивать эффективность торгово-экономических связей по множеству факторов. Это предоставит возможность вносить своевременные изменения во внешнеэкономическую политику, и будет способствовать устойчивому развитию взаимовыгодного сотрудничества.

Литература

1. Асанович, В.Я. Экономико-математические методы и модели в международных экономических отношениях / В.Я. Асанович. – Мн.: БГЭУ, 2003. – 99 с.
2. Балацкий, Е.В. Моделирование политики повышения эффективности внешнеторговых операций / Е.В. Балацкий // *Международ. экон. отношения*. – 2002. – № 2.
3. Беленький, В.З. Оценка возможностей активной экспортно-импортной политики на основе открытой стационарной модели экономики России / В.З. Беленький, И.И. Арушанян // *Экономика и математические методы*. – 1995. – Вып. 1. – С. 83-97.
4. Внешнеэкономическая деятельность регионов СЗФО и Республики Беларусь: состояние и методологические аспекты моделирования / Т.В. Ускова, В.Я. Асанович, С.М. Дедков, Р.Ю. Селименков // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2010. – № 4. – С. 118.

5. Клоцвог, Ф.Н. Использование двухзональной межотраслевой модели в анализе межреспубликанских экономических связей России / Ф.Н. Клоцвог, Д.А. Мацнев, В.А. Сафронов // Экономика и математические методы. — 1994. — Т. 30. — Вып. 1. — С. 67-80.
6. Межрегиональное сотрудничество как фактор интеграционных процессов России и Республики Беларусь [Текст] / Т.В. Ускова, С.М. Дедков, Т.Г. Смирнова, Р.Ю. Селименков, В.Я. Асанович. — Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. — 176 с.
7. Межрегиональные межотраслевые модели мировой экономики / под ред. А.Г. Гранберга и С.М. Меньшикова. — Новосибирск: Наука, 1983. — 273 с.
8. Моделирование глобальных экономических процессов: уч. пос. для студентов вузов, обуч. по спец. «Экономическая кибернетика» / под. ред. В.С. Дадаева. — М.: Экономика, 1984. — 320 с.
9. Монетарная интеграция Беларуси и России: ретроспективный анализ / П. Каллаур // Банковский вестник. — 2001. — № 3. — С. 2-10.
10. Рыбалкин, В.Е. Международные экономические отношения / В.Е. Рыбалкин, Ю.А. Щербанин, Л.В. Балдин. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1997. — 384 с.
11. Смирнова, Т.Г. Оценка торгово-экономической интеграции регионов СЗФО с Республикой Беларусь / Т. Г. Смирнова, Р. Ю. Селименков // Проблемы развития территории. — 2010. — № 5. — С. 20.
12. Статистические материалы [Электрон. ресурс]. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>; <http://www.president.gov.by>; <http://www.nbrb.by>; <http://www.gks.ru>; <http://www.cbrf.ru>
13. Шайтанова, Н.А. Гравитационные модели и возможность их применения при прогнозировании внешней торговли Российской Федерации и Республики Беларусь / Н.А. Шайтанова, В.Я. Асанович // Информационные технологии управления в экономике — 2006: материалы республиканской научно-практической конференции, г. Брест, 25 — 26 апреля 2006 г. / БрГУ им. А.С. Пушкина; под общ. ред. С.А. Тузика. — Брест: Изд-во БрГУ, 2006. — 96 с.
14. Anderson, J. E. Gravity with gravitas: a solution to the border puzzle / Anderson J. E. and van Wincoop E. // American Economic Review. — 2003. — Vol. 93 — No. 1. — P. 170-192.
15. Tamirisa Natalia Exchange and Capital Controls as Barriers to Trade // IMF Staff Papers. — 1999. — Vol. 46. — No. 1. — P. 57-68.
16. Ricci, L. A. Exchange Rate Regimes and Location. — Konstanz University mimeo, 1996.

УДК 314.17(470+476)

© Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Шухатович В.Р., Артюхин М.И.

Социально-демографические аспекты развития трудового потенциала*

В статье рассмотрены основные тенденции социально-демографических показателей трудовых ресурсов Российской Федерации и Республики Беларусь. Проведено межстрановое сравнение состояния и динамики трудового потенциала, представлены результаты локальных исследований, показаны общие проблемы, региональные особенности и пути решения накопившихся проблем. Особое внимание уделено влиянию здоровья на развитие трудового потенциала населения, показаны оценки населением значимости здоровья и здорового образа жизни в трудовой деятельности.

Трудовой потенциал, демографическое развитие, здоровье, трудоспособное население.

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, зав. отделом ИСЭРТ РАН
aas@vscc.ac.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией ИСЭРТ РАН
galinaleonidova@mail.ru

**Виолетта Руслановна
ШУХАТОВИЧ**

кандидат социологических наук, зав. сектором Института
социологии НАН Беларуси
violetta_sh@mail.ru

**Михаил Иванович
АРТЮХИН**

кандидат философских наук, доцент, руководитель Центра
мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров
Института социологии НАН Беларуси
art47@mail.ru

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект «Здоровье населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Беларусь как стратегический компонент трудового потенциала» № 11-22-01002а/Bel (РГНФ) и № Г11Р-027 (БРФФИ).

При современном воспроизводстве населения изменились социально-экономические ценности общества, роль человека и социальной сферы в динамике общественного развития. В этих условиях развитая человеческая личность представляет собой важнейший компонент общественного богатства, конечный результат экономического развития. Экспертами ВОЗ доказано, что улучшение качества и увеличение продолжительности жизни населения ведет к ускорению экономического развития государства, росту его валового национального продукта¹. Тенденции развития современной экономики предъявляют новые требования к качеству человеческого капитала. В странах постсоветского пространства состояние человеческого капитала и одной из важнейших его составляющих – трудового потенциала – создает риски для перехода к инновационному развитию. В качестве основной болевой точки можно выделить естественную убыль населения стран, которая ведет в перспективе к существенным потерям трудовых ресурсов.

Целью статьи является межстрановой анализ состояния и динамики социально-демографических характеристик трудовых ресурсов, выявление общих проблем и региональных особенностей их развития.

За последние двадцать лет (1991 – 2011 гг.) численность населения уменьшилась на 7% в Беларуси (с 10198 до 9481 тыс. чел.) и на 4% в России (со 148 514 до 142 914 тыс. чел.; табл. 1).

Суммарно потери населения двух стран за этот период составили 6,3 млн. чел., что превышает численность населения таких государств, как Дания (5,5 млн.) и Финляндия (5,4 млн.). Регионы РФ имели аналогичные тенденции: Северо-Западный федеральный округ и Вологодская область потеряли по 11% населения.

Миграционный приток сыграл за прошедшие 20 лет в целом позитивную роль в социально-экономическом развитии стран. Однако в последние годы Россия теряет миграционную привлекательность: в 2000 г. миграционный прирост составлял 25 чел. на 10 тыс. населения, в 2010 г. – 13 чел. (рис. 1).

Отчасти это связано с ростом в обществе антимигрантских ксенофобских настроений, отчасти с тем, что росту миграционной активности препятствуют неразвитость рынков труда и жилья; отсутствие достоверной информации о вакансиях и возможностях трудоустройства; трудности получения гражданства; значительные затраты на переезд и т.п.

Таблица 1. Численность населения (на конец года), тыс. чел.

Регион	Год						Темп роста / убыли 2010 г. к 1991 г., %
	1991	1995	2000	2005	2009	2010	
Республика Беларусь*	10198,3	10177,3	9956,7	9630,4	9500,0	9481,2	93
Российская Федерация**	148514,7	148291,6	146303,6	142753,5	141914,5	142856,5	96
Северо-Западный федеральный округ	15275,5	14806,5	14261,2	13679,6	13462	13584	89
Вологодская область	1353,5	1336,2	1294,9	1240,4	1218	1203	89

* Данные о численности населения за межпереписной период (2000 – 2009 гг.) скорректированы на основе итогов переписи населения 2009 г.; при расчете относительных показателей использована скорректированная численность населения.
 ** Данные за 2005 – 2009 гг. приведены без учета итогов Всероссийской переписи населения-2010, за 2010 г. – с учетом предварительных итогов (www.gks.ru).
 Источник: Беларусь и Россия. 2011: стат. сб. / Росстат; Белстат; Постоянный Комитет Союзного государства. – М.: Росстат, 2011. – 175 с. – С. 32; Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. – М.: 2010. – 525 с. – С. 29.

¹ Suhrcke M., McKee M., Rocco L. Инвестиции в здоровье: ключевое условие успешного экономического развития стран Восточной Европы и Центральной Азии. – [Копенгаген]: Всемирная организация здравоохранения, 2008. – 274 с.

Рисунок 1. Миграционный прирост/убыль населения, чел. на 10 тыс. нас.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М.: 2011. – 990 с.; Статистический ежегодник. 2011. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 634 с.; расчеты авторов.

Естественная убыль населения в Вологодской области миграционным движением не компенсируется. После резкого падения миграционного прироста, зафиксированного в 2001 г., значения этого показателя остаются крайне низкими. Зафиксированная в 2006 г. миграционная убыль сменилась в 2008 г. приростом, равным 655 чел., а в 2010 г. вновь ушла в минус (уровень миграции составил -2 чел. на 10 тыс. человек населения – самый низкий с 2001 г. показатель). Для сравнения: в 2010 г. в целом в Северо-Западном федеральном округе коэффициенты миграционного прироста были в 14 раз больше, чем в Вологодской области, – 26 чел. на 10 тыс. чел. населения.

В Беларуси естественная убыль населения за период 1994 – 2010 гг. составила 743,5 тыс. человек. Если бы не положительное сальдо миграции, то население сократилось бы к 2010 г. до 8756,5 тыс. чел. или на 14,5% по сравнению с началом депопуляции в 1994 г. Фактически же численность населения на 1 января 2012 г. составила 9465,2 тыс. человек, или (с учетом положительного в 2011 г. сальдо миграции 9,9 тыс. чел.) на 143,7 тыс. чел. больше.

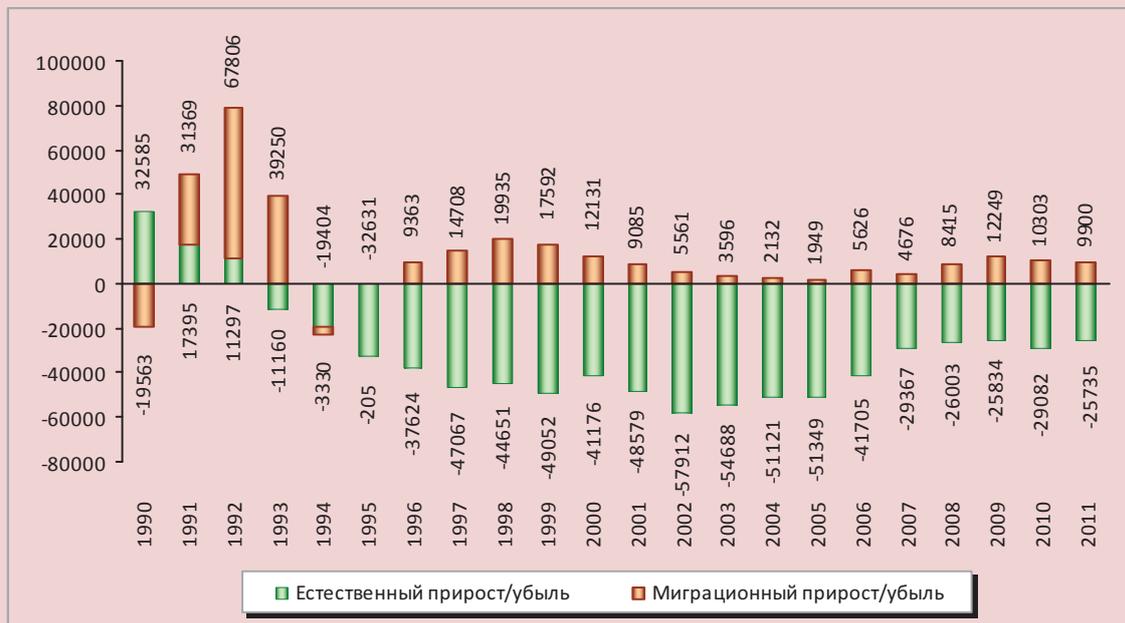
Как видим, разница весьма существенная – эта величина и отражает положительное влияние миграции на численность населения Беларуси. Ее компенсирующая роль в целом за 1994 – 2010 гг. равна 15,4%, а в 2011 г. – 38,5%. В настоящее время миграция является единственным фактором, сдерживающим сокращение численности населения Беларуси, то есть прямым образом влияет на ее демографическую безопасность (рис. 2).

По оценкам белорусских демографов, для того чтобы остановить снижение численности населения Беларуси, необходимо обеспечить т.н. «нулевой вариант» (полное покрытие естественной убыли миграционным приростом). «Нулевой вариант» для Беларуси – это положительное сальдо миграции порядка 28 – 30 тыс. человек в год², или 140 – 150 тыс. чел. за 5 лет, что составляет весь объем миграционного прироста за 1994 – 2010 гг. Достичь этих цифр за столь короткий срок с учетом имеющихся демографических тенденций сложно³.

² В 2011 г. миграционный прирост составил 25,7 тыс. чел.

³ Суммарный показатель за 2006 – 2010 гг. составил 40,9 тыс., за 2001 – 2005 г. – 23,9 тыс., за 1996 – 2000 гг. – 73,6 тыс. человек.

Рисунок 2. Динамика естественного прироста/убыли и миграционного прироста/убыли населения Беларуси (1990 – 2011 гг.), чел.

Источник: Статистический ежегодник. 2011 г. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 634 с.

Следует признать, что к государственным органам Беларуси пришло осознание роли миграции в обеспечении демографической безопасности страны. Была принята и реализуется Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007 – 2015 гг., в которой запланирован рост положительного сальдо миграции и достижения за 5 лет миграционного прироста в пределах 60 тыс. чел. (2011 г. – 10 тыс. чел.; 2012 г. – 11 тыс. чел.; 2013 г. – 12 тыс. чел.; 2014 г. – 13 тыс. чел.; 2015 г. – 14 тыс. чел.)⁴.

Демографические процессы во многом обуславливают современное состояние трудовых ресурсов и перспективы их развития. Сохранение демографической ситуации по данному сценарию неблагоприятно скажется на основных показателях экономического развития обеих стран, прежде всего на темпе роста валового внутреннего продукта и обеспеченности трудовыми ресурсами.

⁴ Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы. http://mintrud.gov.by/min_progs/prog22/

Одним из количественных показателей, отражающих проблемное поле трудового потенциала, является численность населения трудоспособного и младше трудоспособного возраста. В настоящее время эти показатели свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях для устойчивого развития территорий. Численность населения в трудоспособном возрасте, основного носителя трудового потенциала российского общества, уже сегодня начинает заметно снижаться.

Такая тенденция продолжится и в перспективе. Согласно прогнозу Росстата, к 2030 г. численность населения трудоспособного возраста страны снизится почти на 12% (табл. 2). По расчетам, выполненным в Институте социально-экономического развития территорий РАН, снижение этой категории населения в Вологодской области уже к 2020 г. составит 18%⁵.

⁵ Шабунова А.А., Богатырев А.О. Вологодская область: перспективы демографического развития территории. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 28 с.

Таблица 2. Динамика численности населения по возрастным группам за период 2000 – 2010 гг. и прогноз на 2020 и 2030 годы (средний вариант; на начало года)

Страна	Год	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
		тыс. человек	в % от общей численности населения	тыс. человек	в % от общей численности населения	тыс. человек	в % от общей численности населения
Россия	2000	29579,8	20,1	87172,3	59,3	30138,1	20,6
	2005	24095,3	16,8	90218,3	62,9	29160,7	20,3
	2010	22854,4	16,1	88359,7	62,3	30700,4	21,6
	2020	25935,1	18,3	79033,2	55,7	36939,7	26,0
	2030	22845,4	16,4	76770,5	55,1	39755,9	28,5
Беларусь	2000	2065,5	20,6	5809,3	58,0	2144,7	21,4
	2005	1682,2	17,2	6037,2	61,6	2080,0	21,2
	2010	1513,6	15,9	5847,3	61,6	2139,1	22,5
	2020	1583,0	16,8	5313,0	56,5	2511,0	26,7
	2030	1469,0	16,2	4900,0	54,1	2694,0	29,7

Источники: gks.ru; Беларусь и Россия – 2011; Демографический ежегодник России. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010; Юркштович Е. Пенсионные перспективы // Беларуская думка. – 2008. – № 8. – С. 96 – 101; Шахотько Л.П. Модель демографического развития Республики Беларусь. – Мн.: Беларуская думка, 2009. – С. 168.

Доля молодых в общем объеме трудовых ресурсов, судя по прогнозу, останется в России неизменной и будет составлять те же 16%, что и в базовый (2011-й) год прогноза. При этом удельный вес населения в возрасте 60 лет и старше увеличится к 2030 г. на 27%.

В Беларуси динамика численности данных категорий населения испытывает похожие тенденции. До 2008 г. на фоне депопуляции всего населения был отмечен рост и численности населения в трудоспособном возрасте (с 5809,3 тыс. чел. в 2000 г. до 6053,3 тыс. чел. к 2008 г.), и её доли в общей численности населения (с 58,0% в 2000 г. до 62,4% в 2008 г.). Следует отметить, что доля населения трудоспособного возраста росла исключительно за счет уменьшения доли населения моложе трудоспособного возраста⁶. В дальнейшем, как показывают демографические прогнозы, тенденция сокращения численности населения трудоспособного возраста в Беларуси сохранится достаточно длительное время.

⁶ Шахотько Л.П. Модель демографического развития Республики Беларусь. – Мн.: Беларуская думка, 2009. – С. 170.

Кроме того, в ближайшие годы начнет уменьшаться и доля населения трудоспособного возраста. Как и в России, население трудоспособного возраста в Беларуси к 2030 году уменьшится на 7,5%, а доля населения моложе трудоспособного возраста не изменится и к 2030 г. составит 16%, как и в базовый год прогноза. При этом доля населения в возрасте 60 лет и старше увеличится к 2030 г. на 7,2%.

Характеристики рынка труда в динамическом аспекте показывают, ведет ли использование трудового потенциала экономически активного населения к полной и продуктивной занятости. Нацеленность на продуктивную занятость способствует развитию трудового потенциала и его реализации, необходимой для повышения конкурентоспособности обеих стран в глобальном экономическом пространстве. Обеспечение полной занятости является для них стратегическим ориентиром в условиях демографического кризиса.

И Россия, и Беларусь относятся к числу государств с высоким уровнем занятости населения: в 2010 г. в экономике РФ было занято 64% экономически активного населения, Беларуси – 99% (табл. 3).

Таблица 3. Основные показатели использования трудового потенциала населения, %

Регион	Уровень занятости			Уровень экономической активности			Уровень безработицы		
	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Беларусь	98,0	98,0	99,0	78,0	75,6	80,8	2,1*	1,5*	0,7*
Россия	58,5	63,4	64,0	65,5	65,8	67,7	10,6	7,2	7,5
Северо-Западный федеральный округ	60,0	63,4	68,8	66,4	68,6	70,6	9,6	5,5	6,2
Вологодская область	62,3	64,6	64,3	67,9	68,1	69,6	8,3	5,2	7,9

* Официальный уровень безработицы.
Источники: Труд и занятость в Республике Беларусь: ст. сборник. – Минск, 2011. – 349 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.; http://petrostat.gks.ru/federal/szfo_trud/ (дата обращения: 27.03.2012 г.); расчеты авторов.

Уровень безработицы, определяемый по методологии Международной организации труда, в Российской Федерации в 2010 г. составил 7,5%. В 16 странах Евросоюза аналогичный показатель вырос в 2010 г. до 10,1% – это рекорд для еврозоны с момента ее создания. При этом среди постсоветских стран наибольший уровень безработицы был достигнут в прибалтийских республиках: 18,2% – в Литве, 18,6% – Эстонии, 19,4% – в Латвии⁷.

Сравнить общий уровень безработицы⁸, рассчитываемый по методологии МОТ, в сопредельных странах не представляется возможным вследствие того, что в Беларуси безработица официально оценивается только исходя из числа обратившихся в службы занятости и зарегистрировавшихся⁹.

⁷ Новые качественные характеристики населения Республики Беларусь (итоги переписи 2009 г. и выполнения Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007 – 2010 гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belstat.gov.by (дата обращения: 19.03.2012 г.).

⁸ К безработным, по определению Международной организации труда, относятся лица в возрасте от 15 до 72 лет, которые в рассматриваемый период: не имели работы (доходного занятия); занимались поиском работы; были готовы приступить к работе в течение определенного периода времени. Учащиеся, студенты, пенсионеры, инвалиды учитываются, если занимались поиском работы и были готовы приступить к ней.

⁹ К безработным, зарегистрированным в государственных учреждениях службы занятости, относятся трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка, проживающие на территории РФ, зарегистрированные в органах службы занятости по месту жительства, ищущие работу и готовые приступить к ней.

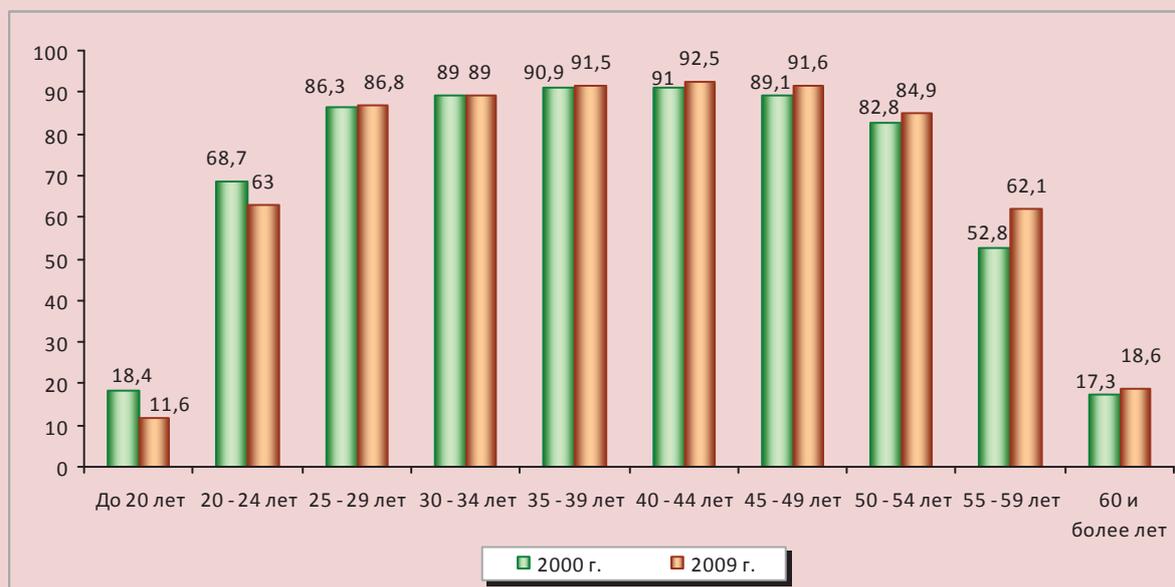
Уровень официальной безработицы в РФ выше, чем в Беларуси (2,1% в РФ в 2010 г., 0,7% в РБ).

Динамика уровней занятости и безработицы населения Вологодской области в период с 1992 по 2010 г. имела в среднем тенденции, аналогичные с динамикой этих показателей по СЗФО и РФ. При этом последние несколько лет уровень занятости в Вологодской области был выше, чем в Европейском союзе, а уровень безработицы ниже.

Актуальность ориентации на полную и продуктивную занятость связана еще и с тем, что в дополнение к сокращению численности трудовых ресурсов в обеих странах почти исчерпаны резервы повышения экономической активности населения, о чем свидетельствует сравнение с показателями ряда европейских стран по населению возрастной группы от 25 до 49 лет (*рис. 3; табл. 4*).

Как видно из *рисунка 3*, в России очень велик уровень активности лиц самого продуктивного трудового возраста (25 – 50 лет), некоторые резервы есть только в составе молодежи до 25 лет. Сравнительно высокая активность в группе старше 60 лет объясняется меньшей, чем в развитых странах, продолжительностью жизни. Судя по показателю среднего возраста работающего населения Республики Беларусь (39,4 года

Рисунок 3. Динамика экономически активного населения РФ по возрасту (в % от численности населения соответствующей возрастной группы)

Источник: Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 171 с. – С. 21.

Таблица 4. Уровень занятости населения по возрастным группам*, в %

Страны	15 – 64 года		В том числе					
			15 – 24 года		25 – 49 лет		50 – 64 года	
	2000 г.	2009 г.	2000 г.	2009 г.	2000 г.	2009 г.	2000 г.	2009 г.
Россия	63,3	67,0	34,6	34,7	80,7	83,2	49,9	61,6
Беларусь	77,9	80,4	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Страны – члены Европейского союза								
Испания	56,1	59,8	32,2	28,0	69,9	71,4	45,1	52,3
Италия	53,4	57,5	26,1	21,7	69,4	72,2	38,4	47,8
Латвия	57,4	60,9	30,3	27,7	74,0	75,0	46,6	60,9
Литва	59,6	60,1	26,7	21,5	76,1	77,1	51,7	59,7
Польша	55,1	59,3	24,1	26,8	72,8	79,7	43,3	46,0

* Отношение численности занятых к общей численности населения соответствующей возрастной группы.
Источник: Россия и страны – члены Европейского союза. 2011.: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 270 с. – С. 64.

в 2000 г., 40,4 года в 2010 г.¹⁰), его экономическая активность имеет аналогичные тенденции.

Продуктивную занятость отличает высокопроизводительный труд. Согласно

¹⁰ Статистический ежегодник: 2011 / Национальный статистический комитет Беларуси. – Минск, 2011. – С. 119.

оценкам МОТ, Россия уступает в 3-4 раза развитым странам (рис. 4) и на 15 – 20% Беларуси по уровню производительности труда¹¹.

¹¹ Родионов И.А. Низкая производительность труда – препятствие для роста российской экономики. 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cig-bc.ru/library/74190/93453.

Рисунок 4. Лидеры производительности труда в мире и СНГ (по данным МОТ; показатели производительности труда по большинству стран представлены за 2005 г., по лидерам – за 2006 г.)

Источник: Родионов И.А. Низкая производительность труда – препятствие для роста российской экономики. 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cig-bc.ru/library/74190/93453

Таблица 5. Показатели травматизма на производстве, на 1000 работающих

Показатели	1991 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более и со смертельным исходом (на 1000 работающих)								
Беларусь	4,7	3,3	2,1	1,2	0,9	0,8	0,7	0,7
Россия	6,5	5,5	5,1	3,1	2,7	2,5	2,1	2,2
Из них со смертельным исходом								
Беларусь	0,087	0,089	0,064	0,061	0,054	0,051	0,049	0,051
Россия	0,128	0,138	0,149	0,124	0,124	0,109	0,090	0,094

Источники: Беларусь и Россия. 2011: стат. сб. / Росстат; Белстат; Постоянный Комитет Союзного государства. – М.: Росстат, 2011. – 173 с. – С. 39.

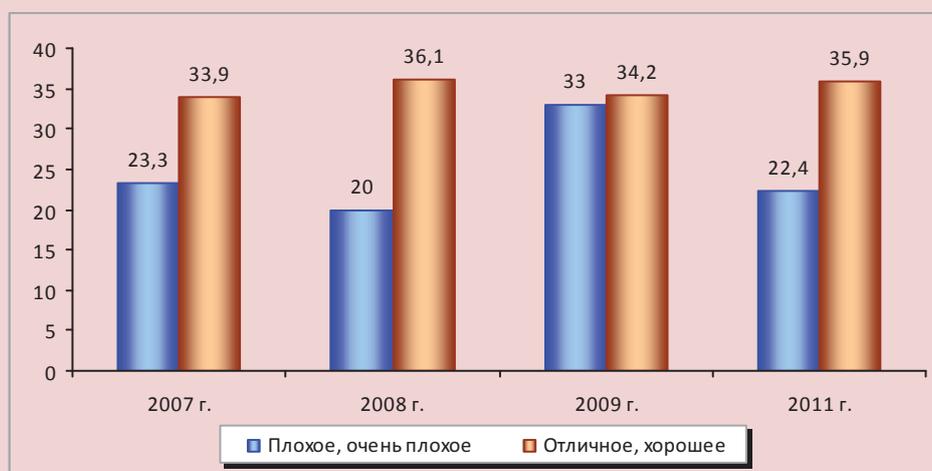
По данным организации Conference Board (база данных Total Economy Database за 2011 г.), производительность труда на человека в час в США составляет 61 дол., в странах ЕС варьируется: Греция – 35 дол., Португалия – 26 дол., Франция – 56 дол. В России она равна 19 дол., в Китае и Индии – 7,5 и 4,1 дол. соответственно¹².

¹² Трофимова Е. Недостатки производительности труда – фундаментальный фактор мирового экономического кризиса [Электронный вариант]. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/finance/analytics/24490/nedostatki_proizvoditelnosti_truda_fundamentalnyj_faktor#ixzz1qauxXzRQhttp://www.vedomosti.ru/finance/analytics/24490/nedostatki_proizvoditelnosti_truda_fundamentalnyj (дата обращения: 30.03.2012 г.)

Неблагоприятное влияние на количественные показатели российского трудового потенциала оказывает чрезмерно высокая смертность населения в трудоспособном возрасте: около 1/3 всех умерших за год составляют трудоспособные взрослые, что в среднем в три раза выше, чем в развитых странах, и в два раза выше, чем в развивающихся¹³. Одно из первых мест среди причин смерти занимают внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы; *табл. 5*).

¹³ Аганбегян А.Г. О реформе здравоохранения [Электронный вариант]. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/g11/doc>

Рисунок 5. Самооценки здоровья населением с высшим и незаконченным высшим образованием, в % от числа ответивших

Источник: Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2011 г. / ИСЭРТ РАН.

Удельный вес рабочих мест с вредными и опасными условиями труда вырос с 1990 года по настоящее время более чем на 5% и составляет в последние годы в среднем примерно 23%, достигая в отдельных отраслях производства трети и даже половины.

Одним из важнейших факторов, определяющих качество трудового потенциала, является здоровье. Оно играет стимулирующую роль в повышении статуса человека. Если человек здоров, то и показатели стремлений к достижению жизненных целей у него высокие. Результаты исследования качества трудового потенциала населения в Вологодской области свидетельствуют, что в планах людей с отличной самооценкой своего здоровья на первом месте стоит повышение уровня знаний, получение статуса высококлассного специалиста. Попутно заметим, что интегральные оценки качества трудового потенциала людей с отличным здоровьем также значительно выше, что повышает их шансы на достижение жизненного успеха, на продвижение по службе и т.д. Весьма любопытную картину дает оценка людьми, имеющими высшее образование, своего здоровья.

В этих оценках чаще присутствует вариант «Отличное и хорошее здоровье» (рис. 5). Как правило, люди интеллектуального труда, обладают лучшим здоровьем. Исследование Университета Техаса в Остине¹⁴ показало, что творческой настройкой позволяет человеку дольше сохранять здоровье. Отсутствие рутины, получение удовольствия от труда, возможность постоянно учиться и решать сложные проблемы, способствуют позитивному настрою, в результате чего человек ощущает себя более здоровым. Выводы исследования свидетельствуют, что активные занятия подобного рода деятельностью позволяют поддерживать здоровье в том состоянии, которым обладает более молодой человек (на 6 – 7 лет моложе).

По утверждению экспертов Всемирной организации здравоохранения, состояние здоровья на 50% определяется образом жизни человека и его личностным выбором в пользу благоприятных или неблагоприятных для здоровья альтернатив.

¹⁴ Исследования показали: творческая работа увеличивает жизнь // Известия. – 2007. – 19 дек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/414949>

При этом отмечается, что далеко не все факторы здоровья человека находятся в сфере ответственности государства. Опыт стран, имеющих высокие показатели состояния здоровья населения, показывает, что ответственность за здоровье должна быть равномерно распределена между всеми субъектами социальных отношений: государством, работодателем, семьей, индивидом и т.д.

За двадцать лет, прошедших после распада Советского Союза, образ жизни людей в результате либерализации норм общественной жизни стал менее предсказуемым и контролируемым обществом, у них появились возможности управлять собственной жизнью – при выборе образования, профессии, характера деятельности, места жительства, семейного положения, соотношения нагрузки и отдыха, способов релаксации и т.д.

Подобные тенденции можно рассматривать как позитивные только в том случае, если при этом наблюдается рост ответственности индивидов за свое здоровье, проявляющийся в конкретных действиях, направленных на поддержание здоровья, улучшение условий жизни, рационализацию труда, быта, отдыха, досуга.

Существенно улучшить состояние здоровья населения возможно при обеспечении согласованной деятельности государства, социальных институтов (семьи, образования, медицины) и отдельных индивидов. Только это условие обеспечит переход общества в состояние, более благоприятное для социально-демографического развития. В противном случае инвестиции в человеческий капитал окажутся утраченными.

В 2011 г. в Республике Беларусь и Вологодской области, одном из регионов Северо-Западного федерального округа Российской Федерации, было проведено

сравнительное исследование¹⁵ самосохранительной активности населения. Мы акцентировали внимание на активности самого индивида, его усилиях, предпринимаемых с целью улучшения своего здоровья и условий жизни. Самосохранительную активность (активность, направленную на сохранение здоровья) мы рассматриваем как один из видов социальной активности, то есть с точки зрения способа осуществления, сознательности, целеполагания, предвосхищения результата, компетентности, энергичности и результативности. В условиях возрастания рисков для здоровья оно выступает неотъемлемой составляющей здорового образа жизни современного человека и одним из основных показателей отношения человека к своему здоровью. Анализ полученной информации показал, что значительная доля населения предпринимает конкретные действия с целью сохранения здоровья (*табл. 6*).

Так, 79,5% населения Беларуси и 76,6% – Вологодской области демонстрируют определенное понимание актуальных рисков и отмечают те или иные практики заботы о своем здоровье: 57% жителей Беларуси и 42,7% населения Вологодской области отметили, что не курят; 30,4 и 32,3% – посещают баню или сауну; 28,9 и 18,7% – стараются оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых. В то же время только треть населения отмечает стратегическое, сбалансированное (непротиворечивое) отношение к здоровью как к важнейшей жизненной ценности.

Обращает на себя внимание в равной степени недостаточная для каждой из стран распространенность практик активных занятий физической культурой и закаливания (13,5% в Беларуси, 12,3% в Вологодской

¹⁵ Национальный опрос населения Беларуси проведен Институтом социологии НАН Беларуси в ноябре 2011 года по репрезентативной выборке, составившей 2100 чел., с контролем квот по полу, возрасту, образованию, региону проживания. Опрос населения Вологодской области по репрезентативной выборке (1500 чел.) проведен ИСЭРТ РАН в ноябре 2011 года.

Таблица 6. Самосохранительная активность населения (распределение ответов на вопрос: «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?», в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	Республика Беларусь	Вологодская область
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	13,5	12,3
Использую фильтры для очистки воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из источников (родников, колодцев)	21,7	29,3
Контролирую свой вес	26,2	19,8
Не курю	57,0	42,7
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	25,4	17,9
По возможности оздоравливаюсь в санатории, на курорте и т.д.	13,7	10,3
Посещаю баню, сауну	30,4	32,3
Стараюсь больше ходить пешком, совершая прогулки в местах отдыха	34,4	26,2
Стараюсь контролировать своё психическое состояние	26,3	13,0
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	28,9	18,7
Стараюсь организовать своё свободное время с пользой для здоровья	19,9	14,9
Ничего специального не предпринимаю	20,5	23,4
Другое	0,7	0,3

Источник: Базы данных Института социологии НАН Беларуси и ИСЭРТ РАН.

области), хотя эксперты ВОЗ связывают рост заболеваний ишемической болезнью сердца, гипертензией и некоторыми онкологическими заболеваниями именно с физической неактивностью. В определенной мере эта неактивность компенсируется прогулками в местах отдыха, но прежде всего это касается людей с низким статусом здоровья.

Результаты исследования показали, что культура самосохранительного поведения в Беларуси и России только начинает формироваться. В наибольшей степени она присуща людям с более высоким уровнем образования и учащимся, что подтверждает ведущую роль образования в процессе формирования здоровья человека.

Судя по данным анализа, в обеих странах имеет смысл говорить об угрозе суженного воспроизводства трудовых ресурсов. Однако улучшение демографической ситуации, повышение численности трудовых ресурсов является сложной долгосрочной задачей. В среднесрочной же перспективе более реальным и экономически эффективным представляется улучшение условий для реализации уже имеющегося трудового потенциала.

Преодоление демографического кризиса связано с разработкой срочных мер противодействия, в первую очередь, депопуляции населения: мер по улучшению здоровья; снижению смертности; оптимизации миграционных процессов.

Для достижения стратегической цели важно совершенствовать все виды социальных отношений:

1. Первостепенными задачами в области социальной политики на ближайшие пять лет должны стать: сокращение масштабов бедности; обеспечение полной продуктивной и свободно избранной занятости как основного источника повышения роли трудовых доходов и их реального роста; улучшение качества жизни населения.

2. В области демографического развития необходимы меры по улучшению здоровья населения, снижению смертности и увеличению средней продолжительности жизни; укреплению брачно-семейных отношений и улучшению условий жизнедеятельности семьи; стабилизации рождаемости в среднесрочной и её роста в долгосрочной перспективе до уровня, близкого к простому режиму воспроизводства; совершенствованию миграционных процессов.

3. Главным национальным приоритетом в обеих странах должно стать здоровье нации. Для этого основные усилия государства, общества и каждого человека необходимо направить на укрепление здоровья и снижение смертности населения — это демографически и социально важно, экономически выгодно. Здоровье населения — тот стержень, который позволит эффективно проводить социально-экономические реформы и улучшать демографическую ситуацию в стране.

4. Основные усилия должны быть сосредоточены на реализации мер, направленных на увеличение продолжительности здоровой (активной) жизни, и прежде всего продолжительности жизни мужского

населения страны; снижение преждевременной, особенно предотвратимой, смертности. Решение этих задач должно осуществляться за счет совершенствования профилактической и лечебно-диагностической помощи населению; раннего выявления и лечения болезней, профилактики травматизма. Значительное внимание должно уделяться вопросам популяризации здорового образа жизни.

Реалии времени требуют переосмысления многих проблем и задач государственного регулирования качества трудовых ресурсов, а также выработки новых методологических подходов к их прогнозированию и выстраиванию стратегии национальных приоритетов государств.

Литература

1. Аганбегян, А.Г. О реформе здравоохранения [Электронный ресурс] / А.Г. Аганбегян — Режим доступа: <http://2020strategy.ru/g11/doc> (Дата обращения: 27.04.2012 г.).
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
3. Леонидова Г.В. Опыт оценки качества трудового потенциала на региональном уровне / Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева // Человек и труд. — М., 2009. — № 12. — С. 30 — 33.
4. Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под. ред. акад. Н.Я. Петракова; РАН. — М.; СПб.: Нестор-История, 2011. — 448 с.
5. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011 — 2015 годы: утверждена Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 357.
6. Новые качественные характеристики населения Республики Беларусь (итоги переписи 2009 года и выполнения Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007 — 2010 гг.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: belstat.gov.by (Дата обращения: 19.03.2012 г.).
7. Родионов, И.А. Низкая производительность труда — препятствие для роста российской экономики. 2008 [Электронный ресурс] / И.А. Родионов. — Режим доступа: www.cig-bc.ru/library/74190/93453.
8. Топилин, А.В. Рынок труда России и стран СНГ: реалии и перспективы развития / А.В. Топилин. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. — 321 с.
9. Шабунова, А.А. Вологодская область: перспективы демографического развития территории / А.А. Шабунова, А.О. Богатырев. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 28 с.
10. Шабунова, А.А. Человеческий капитал — индикатор устойчивого развития территорий / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — Вологда, ИСЭРТ РАН, 2011. — № 5(17). — С. 101 — 115.
11. Шахотько, Л.П. Модель демографического развития Республики Беларусь / Л.П. Шахотько. — Мн.: Беларуская думка, 2009. — С. 170.
12. Шухатович, В. Р. Показатели здоровья и здравоохранения в системе мониторинга общественного мнения населения Республики Беларусь / В. Р. Шухатович // Здоровье населения: проблемы и пути решения [Текст]: мат. междунар. науч.-практ. семинара, г. Вологда, 18 — 20 мая 2010 г. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. — 164 с.
13. Юркштович, Е. Пенсионные перспективы / Е. Юркштович // Беларуская думка. — 2008. — №8. — С. 96-101.
14. Suhrcke M., McKee M., Rocco L. Инвестиции в здоровье: ключевое условие успешного экономического развития стран Восточной Европы и Центральной Азии. — [Копенгаген]: Всемирная организация здравоохранения, 2008. — 274 с.

УДК 314.17(470+476)

© Шабунова А.А., Шахотько Л.П., Боброва А.Г., Маланичева Н.А.

Смертность трудоспособного населения России и Беларуси как угроза демографическому развитию территорий*

Статья посвящена проблеме высокой смертности населения трудоспособного возраста, как одной из основных причин депопуляции и трансформации структуры населения России и Беларуси. Рассмотрены тенденции и особенности демографического развития Союзного государства в сравнении со странами ЕС. Определены основные причины сверхсмертности трудоспособного населения, спрогнозированы временные интервалы, необходимые для достижения средневропейского уровня смертности при сложившихся темпах её снижения. Представлен обзор государственной политики в данном направлении.

Депопуляция, смертность, трудоспособное население, продолжительность жизни, охрана здоровья, государственная политика.

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, зав. отделом ИСЭРТ РАН
aas@vscc.ac.ru

**Людмила Петровна
ШАХОТЬКО**

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики НАН Беларуси
shakhotska@mail.ru

**Анастасия Григорьевна
БОБРОВА**

аспирант Института экономики НАН Беларуси
nastasiabobrova@mail.ru

**Надежда Антоновна
МАЛАНИЧЕВА**

младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
Malony82@yandex.ru

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект «Здоровье населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Беларусь как стратегический компонент трудового потенциала» (№ 11-22-01002а/Вел).

В индустриальную эпоху основными активами и факторами экономического процветания были машины и капитал. В современный век информационных технологий и постиндустриального общества основным ресурсом и движущим фактором становится человек. Как носитель знаний, профессиональных навыков, опыта, творческих способностей, человек представляет собой ресурс непрерывного развития и повышения конкурентоспособности предприятий, регионов и отдельных государств.

Тем не менее, в силу неоднородности демографических процессов в территориальном масштабе, человек в ближайшем будущем может стать «дефицитным ресурсом». В наибольшей степени данная проблема касается европейских государств.

Депопуляция является одной из самых актуальных проблем, затрагивающих интересы национальной безопасности как Российской Федерации, так и Республики Беларусь. Сравнительный анализ демографических вызовов в области смертности среди населения России и Беларуси представляет особый интерес исходя из того, что обе страны имеют общее политическое, социально-экономическое и демографическое прошлое, что нашло свое отражение в тенденциях смертности и продолжительности жизни.

После распада СССР и обретения независимости Россия и Беларусь переживают существенные преобразования в политической, социально-экономической и культурной сферах, что не могло не отразиться на демографической составляющей их развития. Общее прошлое, общие тенденции демографического развития и общее экономическое пространство обуславливают и совместное решение проблем, связанных с высокой преждевременной смертностью населения в России и Беларуси.

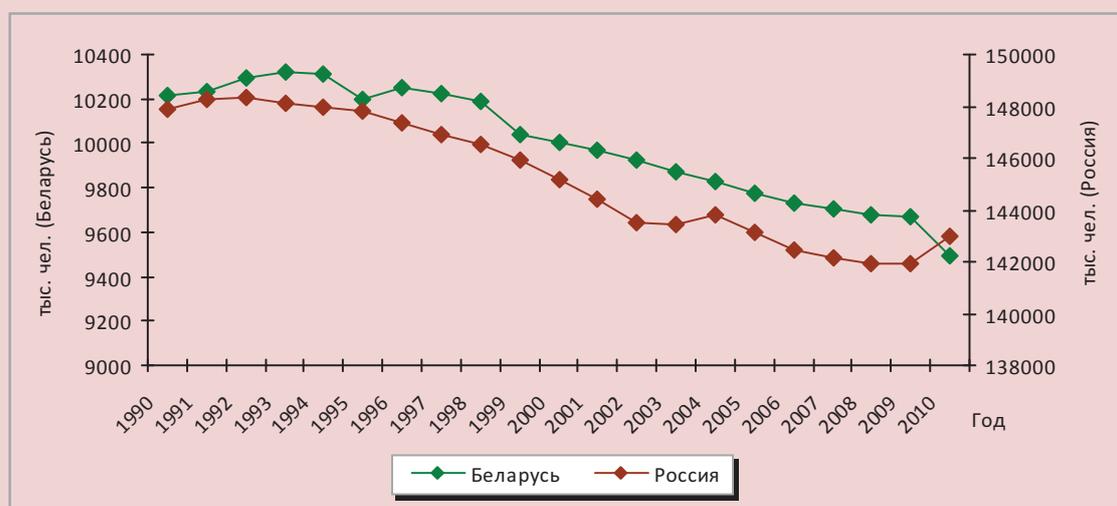
Одним из главных потрясений для обеих стран стала либерализация экономики и последовавшее за этим резкое снижение уровня жизни населения, сопровождавшееся сокращением государственной помощи семьям и разрушением системы социальных услуг. Разрыв экономических связей после распада СССР, неизбежный при переходе к рынку спад производства и инфляция, просчеты предыдущего этапа перестройки привели к глубокому экономическому кризису. В настоящее время, когда Россия и Беларусь объединились в Союзное государство, эти проблемы должны решаться согласованно.

По данным последней переписи населения, на 14 ноября 2010 г. численность постоянного населения России составила 142,9 млн. человек [7]. Это меньше, чем при переписи в 2002 г., на 2,3 млн. человек (1,6%), в том числе в городских населенных пунктах – на 1,1 млн., в сельской местности – на 1,2 млн. Подобные тенденции отмечаются и в Республике Беларусь. В межпереписной период (1999 – 2010 гг.) численность белорусского населения сократилась на 545,3 тыс. (5,4%) и в 2010 г. составила 9499,9 тыс. человек [1].

Период устойчивого сокращения населения как в России, так и в Беларуси совпал с периодом трансформационных процессов (*рис. 1*). За два десятилетия Россия потеряла почти 5 млн. человек (3%), Беларусь – 721 тыс. человек (7%).

Депопуляция и в России, и в Беларуси происходит под двойным «давлением»: уникально низкой рождаемости и катастрофически высокой смертности. В то же время в большинстве развитых западноевропейских стран сохраняется устойчивый естественный прирост населения при близких уровнях рождаемости (*табл. 1*).

Рисунок 1. Динамика среднегодовой численности населения России и Беларуси в период 1990 – 2010 гг.

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/shell_ru.html

Таблица 1. Демографическое развитие стран (2009 г.)

Страна	Численность населения			Рождаемость (на 1000 нас.)	Смертность (на 1000 нас.)
	1990 г.	2009 г.	2009 г. к 1990 г., в %		
РФ	148,3	141,9	95,7	12	14
Беларусь	10,2	9,7	95,1	12	14
Финляндия	5,0	5,3	106,0	11	9
Германия	79,4	81,9	103,1	8	10
Франция	56,7	62,6	110,4	13	9
Великобритания	57,2	61,8	108,0	13	9

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех», ВОЗ // <http://www.euro.who.int/hfadb>; World Development Indicators 2011 / The World Bank, 2011// <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.

Превышение смертности над рождаемостью становится одной из причин постепенной трансформации структуры населения в сторону снижения доли населения трудоспособного возраста и увеличения доли пожилых и старых людей в общей численности. Согласно критериям ООН, популяция, в которой доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7%, характеризуется как «старая» [10]. За период с 1990 по 2009 г. доля населения старше 65 лет как в России, так и в Беларуси увеличилась на 3% и составила 13 и 14% соответственно (табл. 2).

По прогнозу ООН, в Российской Федерации к 2050 году доля населения старше 60 лет будет составлять 37%, тогда как в среднем в мире – 21%. В то же время доля детского населения значительно сократится. Подобные тенденции характерны и для Беларуси.

Недостаточная замещаемость молодыми поколениями жителей, переходящих в пенсионный возраст, становится причиной снижения численности трудоспособного населения. В ближайшие годы и в России, и в Беларуси прогнозируется нарастание проблем, связанных с нехваткой трудовых

Таблица 2. Возрастная структура населения в 1990 и 2009 гг.

	Доля населения в 1990 г.		Доля населения в 2009 г.	
	младше 14 лет	старше 65 лет	младше 14 лет	старше 65 лет
Россия	22,9	10,0	14,9	13,1
Беларусь	23,1	10,7	14,7	14,0
Финляндия	19,3	13,4	16,7	16,9
Германия	16,1	15,0	13,5	20,5
Франция	19,4	14,5	18,9	16,3
ЕС	19,3	13,8	15,6	17,3

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfaddb/shell_ru.html

ресурсов и ростом экономической нагрузки на трудоспособное население со стороны старших возрастных групп. Дефицит рабочей силы, который не столь заметен в условиях кризисных экономических явлений, в перспективе потребует компенсации путем увеличения производительности труда занятого населения трудоспособного возраста.

Противоречие между повышением спроса на труд и сокращением его предложения будет усугубляться ростом среднего возраста работников, а также снижением качества трудового потенциала (вследствие ухудшения здоровья). Уже в среднесрочной перспективе возникнет необходимость более высоких расходов общества на медицинскую помощь, социальное обслуживание и пенсионное обеспечение, обусловленных процессом старения населения.

Основным фактором, оказывающим негативное воздействие на демографическую ситуацию, является сверхсмертность населения трудоспособного возраста. По оценкам Л.Л. Рыбаковского, за 1991–2000 гг. сверхсмертность в России составила примерно 3–3,5 млн. человек [9].

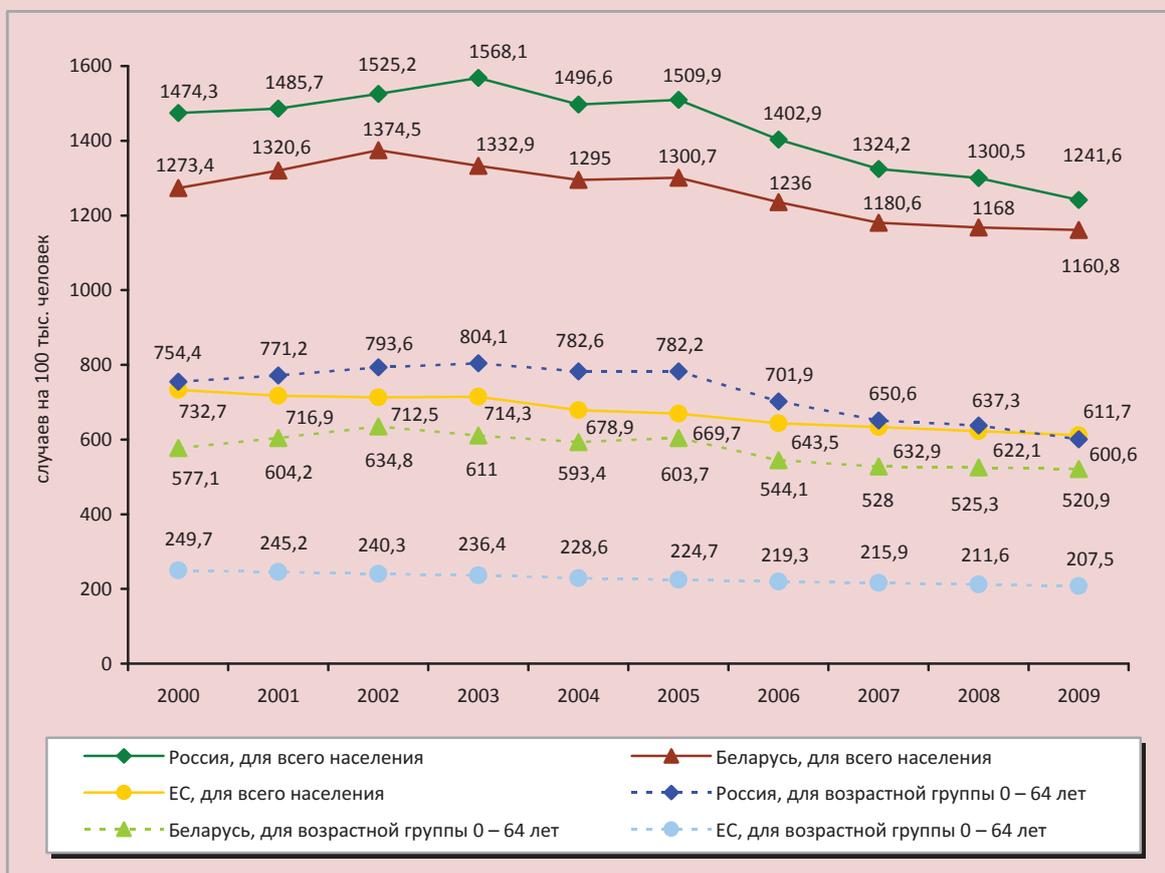
О наличии сверхсмертности как в России, так и в Беларуси свидетельствует динамика стандартизованных коэффициентов смертности, которые нивелируют структурный фактор (рис. 2).

Динамика смертности населения за последние десять лет (2000–2009 гг.) свидетельствует о некотором её снижении и в России, и в Беларуси (на 19 и 10% соответственно). Устойчивая тенденция к снижению смертности в этих государствах наблюдается с 2005 г. Средний темп снижения смертности за последние четыре года в России составил 5%, в Беларуси – 3%. Тем не менее уровень смертности в Союзном государстве остаётся в два раза выше по сравнению со странами Европейского союза.

По показателю смертности для возрастной группы 0–64 года разрыв между Россией, Беларусью и европейскими государствами ещё больше, чем по показателю стандартизованного коэффициента смертности для всего населения. По данным за 2009 г., трудоспособное население в России умирало в три раза чаще по сравнению с европейскими странами. Темп снижения смертности данной возрастной группы за период с 2005 по 2009 г. в России составил 6%, в Беларуси – 4%.

По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2009 г. смертность трудоспособного населения на тысячу человек в Швейцарии и Италии составила 58 и 59 человек, в Швеции, Норвегии и Испании – 61, 67 и 68, в Германии, Австрии и Греции – 76, во Франции – 85, в Чехии – 101, в Белоруссии – 221, в России – 269, в Украине – 274 на тысячу человек [16].

Рисунок 2. Динамика стандартизованного коэффициента смертности для всего населения и для возрастной группы 0 – 64 года в России, Беларуси и странах ЕС, число случаев на 100 тыс. населения

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/shell_ru.html

Сверхсмертность населения трудоспособного возраста в России подтверждается анализом темпов роста возрастных коэффициентов смертности в течение двух десятилетий (рис. 3).

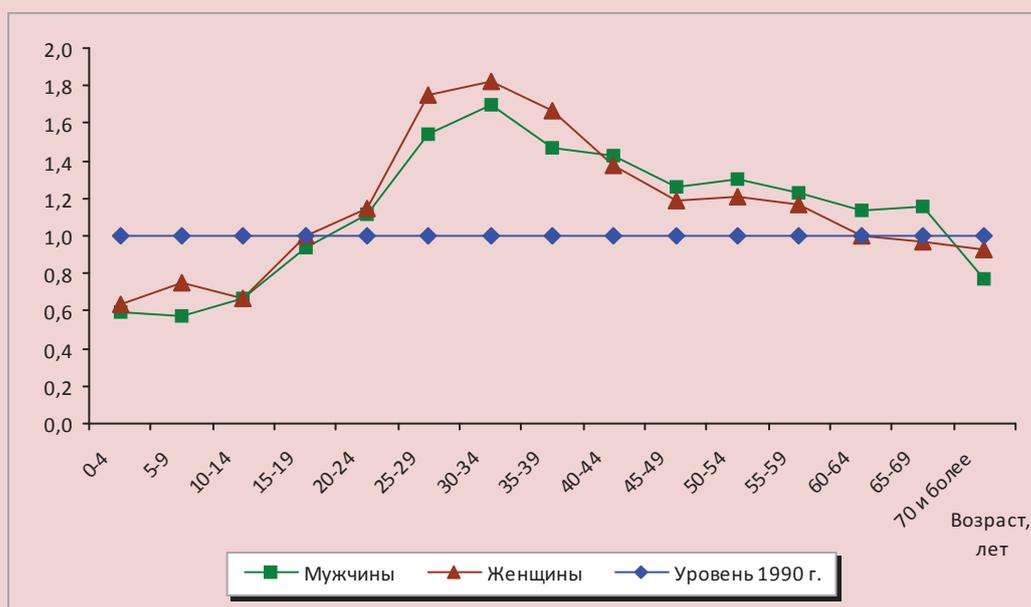
В 2008 г. по сравнению с 1990 г. в наибольшей степени вырос уровень смертности населения рабочих возрастов. Максимум роста смертности как мужчин (в 1,5 – 1,7 раза), так и женщин (в 1,7 – 1,8 раза) приходится на возраст от 25 до 39 лет. В детских и подростковых возрастах уровень смертности существенно сократился.

Чрезвычайно высокий уровень смертности является причиной низкой ожидае-

мой продолжительности жизни (ОПЖ) населения и в России, и в Беларуси, в которых данный показатель, несмотря на некоторое увеличение, ниже, чем в западноевропейских государствах.

В экономически развитых странах ОПЖ при рождении составляет 79 – 81 год (у мужчин – 76–78 лет, женщин – 82–85 лет). В развивающихся странах ОПЖ равна 61 – 65 годам (у мужчин – 55–60 лет, женщин – 66–75 лет). В России ОПЖ по данным на 2009 г. составила 69 лет, в Беларуси – 71 год, т.е. на 10–11 лет меньше, чем в странах ЕС (табл. 3). Особенно низкой остаётся продолжительность жизни мужского населения.

Рисунок 3. Темпы роста возрастных коэффициентов смертности населения России в 2008 г. по сравнению с 1990 г. (1990 г.=1)

Источник: Федеральная служба государственной статистики // www.gks.ru

Таблица 3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения России, Беларуси, стран ЕС, лет

Территория	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.
Россия	69	64	65	65	68	69
Мужчины	64	58	59	59	62	63
Женщины	74	72	72	72	74	75
Беларусь	71	69	69	69	71	71
Мужчины	66	63	63	63	65	65
Женщины	76	74	75	75	77	76
ЕС	75	76	78	79	79	80
Мужчины	72	73	74	76	76	77
Женщины	79	80	81	82	82	83

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/shell_ru.html

В 2009 г. гендерный разрыв в продолжительности жизни населения России составил 12 лет, Беларуси – 11 лет, тогда как в странах ЕС – 6 лет.

По показателю продолжительности жизни, скорректированной с учётом нарушений здоровья, Россия отстаёт от стран Западной Европы на 13 лет, Беларусь – на 11 (по данным на 2007 г. продолжительность здоровой жизни в России составила 60 лет, в Беларуси – 62, в ЕС – 73).

По причине преждевременной смертности население России теряет порядка 11 лет потенциально возможной жизни, население Беларуси – 9 лет, тогда как население стран ЕС – лишь 5 (по данным на 2009 г.) (табл. 4).

При этом потеря лет жизни у мужского населения более чем в два раза превышает показатель у женского населения как в России, так и в Беларуси. Следует отметить, что в европейских государствах наблюдается

Таблица 4. Снижение ожидаемой продолжительности жизни до 65 лет из-за преждевременной смертности, лет

Территория	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.
Россия	10,4	13,9	13,2	13,3	11,4	10,9
мужчины	13,3	17,7	16,9	17,0	14,8	14,1
женщины	6,5	8,4	7,8	8,0	6,9	6,7
Беларусь	9,0	10,8	10,2	10,3	9,2	9,2
мужчины	11,7	13,9	13,3	13,4	12,0	12,0
женщины	5,7	6,5	6,1	5,9	5,2	5,3
ЕС	6,3	5,9	5,3	4,8	4,6	4,5
мужчины	7,7	7,3	6,5	5,9	5,7	5,6
женщины	4,4	4,1	3,7	3,4	3,2	3,2

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/shell_ru.html

постепенное сокращение потерь от преждевременной смертности, в то время как в России и Беларуси однозначной тенденции к снижению нет.

Знание об основных угрозах преждевременной смертности даёт структура смертности. Многие столетия миллионы человеческих жизней уносили эпидемии инфекционных болезней. Благодаря успехам медицинской науки с ними удалось справиться. В XXI веке причиной преобладающего числа смертей стали хронические недуги, прежде всего болезни сердечно-сосудистой системы, онкологические заболевания, хронические заболевания легких, диабет, свойственные чаще всего людям старших возрастов и имеющие преимущественно эндогенную и квазиэндогенную детерминацию [2].

По данным на 2009 г. смертность от ведущих причин (заболевания системы кровообращения, онкологические заболевания и внешние причины) в развитых европейских странах была ниже средних по России в 2 – 3 раза. Несмотря на снижение вклада инфекционных заболеваний в общую смертность, в России они существенно превышают средний показатель по ЕС и Беларуси (табл. 5).

Вклад сердечно-сосудистых заболеваний в общую смертность составляет более 50% и в России, и в Беларуси, в странах ЕС – 37%.

Высокая смертность населения от болезней системы кровообращения является одной из главных составляющих российского кризиса смертности, который негативно отражается на тренде естественного прироста населения. Особенно неблагоприятная ситуация складывается в популяционной когорте мужчин трудоспособного возраста. За последние 15 лет средний возраст мужчин в России, умерших от патологии сердечно-сосудистой системы, снизился более чем на 2 года. Неудовлетворительное состояние здоровья трудоспособного населения ставит под угрозу устойчивость социального и экономического развития как страны в целом, так и отдельных регионов [12].

Злокачественные новообразования, являясь второй по значимости причиной смертности, в России и Беларуси имеют удельный вес, равный 14 – 15% (в странах ЕС – 28%).

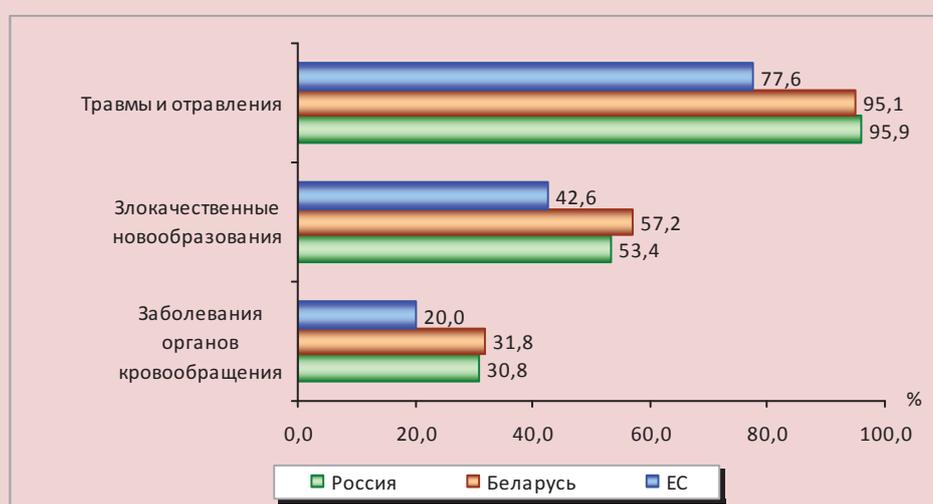
Особенно высоким остаётся уровень смертности от внешних причин (травмы и отравления). В условиях депопуляции и старения это обостряет демографические проблемы, хотя по своей сути внешние причины являются наиболее контролируемые человеком. Тем не менее в общей структуре смертности населения они занимают на сегодняшний день третье место не только в Беларуси и России, но и в Европейском регионе.

Таблица 5. Стандартизованный коэффициент смертности по группам причин смерти в отдельных странах, 2009 г. (на 100 тыс. населения)

Страна	Заболевания органов кровообращения	Злокачественные новообразования	Травмы и отравления	Инфекционные и паразитарные болезни
РФ	683,0	182,1	147,2	22,5
Беларусь	601,1	162,8	133,6	11,5
Финляндия	218,1	134,8	63,8	4,9
Германия	217,2	159,9	27,9	10,4
ЕС	227,6	170,5	37,1	8,8

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/shell_ru.html

Рисунок 4. Доля случаев смертности, произошедших в возрасте 0 – 64 года по трем группам причин, 2009 г., в % (рассчитано по стандартизованным коэффициентам смертности)

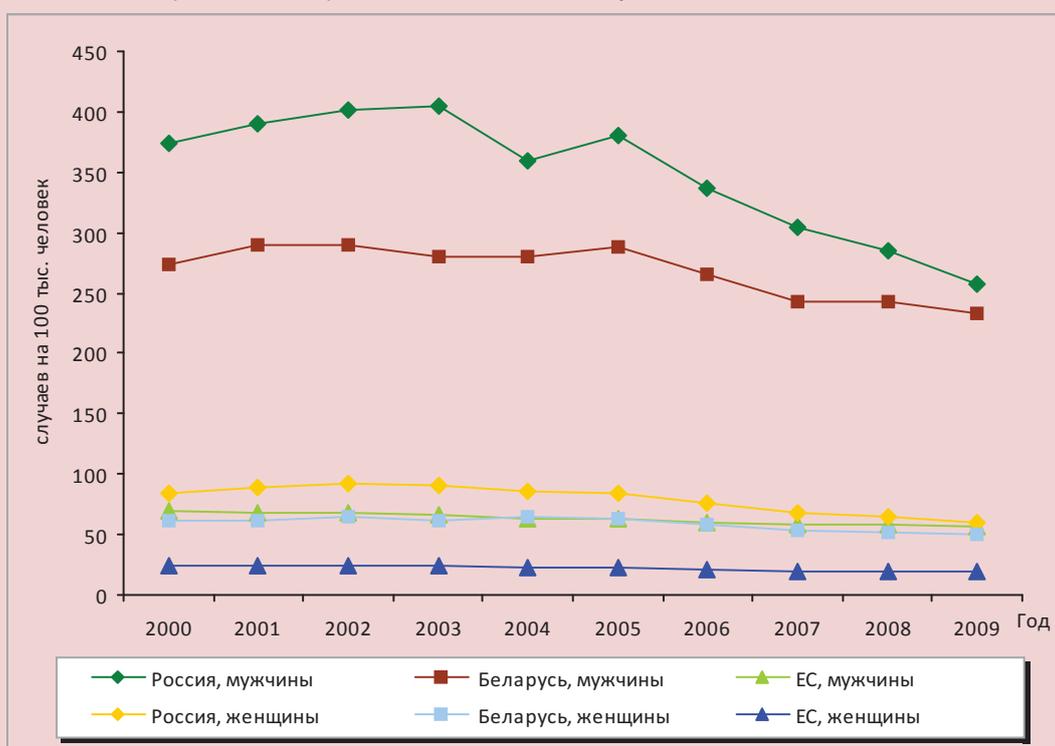
Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/shell_ru.html

В структуре смертности населения России и Беларуси данный фактор в 2009 г. занимал по 12%, тогда как в странах ЕС – лишь 6%. При этом следует заметить, что от внешних причин погибают, как правило, люди трудоспособного возраста. В более пожилых возрастах (старше 65 лет) основной причиной смертности становятся заболевания органов кровообращения (рис. 4). Так, в России и Беларуси травмы и отравления являются причиной смерти населения трудоспособного возраста в 95 – 96% случаев, болезни системы кровообращения – в 31 – 32% случаев.

Основной группой, подвергающейся риску смерти от отравлений и травм, являются мужчины. Хотя их смертность от данной группы причин в обеих странах и снизилась за последнее десятилетие, её превышение над уровнем стран ЕС остаётся крайне высоким (4 – 5 раз) (рис. 5).

На развитие сверхсмертности населения в России и Беларуси существенное влияние оказывает низкий уровень его самосохранительной активности, нездоровый образ жизни и неудовлетворительные условия труда.

Рисунок 5. Динамика стандартизованного коэффициента смертности от отравлений и травм, 2000 – 2009 гг., случаев на 100 тыс. населения

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» (январь 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfad/shell_ru.html

Таким образом, проблема сверхсмертности населения трудоспособного возраста в России и Беларуси стоит очень остро.

Она во многом обуславливает непрерывное снижение численности населения, трансформацию возрастной структуры в неблагоприятную сторону и потенциальные социально-экономические трудности.

Наши расчёты показали, что при сохранении темпа снижения смертности населения, сложившегося с 2005 по 2011 г., уровень смертности в России достигнет средневропейского к 2023 г., тогда как в Беларуси – лишь к 2030 г. Уровень смертности для возрастной группы населения до 64 лет в России приблизится к средневропейскому в 2026 г., в Беларуси – в 2031 г. В таких условиях, когда нагрузка на трудоспособное население будет возрастать, необходима неотложная концентрация усилий, направленных на

скорейшее решение вопроса, поскольку он затрагивает интересы национальной безопасности этих государств.

Высокая смертность населения в трудоспособном возрасте является одним из главных вызовов современной системе здравоохранения России и Беларуси. При этом наиболее значимые и недостаточно используемые резервы связаны с сокращением заболеваемости и смертности активной части населения, лиц в трудоспособном возрасте. Однако именно тем компонентам системы охраны здоровья, которые имеют наибольшее отношение к самой острой проблеме, пока уделяется недостаточное внимание. Российская система охраны здоровья, основанная на решительном приоритете лечения, а не профилактики, фактически отдаёт приоритет интересам тех, кто не достиг трудоспособного возраста или из него вышел [11].

Проблема сверхсмертности населения трудоспособного возраста затрагивается в «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Особое внимание в документе обращается на сверхсмертность мужского населения [4]. Снижение смертности населения, прежде всего высокой смертности мужчин в трудоспособном возрасте от внешних причин, обозначено одним из приоритетных направлений государственной демографической политики в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [5].

С 22 ноября 2011 г. вступил в силу Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», отражающий основные принципы охраны здоровья, права и обязанности граждан в сфере здравоохранения и другие вопросы [14].

В Республике Беларусь также уделяется большое внимание проблемам здоровья населения. Разработана и реализуется Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2010 – 2015 гг. [6], в рамках которой планируется ряд мероприятий в области укрепления здоровья населения, увеличения ожидаемой продолжительности жизни.

Кроме того, в обоих государствах выполняется ряд целевых программ, направленных на улучшение здоровья населения. Однако в имеющихся документах не выработано ни целевых показателей, ни механизмов их достижения. Отсутствие конкретных ориентиров и способов оценки эффективности реализации программных мероприятий во многом снижает их ценность. В сложившихся условиях мало понимания ситуации, требуется целенаправленное, планомерное движение к её улучшению.

Экспертное сообщество сегодня видит два варианта действий: значительное увеличение финансирования здравоохранения или развитие системы охраны здоровья при минимально необходимом росте финансирования.

По уровню финансирования здравоохранения Россия намного отстает от западноевропейских стран. Доля общих расходов на здравоохранение в ВВП в России меньше почти в 1,7 раза, чем в странах ЕС (5,2% против 9% в 2008 г.), а доля госрасходов на здравоохранение – в 2 раза (3,4% против 6,9% в 2008 г.). В абсолютном выражении в расчете на человека российское государство тратит на здравоохранение в 3,9 раза меньше, чем в среднем страны ЕС (567 и 2203 доллара соответственно по паритету покупательной способности, 2008 г.).

Вместе с тем на пути повышения уровня финансирования здравоохранения в РФ в последние годы достигнуты ощутимые успехи. Однако, в условиях значительно более медленного, чем в 2000 – 2008 годах, экономического роста, к 2020 году, скорее всего, не удастся обеспечить увеличение государственного финансирования здравоохранения до уровня, сопоставимого с сегодняшним уровнем западноевропейских стран. Поэтому разрыв с европейскими странами в показателях смертности не будет преодолен.

Согласно второму сценарию, необходимо отдать приоритет формированию здорового образа жизни, решению экологических проблем, профилактике заболеваний и повышению эффективности и качества работы медучреждений. Сегодня внимание к мерам, содействующим распространению здорового образа жизни, не адекватно их роли в возможном снижении заболеваемости и смертности в сравнении с собственно медицинской помощью. Проводимые мероприятия слишком осторожны и недостаточны и по содержанию, и по объему финансирования.

К настоящему моменту в России принят ряд программных документов, создаются центры здоровья, несколько повысились ставки акцизов на алкоголь и табак, но этих мер недостаточно. Необходимо все силы сосредоточить на развитии профилактического направления, что в комплексе с увеличением финансирования здравоохранения позволит сохранять и развивать потенциал активной части общества, снизить потери трудоспособного населения.

Руководство страны осознаёт важность социальной ответственности перед населением и отдаёт приоритет сбережению человеческого потенциала. В программной статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России» В.В. Путин отмечает, что «...не реализовав масштабный, долгосрочный проект демографического развития, наращивания человеческого потенциала, мы рискуем превратиться в глобальном смысле в «пустое пространство», судьба которого будет решаться не нами». При сохранении существующих и отсутствии новых мер население России к 2050 г. может сократиться до 107 млн. человек. Если же удастся сформулировать и реализовать эффективную, комплексную стратегию народосбережения, российское население увеличится до 154 млн. человек. Таким образом, историческая цена между действием и бездействием почти 50 млн. человеческих жизней в ближайшие 40 лет.

Путин отмечает, что за последние пять лет продолжительность жизни россиян выросла на три года и достигнутые темпы нельзя сбавлять [8].

Последние годы в здравоохранение вкладываются значительные финансовые средства (в рамках реализации национального проекта «Здоровье», программы «Модернизация здравоохранения»).

Вместе с тем должна повышаться ответственность каждого человека за состояние своего здоровья. Сегодня 80% россиян не занимаются физкультурой и спортом, 65% – регулярно употребляют крепкие спиртные напитки или курят, 60% – проходят медицинское обследование только в случае болезни. В сложившихся условиях, когда показатели здоровья остаются на низком уровне и ценность здоровья не осознаётся значительной долей граждан, необходимо пробудить в них потребность к самосохранительному поведению и улучшению здоровья.

Таким образом, в обеих странах разработаны государственные программы, направленные на решение задач улучшения здоровья населения, снижения смертности. Однако следует обратить внимание на отсутствие общей для Союзного государства программы по сохранению и приумножению русского и белорусского народа.

Литература

1. База данных переписи населения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/database.php>
2. Демографическая модернизация России, 1900 – 2000 / под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
3. Европейская база данных «Здоровье для всех» [Электронный ресурс] (январь 2012 г.). – Режим доступа: http://data.euro.who.int/hfadb/shell_ru.html
4. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 42. – Ст. 5009.

5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.
6. Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007 – 2010 годы [Электронный ресурс] / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.mintrud.gov.by/ru/min_progs/prog22.
7. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
8. Путин, В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России / В.В. Путин // Российская газета. – 2012. – № 5703.
9. Рыбаковский, Л.Л. Прикладная демография (работы 2001 – 2003 гг.) / Л.Л. Рыбаковский; ИСПИ РАН. – М., 2003. – 206 с.
10. Сегодня актуальнее, чем когда-либо: Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2008 г. – ВОЗ, 2008. – 152 с.
11. Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика: итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. – 864 с. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/litog.pdf>
12. Трубачева, И.А. Смертность в популяционной когорте мужчин трудоспособного возраста / И.А. Трубачева, О.А. Перминова, Р.С. Карпов // Здравоохранение Российской Федерации. – 2009. – № 5. – С. 34-35.
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru
14. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323 – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – №263.
15. World Development Indicators 2011 [Электронный ресурс] / The World Bank, 2011 – Режим доступа: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>.
16. World Health Statistics 2011 [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения, 2011 г. – Режим доступа: http://www.who.int/whosis/whostat/EN_WHS2011_Full.pdf

УДК 634.1(470.2)

© Селин М.В.

© Усков В.С.

Состояние и тенденции развития плодово-ягодного рынка в северо-западных регионах России

В статье подчеркивается важность роста потребления плодово-ягодной продукции до норм, рекомендованных медициной, для повышения здоровья населения. Анализируются современные тенденции и основные направления развития рынка плодово-ягодной продукции в северо-западных регионах России, охватывающие его государственную поддержку и регулирование, ценообразование, конкуренцию.

Рынок плодово-ягодной продукции, уровень потребления, факторы спроса и предложения, организационно-экономические механизмы.

**Михаил Васильевич
СЕЛИН**

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой ВГМХА им. Н.В. Верещагина
mihail.selin@yandex.ru

**Владимир Сергеевич
УСКОВ**

младший научный сотрудник ИСЭРТ РАН
v-uskov@mail.ru

Плодово-ягодный подкомплекс является важнейшим фактором обеспечения здоровья, долголетия населения, решения демографических проблем. Однако уровень потребления фруктов и ягод в нашей стране пока значительно ниже медицинских норм, что отражается на

обеспеченности человеческого организма витаминами и другими регуляторами обменных процессов. По данным НИИ питания РАМН, у 80 – 90% населения России фиксируется дефицит витамина С, у 60% снижены уровни наличия витаминов А, В₁, В₂, В₆.

Рациональное питание должно осуществляться прежде всего путем увеличения в нем доли свежих плодов и ягод как натуральных, биологически активных веществ. Поэтому в советское время развитию отечественного плодово-ягодного комплекса уделялось большое внимание. В 1930 – 1960 гг. создавались специализированные хозяйства с крупными капиталовложениями, особенно в механизацию, расширялись плодово-ягодные питомники, создавались зональные институты селекции и технологии плодовых растений. В результате площадь садов и ягодных плантаций непрерывно расширялась [4]. Этому способствовали осуществлявшиеся в 1970 – 1980 гг. многообразные меры по развитию приусадебного и коллективного садоводства.

Однако в северных районах страны развитие культурного садоводства значительно ограничивалось климатическими условиями. Но благодаря созданию зимостойких сортов оно постепенно продвигалось и на север страны.

Правда, крупных садоводческих хозяйств на территории северных регионов было создано совсем немного. В сельскохозяйственных организациях, расположенных на территории Северо-Западного федерального округа, в настоящее время производится лишь 0,2% общего объема

местной плодово-ягодной продукции. Ее производство в северных регионах страны практически сосредоточено на дачных и приусадебных участках населения (табл. 1).

В последние годы в большинстве регионов СЗФО, как и по России в целом, наблюдается сокращение площадей плодово-ягодных насаждений (табл. 2). За период 2000 – 2010 гг. на треть сократились их площади в Архангельской и Псковской областях. В Ленинградской области они уменьшились почти в 2 раза, хотя регион остается лидером округа по площади садоводческих культур – 9,4 тыс. га. В 2010 г. большими площадями плодово-ягодных насаждений относительно других регионов располагали Калининградская (4,6 тыс. га), Псковская (3,7) и Вологодская области (3,0 тыс. га), т.е. регионы, находящиеся в западной и южной частях округа.

Данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года показывают видовой состав северных садов. Две трети их заняты фруктовыми насаждениями и одна треть – ягодниками. Лидерами по площади культурных ягодников в СЗФО являются Ленинградская, Архангельская и Вологодская области, в которых сосредоточено более половины площадей ягодных культур. Самые распространенные культуры – смородина, земляника, малина и крыжовник (табл. 3).

Таблица 1. Структура производства плодово-ягодной продукции в регионах СЗФО (в % от общего объема производства в хозяйствах всех категорий) [11]

Территория	Сельскохозяйственные организации		Хозяйства населения		Крестьянские (фермерские) хозяйства	
	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.
Республика Карелия	1,2	0,3	96,7	99,4	2,1	0,3
Республика Коми	0,0	0,0	100	100	-	0,0
Архангельская область	-	0,0	100	100	-	-
Вологодская область	1,4	1,5	98,6	98,5	-	-
Калининградская область	0,1	0,0	99,9	100	-	0,0
Ленинградская область	0,4	0,1	99,6	99,9	0,0	0,0
Мурманская область	0,0	0,5	100	99,5	0,0	-
Новгородская область	-	-	100	100	-	-
Псковская область	3,1	1,0	96,3	99,0	0,7	-
По СЗФО, в среднем	0,8	0,2	99,1	99,8	0,1	0,0
Справочно: Российская Федерация	20,7	15,0	78,4	82,8	0,9	2,2

Таблица 2. Площадь плодово-ягодных насаждений в хозяйствах всех категорий в регионах СЗФО, тыс. га [11]

Территория	Год					2010 г. к 2000 г., %
	2000	2003	2005	2008	2010	
Республика Карелия	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	140,0
Республика Коми	0,9	0,9	0,8	0,7	0,7	77,8
Архангельская область	2,6	2,4	2,2	1,8	1,7	65,4
Вологодская область	3,6	3,3	3,1	3,0	3,0	83,3
Калининградская область	4,2	3,9	4,5	4,4	4,6	109,5
Ленинградская область	16,8	13,9	11,0	9,5	9,4	56,0
Мурманская область	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3	100,0
Новгородская область	2,7	2,3	2,1	2,0	2,0	74,1
Псковская область	5,3	4,6	4,2	3,8	3,7	69,8
СЗФО в целом	36,8	32,3	28,8	26,2	26,1	70,9
Справочно: Российская Федерация	767,4	669,7	598,0	533,1	517,7	67,5

Таблица 3. Площади ягодных культур в СЗФО в хозяйствах всех категорий (по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г., га) [3]

Территория	Ягодники, всего	Земляника	Малина, ежевика	Смородина всех видов	Крыжовник	Рябина черноплодная	Облепиха	Другие
Ленинградская область	3202,4	1345,9	654,3	581,1	238,7	264,7	74,1	43,5
Архангельская область	1781,9	243,6	242,9	784,9	222,5	90,2	36,2	161,5
Вологодская область	1286,0	296,1	204,0	402,2	147,3	140,2	55,0	41,3
Республика Коми	745,0	227,5	101,7	213,3	84,1	48,6	6,4	63,5
Калининградская область	658,0	271,1	152,7	136,1	60,3	27,0	8,8	2,0
Псковская область	625,3	217,9	96,7	180,9	65,8	46,5	13,4	4,2
Новгородская область	524,5	207,3	78,2	125,7	50,7	46,3	12,3	4,0
Республика Карелия	456,5	179,7	58,0	106,3	46,5	46,6	6,6	12,8
Мурманская область	454,0	47,1	13,7	383,1	5,5	1,0	0,1	3,5
Итого по СЗФО	10110,2	3197,0	1704,8	2972,0	943,8	729,2	221,3	342,1

Благодаря усилиям дачников по окультуриванию земель, расширению применения удобрений, внедрению новых сортов в течение последнего десятилетия объемы сбора плодов и ягод в большинстве регионов СЗФО стабилизировались. Более того, в целом по округу их валовой сбор в 2010 г. в сравнении с 2000 г. даже вырос на 6% (табл. 4). Однако стабильность сохраняется не везде. Так, в Вологодской области, например, за период 2000 – 2010 гг. сбор плодово-ягодных культур сократился, как и их площадь, на 17%.

Но основным источником поступления фруктов и ягод на потребительский рынок СЗФО, как и прежде, остается их завоз торговыми предприятиями. Снятие государственной монополии на внешнеторговые операции позволило в последние годы значительно увеличить объемы импорта фруктовой и ягодной продукции и её продажи¹.

¹ Импорт свежих яблок в России возрос с 218 тыс. тонн в 2000 г. до 1206 тыс. тонн в 2010 г., свежего винограда – с 72 до 409, цитрусовых плодов – с 473 до 1491, бананов – с 506 тыс. тонн до 1069 тыс. тонн соответственно [9].

Таблица 4. Валовой сбор плодово-ягодных культур в хозяйствах всех категорий в регионах СЗФО, тыс. тонн [11]

Территория	Год					2010 г. к 2000 г., %
	2000	2003	2005	2008	2010	
Республика Карелия	0,7	0,6	1,2	2,9	2,7	385,7
Республика Коми	1,7	4,6	5,3	6,1	2,7	158,8
Архангельская область	4,8	8,8	7,4	7,4	5,7	118,8
Вологодская область	9,2	10,6	12,1	6,2	7,6	82,6
Калининградская область	7,3	3,0	12,7	55,0	56,5	774,0
Ленинградская область	82,5	37,7	71,9	47,4	53,4	64,7
Мурманская область	1,8	1,1	1,0	0,5	0,6	33,3
Новгородская область	9,9	13,7	17,0	17,5	15,0	151,5
Псковская область	15,3	11,0	21,1	14,8	7,4	48,4
Итого по СЗФО	143,1	91,1	149,8	157,7	151,6	105,9
Справочно: Российская Федерация	2690,0	2444,6	2403,8	2400,6	2148,9	79,9

Таблица 5. Потребление фруктов и ягод в регионах СЗФО, кг на душу населения в год [8]

Территория	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2006 г., в %	Душевое потребление в 2010 г., в %	
							к минимальной норме (80 кг/чел.)	к оптимальной норме (120 кг/чел.)
Калининградская область	54	58	65	64	70	129,6	87,5	58,3
Вологодская область	57	59	65	61	66	115,8	82,5	55,0
Мурманская область	51	55	60	60	65	127,5	81,3	54,2
г. Санкт-Петербург	48	53	59	59	61	127,1	76,3	50,8
Архангельская область	50	54	59	59	61	122,0	76,3	50,8
Новгородская область	44	43	53	54	57	129,5	71,3	47,5
Ленинградская область	45	50	53	52	57	126,7	71,3	47,5
Республика Коми	37	39	47	49	50	135,1	62,5	41,7
Республика Карелия	39	42	42	44	47	120,5	58,8	39,2
Псковская область	41	44	46	45	45	109,8	56,3	37,5
По СЗФО, в среднем	47	51	57	56	59	125,5	73,8	49,2
По РФ, в среднем	48	51	54	56	58	120,8	72,5	48,3

Данные органов государственной статистики свидетельствуют, что потребление этой продукции в большинстве регионов СЗФО на 90 – 95% покрывается за счет ввоза (лишь в Калининградской области – на 62%). По нашим расчетам, в 2010 г. населением регионов округа было потреблено более 1,2 млн. тонн импортных фруктов и ягод [8].

Благодаря наращиванию импорта среднедушевое потребление фруктов и ягод в регионах СЗФО возросло. За период с 2006 по 2010 г. оно увеличилось более чем на 25% (табл. 5). В 2010 г. душевое потребление фруктов и ягод в среднем по СЗФО

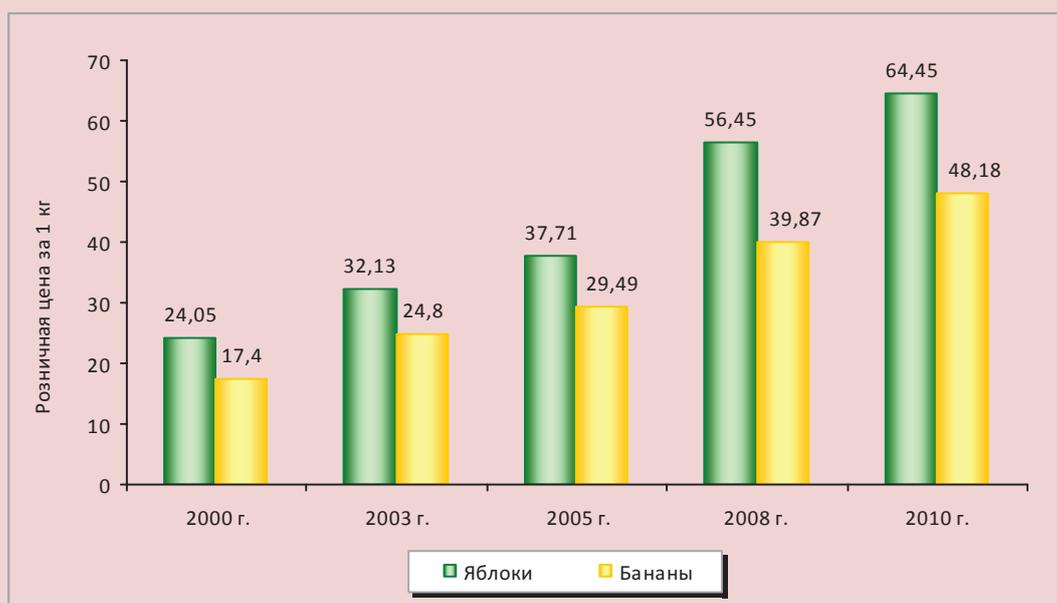
составило 59 кг и оказалось даже несколько выше среднероссийского. Однако этот уровень составляет пока только 74% к минимальной норме и лишь 48% – к оптимальной.

Важнейшим фактором, влияющим в настоящее время на уровень потребления плодово-ягодной продукции, является уровень цен. По данным органов государственной статистики, цены российских производителей за период с 2005 по 2010 г. на плоды косточковых культур увеличились в 1,7 раза, на плоды семечковых культур – в 1,6, а на ягодную продукцию – в 2,8 раза (табл. 6).

Таблица 6. Индексы цен производителей плодово-ягодной продукции в Российской Федерации, в % к предыдущему году [9]

Виды продукции	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 к 2005, %
Плоды косточковых культур	118,8	111,4	101,4	125,2	116,7	104,0	171,6
Плоды семечковых культур	127,7	126,3	110,2	115,5	104,5	95,0	159,6
Плоды ягодных культур	113,1	127,9	124,4	121,4	130,2	111,7	280,9
Виноград	98,1	122,3	136,6	103,5	96,7	99,8	166,9

Рисунок 1. Средние потребительские цены на отдельные виды продукции в Вологодской области на конец года, рублей за килограмм [12]

Непрерывно возрастают также закупочные цены на продукцию, ввозимую из-за рубежа. Рост розничных цен на фрукты опережает повышение цен на продовольственные товары в целом. В Вологодской области, например, за счет всех факторов розничная цена на яблоки в 2000 г. составляла 24 руб. за кг, а в 2010 г. она увеличилась более чем в 2,5 раза и достигла в среднем 64 руб. Продажная цена килограмма бананов за эти годы возросла с 17,4 до 48,2 руб., или в 2,8 раза (рис. 1).

Размер цен вызывает существенную разницу в уровне потребления по группам населения, имеющим различные доходы. Так, по данным бюджетных обследований, проведенных в Вологодской области

в 2010 году, в первой децильной группе (с самыми низкими денежными доходами) потреблялось 25 кг фруктов и ягод на одного члена семьи, а в десятой группе (с самыми высокими доходами) – 88 кг, т.е. в 3,5 раза больше. Стоимость потребления за год фруктово-ягодной продукции в низкодоходной группе оценена в 1359 рублей, а в высокодоходной – 5252 рубля, что в 3,9 раза выше (табл. 7).

Обратим внимание и на то, что в домохозяйствах с детьми в возрасте до 16 лет сложился следующий уровень душевого потребления фруктов и ягод: с одним ребенком – 62 кг, с двумя детьми – 51 кг, а с тремя – только 43 кг. Подобная картина наблюдается и в других регионах СЗФО.

Таблица 7. Объем и стоимость фруктов и ягод, потребленных в домашних хозяйствах с различным уровнем благосостояния в Вологодской области, 2010 г.

Домашние хозяйства	В среднем по обследуемым семьям	В том числе по 10-ти процентным группам населения									
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Объем потребленных фруктов и ягод, кг											
Все домохозяйства	67	25	34	48	60	71	78	87	83	86	88
Городские	70	28	33	49	58	74	87	97	86	89	92
Сельские	61	21	38	47	63	63	58	67	76	80	80
Стоимость потребленных фруктов и ягод, руб. на члена семьи											
Все домохозяйства	4084	1359	1914	2820	3547	4072	4867	5780	5251	5191	5252
Городские	4116	1483	1721	2598	3238	4115	5232	6253	5268	5183	5380
Сельские	4004	1072	2342	3299	4235	3979	3951	4725	5213	5208	5021

Источник: Потребление продуктов питания по социально-экономическим группам населения Вологодской области (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 35 с.

Таким образом, в регионах Северо-Запада России развитие плодово-ягодного рынка и выход его на объемы, обеспечивающие оптимальный уровень потребления фруктов и ягод, имеет существенные ограничения как со стороны спроса, так и со стороны предложения.

Спрос ограничивается низким уровнем денежных доходов большинства населения, быстрорастущими розничными ценами на плодово-ягодную продукцию. Предложение же на этом рынке становится все более зависимым от возрастающих затрат на приобретение рыночных ресурсов фруктов и ягод (особенно по импорту).

Ограничителем предложения является также низкий уровень местного производства этой продукции. Особо отметим то, что наращивание местных ресурсов тормозится из-за роста расходов владельцев садовых участков на приобретение удобрений, увеличенной платы за проезд и транспортировку материалов, необходимых в дачном хозяйстве. Практически повсеместно отсутствует организованная закупка садовой продукции непосредственно в кооперативах и товариществах.

Для эффективного использования резервов интенсивного развития местного производства фруктов и ягод в северных регионах требуется активная государственная поддержка, заключающаяся:

- в осуществлении постоянного мониторинга и анализа ситуации в садоводческих, огороднических и дачных хозяйствах;
- разработке региональных целевых программ и проектов развития и поддержки садоводства и огородничества на территории региона;
- совершенствовании системы банковских и других типов кредитования индивидуальных сельских и дачных хозяйств;
- разработке системы льгот и скидок в специализированных магазинах по продаже семян, саженцев, дачного инвентаря, огородной техники;
- проведении общественных мероприятий и акций (ярмарки, конкурсы, фестивали, выставки, научно-практические конференции, круглые столы и т.д.), направленных на популяризацию ведения садоводческого и дачного хозяйства;
- содействии объединению садоводческих, огороднических и дачных хозяйств в системы социальных потребительских обществ;

– налаживании четкой организации закупок излишков плодово-ягодной продукции у населения.

Важнейшим путем повышения уровня обеспечения населения регионов СЗФО плодово-ягодной продукцией является сбор и переработка дикорастущих ягод, биологический запас которых на большинстве северных территорий намного превышает сбор на культивируемых площадях.

В Вологодской области, например, по данным лесоустройства, биологический запас дикорастущих ягод составляет 56 тыс. тонн (в том числе клюквы – 37 тыс. тонн, брусники – 11,2, черники – 7,8 тыс. тонн)².

В течение длительного периода времени основной организацией по заготовке этой продукции в области была потребительская кооперация, которая имела разветвленную сеть приемных пунктов во всех районах.

В 1991 году Вологодский облпотребсоюз закупил у населения 3,8 тыс. тонн клюквы и брусники, значительная часть этой продукции была реализована на внутреннем рынке страны и за рубежом. Однако система потребкооперации ныне разрушена. В 2010 г. кооперативы закупили только 11 тонн лесных ягод.

Вместе с тем на рынке дикорастущих ягод появилось множество частных компаний и скупщиков, работающих с экспортерами и столичным ритейлом.

С 2003 г. в области работает ООО «Вологодская ягода» – предприятие, мощности которого по переработке ягод создаются в Усть-Кубинском районе. Основной метод переработки ягод – шоковая заморозка

в низкотемпературных камерах (до -45°) с последующим длительным хранением при температуре – 25° .

В 2007 – 2008 годах на территории Вологодской области предприятием было заготовлено 2 тыс. тонн ягод. Судя по опубликованным в печати материалам, эффективность его деятельности шаг за шагом повышается [6]. Поступательно развивается и ООО «Вологодский комбинат пищевых продуктов леса».

В других территориях СЗФО также накапливается опыт использования запасов дикорастущих ягод; важную содержательную сторону этого дела составляет маркетинговая деятельность по расширению присутствия на внутрироссийском и зарубежных рынках.

На *рисунке 2* представлена схема организационно-экономической цепочки движения как культивируемой, так и дикорастущей ягодной продукции. Данная цепочка, на наш взгляд, позволит повысить эффективность использования местных резервов ягодной продукции.

Что касается объемов роста и реализации ввозимой в регион плодово-ягодной продукции, то здесь можно прогнозировать следующую динамику. Вступление России в ВТО уменьшит таможенные пошлины на импортируемую продукцию, что создаст объективную возможность снижения цен на региональных потребительских рынках, а следовательно, и увеличения спроса населения на эту продукцию. Но реализация этой возможности во многом будет зависеть от степени развития конкуренции в российской торговле, совершенствования и применения антимонопольного законодательства, реального осуществления мер по борьбе с коррупцией в экономике.

² Источник: Лесной план Вологодской области [http://www.forestvolgda.ru/page/wood_plan]

Рисунок 2. Организационно-экономическая цепочка движения культурной и дикорастущей ягодной продукции (составлена В.С. Усковым)

Будем надеяться, что провозглашенный нынешними властями курс в этом направлении станет действенным. И тогда развитие рынка плодово-ягодной продукции

достигнет результатов, обеспечивающих уровень потребления фруктов и ягод, гарантирующий укрепление здоровья россиян и повышение качества их жизни.

Литература

1. О развитии сельского хозяйства [Электронный ресурс]: Федеральный закон Российской Федерации: принят постановлением Государственной Думы от 22.12.2006 г. № 264-ФЗ // КонсультантПлюс.
2. Иванов, В.А. Устойчивое развитие аграрного сектора зоны Севера: состояние, факторы, направления [Текст] / В.А. Иванов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 1. – 68 с.
3. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/news/perepis2006/T4/t4k1.pdf>
4. Колесников, В.А. Плодоводство [Текст] / В.А. Колесников. – 2 изд. – М., 1966.
5. Медведев, С.М. Концепция управления плодово-ягодным подкомплексом [Электронный ресурс] / С.М. Медведев. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/economich/2009/26-10/MedvedevSM.DOC>
6. Нестеров, А. Ягодный сертификат [Текст] / А. Нестеров // Бизнес и власть. – 2011. – № 6. – С. 22.
7. Пантелеева, О.И. Организационно-экономические основы функционирования и развития рынка ягод в Костромской области [Текст]: автореф. дис. ... к.э.н.: 08.00.05 / О.И. Пантелеева. – Кострома, 1997. – 23 с.

8. Потребление основных продуктов питания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1286360627828
9. Российский статистический ежегодник. 2010 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 792 с.
10. Рыжкова, С.М. Развитие рынка плодово-ягодной продукции (на материалах Тамбовской области) [Электронный ресурс] / С.М. Рыжкова. – Режим доступа: http://www.vniiesh.ru/documents/document_4968_авт-т%20Рыжковой.doc
11. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2011 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 446 с.
12. Статистический ежегодник Вологодской области 2010 [Текст]: стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2011. – 402с.
13. Скрынник, Е.Б. Стратегия развития растениеводства на среднесрочную перспективу [Электронный ресурс] / Е.Б. Скрынник. – Режим доступа: http://www.bioethanol.ru/bioethanol/news/strategija_razvitija_rastenievodstva_na_srednesrochnuju_perspektivu/
14. Тенденции и проблемы развития региона: научные труды в 3 ч. – Ч. I: Становление и стратегия развития рыночной экономики [Текст]. – Вологда: Вологодский научный координационный центр Центрального экономико-математического института РАН, 2005. – 640 с.
15. Усков, В.С. Сельское хозяйство Вологодской области и направления его государственной поддержки [Текст] / В.С. Усков // Проблемы развития территории. – 2011. – № 1. – С. 36-41.
16. Чекавинский, А.Н. Ускорение НТП – стратегическая задача развития сельского хозяйства региона [Текст] / А.Н. Чекавинский // Проблемы развития территории. – 2011. – № 2. – С. 25-31.

Методологические аспекты оценки состояния и использования человеческого капитала

Статья посвящена проблеме повышения эффективности использования человеческого капитала. Рассмотрены методические подходы отечественных и зарубежных учёных к категории «человеческий капитал». Сформулирована авторская трактовка человеческого капитала и выявлены его основные компоненты. Предложены критерии и показатели оценки состояния и использования человеческого капитала сельскохозяйственных организаций. На основе изучения мотивационного комплекса работников предложен и апробирован механизм активизации их побуждений к высокопроизводительному труду.

Человеческий капитал, интеллект, мотивационный комплекс, сельское хозяйство, интенсификация, качество труда, высокопроизводительный труд.

**Павел Михайлович
СОВЕТОВ**

доктор экономических наук, профессор Вологодской государственной молочнохозяйственной академии имени Н.В. Верещагина
sovetovpm@yandex.ru

**Александр Иванович
ФЕДОРКОВ**

доктор экономических наук, профессор,
заместитель директора Северо-Западного института РАНХиГС
fedorkov@szags.ru

**Сергей Евгеньевич
КАБИЧКИН**

соискатель ВГМХА им. Н.В. Верещагина, ассистент Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева
kab.sg@inbox.ru

Новые тенденции, наблюдаемые в последние годы в мировом хозяйстве в целом, свидетельствуют о начале формирования в пределах пятого технологического уклада элементов шестого, который

проявляется в возрастающем масштабе новых знаний и информационных технологий, активном использовании инноваций в современном социально-экономическом процессе.

Инициирование инноваций, освоение сложных технологических процессов и новой продукции требуют кадров высокой квалификации и условий, позволяющих интеллектуальному человеку раскрыть и реализовать свои креативные способности и компетенции.

Таким образом, работник, будучи встроенным в экономическую систему и являясь субъектом инновационных действий, выходит на роль решающего звена в экономике знаний, оказывая непосредственное влияние силою своего интеллекта на ход ее развития. Индивид, порождающий инновации и обладающий методами их результативного внедрения, становится стратегическим ресурсом развития организации, фирмы, предприятия.

Научными исследованиями отмечается, как на протяжении последних веков в мировой экономике прослеживается тенденция роста в структуре совокупного капитала доли человеческого капитала. Если в начале XIX века человеческий капитал составлял около 20 – 30%, а физический, соответственно, 70 – 80%, то к началу XXI века ситуация претерпела кардинальные изменения. Теперь в структуре совокупного капитала доминирует человеческий капитал. Он выступает определяющим фактором развития [3].

В теории человеческого капитала существует точка зрения на человеческий капитал как совокупность производительных способностей. Так, Лестер Туроу писал, что «человеческий капитал людей представляет собой их способность производить предметы и услуги» [11]. При этом производительные способности подразделяют на «природные», которые даны каждому человеку от рождения как отражение индивидуальных особенностей личности, не сводимых к знаниям, умениям, навыкам, и «экономические», сформировавшиеся в процессе жизнедеятельности в результате инвестиций в человеческий капитал.

Природные способности оказывают, конечно же, существенное воздействие на способности индивида к обучению и усвоению знаний, тогда как экономические способности оказывают воздействие на рост и воспроизводство уже имеющегося человеческого капитала и формирование новых знаний у индивида.

В результате одни и те же ресурсы, направленные на производство человеческого капитала, могут сформировать у разных индивидов различные размеры и структуру человеческого капитала. Тем не менее четкое разграничение между «природными» и «экономическими» способностями составить не удастся, что существенно затрудняет возможности оценки человеческого капитала как запаса производительных способностей.

Как нам представляется, категорию «человеческий капитал» не следует рассматривать только как совокупность знаний, способностей и здоровья или ассоциировать её с инвестициями в человека. По мнению Теодора Шульца, лауреата Нобелевской премии 1979 года, человеческий капитал представляет «приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями» [12].

С точки зрения другого лауреата Нобелевской премии 1992 года, Гэри Беккера, «человеческий капитал – это имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него могут быть образование, накопление профессионального опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации» [1].

Из отечественных исследователей отличается интегрированностью подхода Е. Гришнова, рассматривающая человеческий капитал как «экономическую категорию, характеризующую совокупность сформированных и развитых в результате инвестиций производительных способностей, личных черт и мотиваций индивидов,

которые используются в экономической деятельности, способствуют росту производительности труда и благодаря этому влияют на увеличение доходов (зарботков) своего владельца и национального дохода» [4].

Обобщая методологические подходы ряда зарубежных и отечественных авторов (Г.Беккер, Т. Шульц, С. Фишер, Е.А. Гришнова, В.М. Гальперин и др.), можно в целом все определения человеческого капитала подразделить на две группы, рассматривая его, во-первых, как совокупность имеющихся у человека запасов способностей и качеств, реализуемых в процессе производства благ, и, во-вторых, как инвестиционную составляющую, подчёркивая факт вложений в человека. В этом ракурсе представляется целесообразным с позиций системного подхода отобразить человеческий капитал как совокупность интеллектуальных, профессиональных, психофизиологических и социально-культурных характеристик (*рис. 1*), способствующих повышению результативности труда, образованию прибыли и обеспечивающих рост доходов работников.

Вышеизложенные методологические положения позволяют:

1) составить представление о многокомпонентной структуре человеческого капитала и необходимости персонификации способностей и качеств;

2) солидаризироваться с мнением ряда исследователей (Г. Беккер, М. Блауг, В.М. Гальперин, Е.А. Гришнова, А.И. Добрынин, М.М. Критский, П.М. Перушкевич, Л.Г. Симкина, И.В. Соболева, Л. Туроу, И.Г. Ушачев, Т. Шульц и др.) о том, что сформулированные в теории человеческого капитала трудами отечественных и зарубежных учёных (А.А. Богданов, Э. Денисон, Дж. Кендрик, К. Маркс, А. Маршалл, Дж. Минцер, У. Петти, А. Смит, С.Г. Струмилин, С. Фишер и др.) такие экономические категории, как труд и рабочая сила, являются узкими для выражения роли человека в инновационной экономике [2, 7, 10].

Происходит, как замечает В.А. Медведев, «постепенная утрата рабочей силой классических свойств товара», когда неминуемые продавцы рабочей силы, сохраняя

Рисунок 1. Основные компоненты человеческого капитала

прежнюю форму отношений наемного труда, трансформируют их «в направлении договорного сотрудничества по использованию производственных ресурсов, в частности человеческого капитала» [9].

Таким образом, становится очевидной, во-первых, ограниченность оценок человеческого капитала как запаса производительных способностей и, во-вторых, потребность в углубленном рассмотрении факторов конкурентоспособности человеческого капитала.

Тем не менее к настоящему времени остаются малоисследованными особенности формирования таких важных компонентов человеческого капитала, как умения, навыки работников, интеллектуальность кадров, формирующих результативные признаки профессионализма и, соответственно, факторы роста знаниевых активов и уровня инновационности.

Человеческий капитал как ресурс инновационного развития рассматривается большинством аналитиков лишь в аспекте подготовки управленческих кадров и научно-исследовательских специалистов в области инновационной деятельности. Однако этот необоснованно суженный подход не сочетается с представлением человеческого капитала как формы проявления человеческого потенциала.

Как известно, начиная с 1990 г., ООН ежегодно публикует отчет, в котором приводится индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), отражающий цель общественного прогресса. Расчет индекса строится на минимальном наборе базовых показателей, регулярно рассчитываемых по сопоставимой методике для различных стран.

К числу базовых показателей отнесены:

◆ средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, характеризую-

щая здоровье населения (согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения, здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов);

◆ доля грамотных в возрасте 15 лет и старше, а также показатель полноты охвата обучением во всех видах учебных заведений;

◆ ВВП на душу населения.

Вероятно, не требуется большого числа аргументов, чтобы показать очевидную ограниченность и недостаточность приведенных показателей для составления полномасштабных характеристик человеческого капитала.

Используемые в практике методики анализа и оценки человеческого капитала (Э. Флемхольц, В.И. Малюк) не учитывают влияния психофизиологических и социально-культурных составляющих человеческого капитала, что также затрудняет обоснование действенных механизмов мотивации и стимулирования персонала.

Вопросы оценки состояния человеческого капитала, эффективности его отдачи, определения соотношения затрат на создание человеческого капитала и на производство продукции, как показывает изучение литературных источников, остаются практически не освещенными, несмотря на то, что качество человеческих ресурсов в экономической системе выступает главным фактором, обеспечивающим эффективность и рост национальной экономики, в том числе и сельского хозяйства.

Существующие в статистике показатели отражают в основном использование трудовых ресурсов и не раскрывают противоречия, например, между высоким уровнем квалификации работника (умением) и низкой заинтересованностью (желанием) максимально реализовать это умение.

Отсюда важнейшей проблемой методологии управления человеческим капиталом в экономической системе, ориентированной на инновации, является создание инструментария для оценки качества человеческого капитала и эффективности его использования в экономике.

В связи с этим ниже сформирован комплекс критериев и показателей оценки состояния и использования человеческого капитала, например, в сельскохозяйственных организациях (табл. 1).

Вышеприведённый комплекс показателей может быть использован менеджментом для осуществления мониторинга состояния и тенденций использования человеческого капитала в сельскохозяйственном производстве. Тем самым формируется возможность выявления динамики характеристик человеческого капитала, обнаружения положительных и негативных тенденций в его развитии. Это позволит обосновывать и своевременно принимать управленческие решения по эффективному использованию человеческого капитала.

Таблица 1. Критерии и показатели оценки состояния и использования человеческого капитала сельскохозяйственных организаций

	Критерии			
	Интеллектуальный	Профессиональный	Психофизиологический	Социально-культурный
Показатели оценки состояния человеческого капитала	1. Средняя продолжительность обучения, лет 2. Доля работников с высшим образованием в общей численности работающих, % 3. Количество работников, владеющих иностранными языками, чел. 4. Количество рационализаторских предложений, шт. в год 5. Средний коэффициент умственного развития, баллов 6. Количество работников, владеющих навыками делового общения, чел. 7. Количество обращений в информационно-консультационные службы, шт.	1. Общая продолжительность обучения по специальности, лет 2. Стаж работы в сельском хозяйстве, лет 3. Коэффициент насыщенности специалистами, % 4. Периодичность повышения квалификации, раз в год 5. Количество работников, прошедших курсы повышения квалификации за последние 5 лет, чел. 6. Затраты на повышение квалификации работников, руб./чел. в год 7. Доля рабочих со средним специальным образованием в общей численности работающих, %	1. Затраты на обеспечение здоровья и улучшение условий труда работников, руб./чел. в год 2. Доля расходов на поддержание здоровья и улучшение условий труда в общих расходах, % 3. Коэффициент частоты несчастных случаев на производстве 4. Коэффициент тяжести несчастных случаев на производстве 5. Общие потери рабочего времени по нетрудоспособности, дн. 6. Средний возраст работников организации, лет 7. Количество работников с хроническими заболеваниями, чел.	1. Средний уровень доходов работников, руб. 2. Удельный вес увольнений за нарушение трудовой дисциплины, % 3. Расходы на культурное развитие работника, руб./чел. (всего и в том числе самим работником) 4. Удельный вес молодёжи в общей численности работников, % 5. Удельный вес лиц пенсионного возраста в общей численности работников, % 6. Обеспеченность учреждениями культуры на 100 работников, шт. 7. Степень удовлетворённости работой, %
Показатели использования человеческого капитала	1. Количество изобретений, патентов, рационализаторских предложений в расчёте на одного работника, всего и шт./чел. 2. Зарплатоёмкость продукции, руб./руб. 3. Количество целевых программ (проектов), в которых участвует организация, шт. 4. Количество инновационных технологий, применяемых в организации, шт.	1. Потери от брака в расчёте на одного работника, руб./чел. 2. Потери от брака в общих потерях, % 3. Коэффициент отдачи средств, затраченных на повышение квалификации работников 4. Трудоёмкость продукции, чел.-ч./ед. продукции 5. Получено продукции в расчёте на 1 чел.-ч., ед. продукции	1. Коэффициент использования рабочего времени 2. Потери продукции из-за болезней и травм в расчёте на одного работника, руб./чел. 3. Потери продукции из-за болезней и травм в общих потерях продукции, % 4. Коэффициент отдачи средств, затраченных на обеспечение здоровья 5. Коэффициент работоспособности	1. Коэффициент текучести кадров 2. Потери от конфликтов в расчёте на одного работника, руб./чел. 3. Потери от конфликтов в общих потерях, % 4. Потери от нарушений дисциплины в расчёте на одного работника, руб./чел. 5. Потери от нарушений дисциплины в общих потерях, руб./чел.
	Производительность труда Получено прибыли в расчёте на 1 чел.-ч., руб.			

Решение задач развития и повышения эффективности использования человеческого капитала многие исследователи обоснованно связывают с улучшением профессиональной подготовки и качеством обучения.

Кардинально изменившаяся социально-экономическая ситуация в России позволяет выявить ряд конкретных факторов, диктующих необходимость совершенствования и повышения эффективности модели подготовки специалистов, прежде всего к переходу от непрерывной системы по большому количеству направлений подготовки к двухуровневой: бакалавр – магистр. Необходимо выделить барьеры, препятствующие развитию современной системы непрерывного профессионального образования в России.

«Барьеры» – это те явления, противоречия, риски, которые могут стать препятствиями на пути становления системы непрерывного профессионального образования как основы становления инновационной и одновременно образовательной (образование как базис инновационного развития экономики) экономики в логике инновационного социально-экономического развития России на ближайшее 20-летие [13].

К ним относятся следующие виды барьеров: образовательные, социальные, экономические, территориальные, административные, организационные, правовые и духовно-культурные барьеры. Рассмотрим некоторые из них.

Социальные барьеры

Расширение зоны деградации человеческого капитала. Это понятие означает многослойный социальный феномен, складывающийся из целого ряда взаимосвязанных процессов, к числу которых относятся:

- депопуляция, и прежде всего сокращение численности населения в трудоспособном возрасте;

- ухудшение здоровья населения, саморазрушительное поведение (алкоголизм, курение, наркомания);
- нарастающая инвалидизация;
- падение трудовой морали и этики;
- утрата или «моральный износ» квалификации и образования;
- отсутствие возможностей или желания получить современное образование, повысить квалификацию или пройти переподготовку.

Эти процессы получили развитие среди значительных социальных контингентов и территорий.

Результаты многочисленных исследований подтверждают, что с точки зрения доступности качественного образования такие ресурсы, как культурный и социальный капитал семьи учащегося, чрезвычайно важны. Среди социокультурных факторов доступности качественного образования стоит выделить прежде всего образование родителей, сферу их занятости, занимаемую должность, а также состав и размер семьи учащегося (полные – неполные семьи, количество братьев и сестер).

Урбанистическое отчуждение сельской молодежи от родного сельского социума. Разрыв между качеством подготовки в сельской и городской системах образования, наличие «эффекта невозвращения» сельской молодежи, которая прошла обучение в вузах больших городов, ведут к деградации качества сельского населения и «обезлюживанию» сельских районов России, особенно центральных районов, северного Нечерноземья, районов Сибири, северных территорий. Возник императив создания системы непрерывного крестьянского образования в сельском социуме России на основе создания сети крестьянских университетов с учетом ноосферно-биосферного статуса регионов и особенностей хозяйственного природопользования в этих регионах.

В первую очередь речь идет о небрежном, а порой и откровенно безразличном отношении к человеку труда. Проблемы профессионального образования, кадровой политики, занятости и безработицы оказались вытесненными на периферию экономического и в целом общественного сознания. Негативные последствия такого рода недооценок человеческого капитала проявляются повсеместно. Это выражается, например, в нежелании руководителей многих предприятий всерьез заниматься вопросами подготовки квалифицированных работников в надежде, что проблему удастся решить за счет возвращения «старых» кадров или привлечения работников из стран СНГ.

При этом в аналитических выкладках остаётся недостаточно выраженной зависимость увеличения трудовых возможностей работников от состояния их здоровья и безопасных условий труда, развития творческой активности и инициативы, уровня организованности и дисциплины, расширения участия работников в управлении производством и других форм проявления и реализации способностей персонала.

Требуется, по большому счёту, разработка концепции эффективного использования и управления человеческим капиталом, в основе которой лежит возрастающая роль личности работника, знание его мотивационных установок, умение менеджмента их формировать и направлять на достижение целей, стоящих перед организацией.

В рамках осуществляемого исследования проблемы повышения эффективности использования человеческого капитала сельскохозяйственных организаций раскрывается применительно к условиям Рязанской области специфика мотивации работников сельского хозяйства, обусловленная особой социальной структурой, присущими только сельским жителям нормами поведения, близостью природы.

Принимая во внимание указанные особенности, мы структурировали мотивы к труду по признакам внутренней и внешней принадлежности к работнику (рис. 2).

С учетом задач менеджмента по выработке рациональных управленческих воздействий на персонал выражена и сопоставлена содержательность мотивационных устремлений работников. Для этого произведено разграничение работников конкретных предприятий на группы по признаку значимости мотивов, определенных на основе данных анкетного опроса.

Полученные комбинации элементов мотивационного комплекса соотнесены с группами работников следующим образом:

1. Высокий уровень мотивационного комплекса:

$$M_1 > M_3 > M_4 > M_2; M_1 > M_4 > M_3 > M_2; M_1 > M_3 > M_2 > M_4$$

2. Средний уровень мотивационного комплекса:

$$M_3 > M_1 > M_2 > M_4; M_3 > M_1 > M_4 > M_2; M_3 > M_2 > M_1 > M_4$$

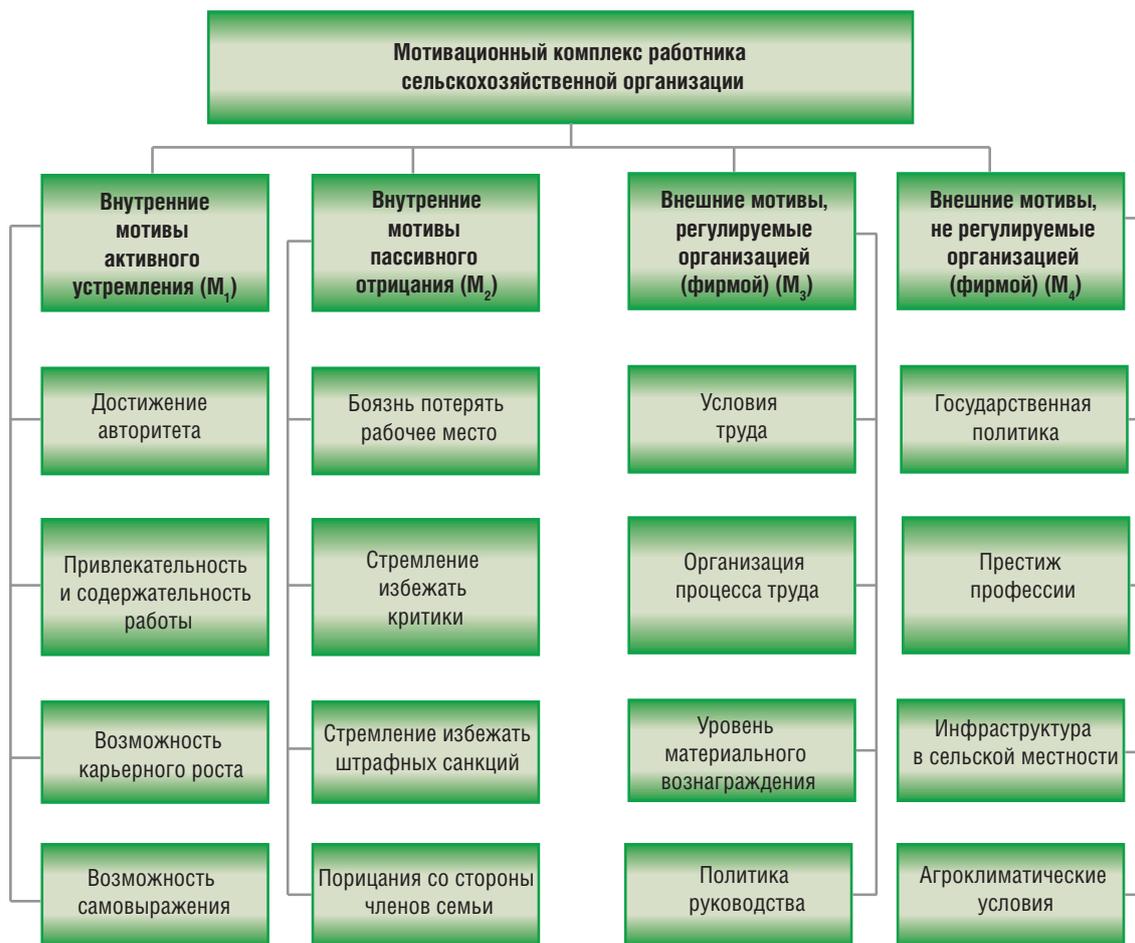
3. Низкий уровень мотивационного комплекса:

$$M_2 > M_3 > M_1 > M_4; M_2 > M_3 > M_4 > M_1; M_2 > M_4 > M_3 > M_1$$

Для первой группы работников, обладающих высокими мотивационными устремлениями, характерно преобладание моральных факторов (общественное признание деятельности, возможность самовыражения и т.д.). Таким работникам следует поручать выполнение тех видов работ, где требуется высокое качество труда, от которого во многом зависят конечные результаты деятельности.

Для работников второй группы приоритетными являются факторы материальной мотивации, что требует их закрепления за участками работ, где имеется чёткая связь результатов труда с его оплатой и необходимо обеспечить его высокую производительность.

Рисунок 2. Мотивационный комплекс работника сельскохозяйственной организации

Работники третьей группы отличаются слабым реагированием на факторы материальной мотивации. За ними будет рациональным закреплять работы, которые не оказывают прямого влияния на конечные результаты деятельности организации (вспомогательные и обслуживающие производства).

Главным мотивом удовлетворённости трудом работников сельскохозяйственных организаций Рязанской области является уровень материального вознаграждения. Подтверждением тому стали данные анкетного опроса, согласно которым более 70% респондентов основным мотивом к работе считают размер материальных выплат. Большинство обслуживающего персонала на фермах КРС, операторов машинного доения и трактористов-машинистов обладают средним уровнем мотивационного

комплекса. Учитывая присущий им экономический интерес, можно отметить, что наиболее действенным способом повышения эффективности использования человеческого капитала является применение систем вознаграждений, тесно связанных с результатами работы и качеством выпущенной продукции.

Таким образом, работники сельскохозяйственных организаций, обладающие средним уровнем мотивационного комплекса, в наибольшей степени подвержены воздействию мотива материального вознаграждения.

Обобщение результатов анкетного опроса позволяет ориентировать систему материального вознаграждения на дифференциацию оценок труда работников по их вкладу в общий успех организации с учетом качества выполненных работ.

При этом показатель индивидуального вклада работника требуется рассматривать не только как коэффициент, отражающий количественную оценку меры трудового участия отдельного работника в общих результатах труда структурного подразделения (коэффициент трудового участия – КТУ), но и как компонент мотивационного комплекса. В связи с этим в исследовании предложен и апробирован показатель «коэффициент использования человеческого капитала» (КИЧК), отражающий как роль работника в конечных (или промежуточных) результатах деятельности подразделения, так и качество выполненных работ.

С целью определения величины коэффициента использования человеческого капитала необходимо за анализируемый период (производственный цикл или год) для всех работников структурного подразделения провести оценку по десятибалльной шкале по следующим наиболее значимым критериям, полученным в результате опроса экспертов:

P_1 – оценка за своевременность выполнения работы, баллов;

P_2 – оценка за качество выполненной работы, баллов;

P_3 – оценка за трудовую дисциплину, баллов;

P_4 – оценка за сложность выполненной работы, баллов.

Итоговое значение балльной оценки по предложенным критериям рассчитывается с учётом КТУ и весовых коэффициентов значимости, полученных в результате опроса экспертов (P_1 и P_2 получили величину весовых коэффициентов значимости 0,3, а P_3 и P_4 – 0,2) (табл. 2).

$$P_{\text{общ}} = \text{КТУ} \times (0,3P_1 + 0,3P_2 + 0,2P_3 + 0,2P_4)$$

$$P_1, P_2, P_3, P_4 \in [1; 10]$$

$$K_{\text{ичк}_i} = \frac{P_{\text{общ}_i}}{\sum_{i=1}^n P_{\text{общ}_i}},$$

где i – порядковый номер работника структурного подразделения;

n – количество работников в структурном подразделении.

При расчёте премии работника должно быть учтено несколько составляющих:

- индивидуальный $K_{\text{ичк}}$;
- результаты работы бригады (относительно планового задания по надоям, приросту, урожайности, качеству выполненных работ);
- общая прибыльность организации.

По результатам хозяйственной деятельности за год за счёт фонда потребления в сельхозорганизации предлагается создавать специальный фонд мотивации, средства которого будут распределяться с учё-

Таблица 2. Данные для расчёта коэффициента использования человеческого капитала в сельскохозяйственных организациях

Работник	КТУ	Оценка, баллов				$P_{\text{общ}}$	$K_{\text{ичк}}$
		P_1	P_2	P_3	P_4		
1	2	3	4	5	6	7	8
1	КТУ_1	P_{11}	P_{21}	P_{31}	P_{41}	$P_{\text{общ}1}$	$K_{\text{ичк}1}$
2	КТУ_2	P_{12}	P_{22}	P_{32}	P_{42}	$P_{\text{общ}2}$	$K_{\text{ичк}2}$
3	КТУ_3	P_{13}	P_{23}	P_{33}	P_{43}	$P_{\text{общ}3}$	$K_{\text{ичк}3}$
4	КТУ_4	P_{14}	P_{24}	P_{34}	P_{44}	$P_{\text{общ}4}$	$K_{\text{ичк}4}$
5	КТУ_5	P_{15}	P_{25}	P_{35}	P_{45}	$P_{\text{общ}5}$	$K_{\text{ичк}5}$
6	КТУ_6	P_{16}	P_{26}	P_{36}	P_{46}	$P_{\text{общ}6}$	$K_{\text{ичк}6}$
7	КТУ_7	P_{17}	P_{27}	P_{37}	P_{47}	$P_{\text{общ}7}$	$K_{\text{ичк}7}$
Σ	1,00	-	-	-	-	$\Sigma P_{\text{общ}}$	1,00

том коэффициента использования человеческого капитала следующим образом: 25% направляется в резервный объём средств для покрытия возможного перерасхода фонда заработной платы; из оставшейся суммы 25% направляется на премирование руководителей и специалистов, 75% – на премирование рабочих. Премии могут выплачиваться по результатам завершения производственных циклов (посев, сбор урожая и т.д.) пропорционально $K_{\text{ИЧК}}$. При этом в случае отсутствия сотрудника на работе от 3 до 5 дней в месяц размер премии сокращается на 25%, в течение 10 и более дней – на 100%. В конце года резервный объём средств может быть полностью распределен между работниками организации.

В сочетании с комплексом инструментов материального мотивирования труда целесообразно использовать социально ориентированную систему инструментов воздействия, создаваемую на основе субсидирования части затрат на строительство жилья для работников, частичного погашения задолженности за жильё или кредита на автомобиль и т.д.

Возможно также осуществлять льготную продажу сотрудникам продукции сельхозорганизации собственного производства (например, мяса или молока по

цене несколько ниже рыночной, исходя из финансово-экономических возможностей организации, что увеличивает ответственность персонала за качество работы). В этом случае работник будет меньше времени затрачивать на ведение домашнего хозяйства и, следовательно, больше отдыхать и культурно развиваться. Важно не заменять заработную плату натуральными выплатами продукцией, а лишь предоставлять возможность работникам приобретать объём продукции, не превышающий в стоимостном выражении 50% размера их номинальной заработной платы. Если выдавать работникам больший объём продукции, то ее излишки им придется сбывать.

Апробация и внедрение проектных разработок по совершенствованию механизма активизации побуждений работников к высокопроизводительному труду в сельскохозяйственных организациях Рязанской области, относящихся к разным группам по уровню бизнес-привлекательности, показали, во-первых, положительный эффект от их реализации в исследуемых объектах и, во-вторых, наибольшую отдачу от внедрения разработок в группах со средней и низкой бизнес-привлекательностью сельскохозяйственного производства (табл. 3).

Таблица 3. Изменение показателей выработки продукции в сельскохозяйственных организациях Рязанской области по результатам внедрения механизма активизации побуждений работников к высокопроизводительному труду

Показатели	Произведено продукции в расчёте на 1 чел.-час.		
	Зерна, ц	Молока, ц	Прироста живой массы КРС, кг
СПК «Заря»			
До внедрения (2009 г.)	1,54	0,27	1,60
После внедрения (2011 г.)	1,41	0,29	1,74
Коэффициент изменения	0,92	1,05	1,08
СПК «Лакаш»			
До внедрения (2009 г.)	2,00	0,29	1,99
После внедрения (2011 г.)	1,89	0,31	2,13
Коэффициент изменения	0,94	1,08	1,07
СПК «Светлый путь»			
До внедрения (2009 г.)	2,78	0,32	3,10
После внедрения (2011 г.)	2,38	0,33	3,27
Коэффициент изменения	0,86	1,03	1,06

В исследуемых сельскохозяйственных организациях произошёл рост показателей производства молока и прироста живой массы КРС в расчёте на 1 чел.-час. Сравнение темпов изменения выработки продукции в организациях, где осуществлялось внедрение разработок по совершенствованию механизма активизации побуждений работников к высокопроизводительному труду, и в организациях, идентичных им по параметрам выборки (СПК «Родина», СПК «Красный Маяк», СПК «Успенский»), показало, что в первых — динамика выра-

ботки продукции имеет лучшую тенденцию: темпы изменения выработки по зерновой продукции выше на 6 — 17 процентных пунктов, по молоку — на 1 — 5 п.п., по приросту живой массы КРС — на 3 — 14 п.п.

Таким образом, апробируемый мотивационный комплекс позиционируется как эффективный инструмент повышения отдачи человеческого капитала, способствующий интенсификации производства, росту выработки продукции в расчёте на 1 чел.-час и в целом конкурентоспособности сельского хозяйства.

Литература

1. Беккер, Г. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ, с особым акцентом на образование / Г. Беккер. — Чикаго: Издательство «The University of Chicago Press», 1993. — 390 с.
2. Богачев, В.Н. К вопросам теории и методологии национального богатства / В.Н. Богачев // Проблемы национального богатства в трудах В.Н. Богачева. — М: ИЭ РАН, 1995. — 236 с.
3. Буров, М.П. К вопросу о качестве рабочей силы / М.П. Буров // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2010. — № 4. — С. 80-85.
4. Гришнова, Е.А. Человеческий капитал: формирование в системе образования и подготовки / Е.А. Гришнова. — Киев: Знания, 2001. — 254 с.
5. Дятлов, С.А. Основы теории человеческого капитала / С.А. Дятлов. — СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994. — 155 с.
6. Иванов, Н. Человеческий капитал и глобализация / Н. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 9. — С. 19-32.
7. Критский, М.М. Человеческий капитал / М.М. Критский. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — 120 с.
8. Малюк, В.И. Оценка влияния уровня трудового потенциала на продуктивность промышленного производства / В.И. Малюк, К.П. Голоскоков // Вестник ИНЖЭКОНА. — 2008. — № 2. — С. 45-53.
9. Медведев, В.А. Перед вызовами постиндустриализма: взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России / В.А. Медведев. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 438 с.
10. Человеческий капитал и проблемы формирования инновационной экономики: монография / Л.Г. Симкина, М.М. Критский, Т.Л. Судова, Т.А. Селищева и др. — СПб.: СПбГИЭУ, 2007. — 227 с.
11. Туроу, Л. Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир / Л. Туроу. — Лондон: Издательство «Penguin» (Non-Classics), 1997. — 400 с.
12. Шульц, Т. Инвестиции в человеческий капитал: роль образования и научных исследований / Т. Шульц. — Нью-Йорк: Издательство «Free Press», 1970. — 272 с.
13. Современное состояние и перспективы развития системы непрерывного профессионального образования в России: монография / А.И. Федорков и др. — СПб.: СПбГИЭУ, 2010. — 328 с.

УДК 36.2.034:631.15(470.12)

© Острецов В.Н.

© Жильцов В.В.

Эффективность механизации животноводства

В статье представлен экономический анализ современного состояния производства молока в России в сравнении с развитыми странами. На примере племзавода-колхоза имени 50-летия СССР Грязовецкого района Вологодской области рассмотрены возможности более эффективного производства молока на основе внедрения прогрессивных технологий производства и способов содержания и доения коров.

Молочное скотоводство России, прогрессивные технологии, эффективность производства молока.

**Владимир Николаевич
ОСТРЕЦОВ**

доктор экономических наук, профессор ВГМХА им. Н.В. Верещагина

**Владимир Васильевич
ЖИЛЬЦОВ**

председатель племзавода-колхоза им. 50-летия СССР (Вологодская область, Грязовецкий район)
let50@vologda.ru

Важность роста производства продукции животноводства предопределяется интересами развития нации, и прежде всего необходимостью обеспечения продовольственной независимости (безопасности) страны и увеличения потребления населением высококачественных продуктов питания.

К сожалению, в результате ошибок в проведении рыночных реформ в России снизились объемы производства продукции молочного скотоводства. Производство молока на душу населения в 2010 году составило 230 против 376 кг в 1990 году.

Соответственно сократилось и потребление молока и молочных продуктов. Доля импорта в потреблении говядины составляет более 70%, а в некоторых регионах и промышленных центрах – 80-90% [1].

Следует отметить, что Правительство России в последние годы неоднократно подчеркивало необходимость восстановления масштабов молочного скотоводства и повышения его эффективности. Однако существенных сдвигов в этом направлении не происходит. Этому препятствует целый ряд объективных и субъективных факторов.

В частности, анализ выявляет, что за последнее десятилетие прирост валового производства сельскохозяйственной продукции на 1% сопровождается увеличением на 1,3% энергопотребления и на 2,7% электропотребления [3]. Неудовлетворительными остаются условия труда обслуживающего персонала, особенно на фермах с низким уровнем механизации и устаревшими технологиями выполнения работ. Это приводит к снижению производительности труда и к текучести кадров. Отсталые технологии являются основной причиной того, что генетический потенциал животных реализуется на 60 – 65%.

Затраты кормов на производство 1 ц молока в сельскохозяйственных предприятиях страны гораздо выше, чем в развитых странах, и составляют до 1,5 ц кормовых единиц. Затраты рабочего времени на производство центнера молока с учетом личных подсобных хозяйств населения достигают 8,5 человеко-часа [4].

Как видно из данных *таблицы 1*, за рубежом основной тип содержания животных – беспривязный, он позволяет значительно увеличить нормы закрепления животных за обслуживающим персоналом, снизить тем самым трудоемкость процесса производства продукции.

Перечень факторов, ведущих к низкой результативности молочного скотоводства в России, можно продолжить.

Анализ современного состояния животноводства в стране продукции молочного скотоводства показывает, что восстановление этой отрасли и ее дальнейшее эффективное развитие может быть обеспечено только на качественно новом технологическом и техническом уровнях. Новшества позволяют более полно реализовывать генетический потенциал животных, рационально использовать корма, энергетические, финансовые и трудовые ресурсы, основные фонды и получать высококачественную, экологически чистую продукцию.

Вышесказанное в полной мере относится и к состоянию молочного скотоводства в Вологодской области. На большинстве молочных ферм испытывается недостаток полноценных кормов, используются морально устаревшие технологии (более 95% составляет технология привязного содержания). Оборудование ферм длительное время не обновлялось и физически изношено. По данным специалистов, хотя новые технологии в регионе применяют лишь 20% сельхозпредприятий молочной специализации, они производят более 80% товарного молока [5].

Таблица 1. Некоторые показатели организации производства молока в страновом разрезе

Показатели	Россия	Европа	США
1. Надой молока на 1 корову, кг в год	3501*	7250*	9219*
2. Способы содержания дойного стада, в % к общей численности коров:			
- на привязи	85	15 – 16	3 – 4
- без привязи	5	68 – 70	93 – 94
- без выпаса	10	15 – 16	2 – 3
3. Механизация доения коров, в % к общей численности коров:			
- в ведро	44	10 – 12	1 – 2
- в молокопровод	21	60 – 65	14 – 15
- в доильном зале	Менее 1	25 – 30	84 – 85
- роботом	Менее 0,1	1 – 2	0,5 – 1
- вручную	Более 30	–	–
4. Затраты ресурсов в расчете на центнер молока			
- затраты труда, человеко-часов	8,5	0,6 – 0,8	0,4 – 0,6
- затраты кормов, центнеров кормовых единиц	1,3 – 1,4	0,7 – 0,9	0,6 – 0,8

* Данные 2007 г.

Заслуживает широкого распространения опыт внедрения новых технологий в ордене Трудового Красного Знамени племязаводе-колхозе имени 50-летия СССР Грязовецкого района.

В 2011 году общее поголовье крупного рогатого скота здесь составляло 4300 голов, в т.ч. 1600 коров. Выручка от реализации продукции, работ и услуг – 233,8 млн. руб., прибыль – 45,3 млн. руб. Валовое производство молока достигло 11,5 тыс. тонн, надой молока от каждой коровы – 7299 кг [6]. В племенной работе максимально используется генетический потенциал продуктивности коров благодаря внедрению новейших методов селекционной работы, созданию прочной кормовой базы.

Полнорационное кормление коров ведется кормораздатчиками-смесителями Optimix. Совершенствуется структура машинно-тракторного парка за счет сокращения парка малопроизводительных, затратных тракторов и увеличения количества высокопроизводительной импортной техники John Deere, Ares, а также комбайнов фирмы Claas. Большая часть зерносушильного комплекса переведена на газовое топливо. Для заготовки сена приобретен полный комплекс машин фирмы Krone. На протяжении последних лет хозяйство полностью обеспечивает себя не только высококачественными растительными кормами, но и зернофуражом. На молочных фермах установлено принципиально новое доильное и холодильное оборудование фирмы De Laval, введены в действие три двора беспривязного содержания с доильным залом «Европараллель» (2x12) той же фирмы.

В декабре 2008 года была введена в эксплуатацию первая очередь коровника на 320 голов с использованием доильных роботов. Полностью механизированы и автоматизированы все технологические процессы: кормление, поение, уборка

навоза, управление микроклиматом, уход за животными. Общая стоимость оборудования составила 28 млн. руб. В его состав входят четыре робота-дойера стоимостью до 100 тыс. евро каждый, холодильник емкостью 7,5 т, дельта-скреппер, покрытие канала для дельта-скреппера, четыре крышных осевых вентилятора для обеспечения микроклимата, маты для стойл коров, кормовые станции, две щетки для чистки (расчесывания) коров, шторы на окна.

Стадо в количестве 280 дойных коров обслуживают 4 оператора, которые дежурят в течение суток посменно. В обязанности оператора входит наблюдение за поведением коров в помещении содержания, обеспечение поступления коров на робот-дойер, отслеживание на компьютере информации о состоянии животного, количестве доек и молока, полученного за сутки от каждой коровы, состоянии оборудования (не только доильного).

За прошедший период накоплена достаточная база для сопоставления затрат на производство молока по данной технологии в сравнении с другими технологиями. Прежде всего, в целом по двору произошло сокращение обслуживающего персонала, а следовательно, снижение затрат труда на единицу произведенной продукции.

В 2011 году в расчете на центнер молока на дворе затрачено 0,43 человеко-часа, в то время как при беспривязном содержании с доильным залом «Европараллель» – 0,64, а при привязном содержании с молокопроводом – 1,86 человеко-часа.

Существенно разнятся при различных типах содержания коров абсолютные и относительные издержки на производство центнера молочной продукции (табл. 2).

На дворе с роботами, как и на других, самую большую долю в структуре себестоимости продукции занимают корма – до 42%. Затраты на энергетику, топливо и

Таблица 2. Объём и структура затрат на производство 1 центнера молока в племзаводе-колхозе им. 50-летия СССР в 2011 году при различных технологиях

Затраты	В целом по хозяйству		Привязное содержание с молокопроводом		Беспривязное содержание с доильным залом «Европараллель»		Беспривязное содержание с роботами	
	руб.	% к итогу	руб.	% к итогу	руб.	% к итогу	руб.	% к итогу
Оплата труда	178,1	15,4	279,1	22,3	92,1	9,4	74,9	6,2
Корма	501,3	43,3	521,8	41,6	465,5	47,7	509,8	41,9
Горюче-смазочные материалы, электроэнергия, вода	175,5	15,2	201,9	16,1	136,2	14,0	175,7	14,4
Амортизация оборудования, зданий, основного стада	108,9	9,4	58,0	4,6	117,6	12,0	215,9	17,7
Общехозяйственные и общепроизводственные расходы	79,9	6,9	87,0	6,9	66,7	6,8	84,5	6,9
Техническое обслуживание и ремонт	64,00	5,5	51,8	4,1	51,1	5,2	114,1	9,4
Прочие расходы	49,9	4,3	55,1	4,4	46,6	4,8	42,7	3,5
ИТОГО затрат	1157,6	100	1254,6	100	976,5	100	1217,6	100

воду при различных типах содержания составляют от 14 до 16%. Затраты на амортизацию колеблются в более широких пределах – от 4,6 при доении в зале «Европараллель» до 17,7% при доении роботами. Такая разница объясняется большими финансовыми вложениями в строительство двора и приобретение оборудования. По мере их эксплуатации данная статья затрат будет уменьшаться. Так, если доля амортизации по роботам в 2009 году составляла 20,1%, то в 2011 году она уменьшилась до 17,7%.

Оплата труда в структуре себестоимости продукции животноводства составляет 6,2% на дворах с роботами и 22,3% на дворах с молокопроводами. Данное обстоятельство вызвано тем, что на дворах с роботами количество доярок сократилось в 1,5 раза, полностью сокращены скотники. В то же время возросли затраты на техническое обслуживание сторонними организациями. При использовании роботов они составляют 9,4%, а молокопроводов – 4,1% в общей сумме затрат. Сказывается и то, что обслуживание молокопроводов производится собст-

венными силами, да и стоимость запасных частей для них значительно ниже.

Несмотря на достаточно высокую начальную стоимость данного направления механизации и автоматизации технологических процессов в молочном скотоводстве, хозяйство продолжает приобретать новое оборудование и увеличивать количество коров, обслуживаемых при помощи роботов. В начале 2012 года запущена вторая очередь молочного комплекса с 4-мя роботами на 380 коров, из которых 280 – дойные.

Курс на роботизацию доения взят на вооружение и в племзаводе-колхозе «Родина» Вологодского района. По данным специалистов хозяйства, при доении роботами снижается заболеваемость коров маститом, так как ведется контроль за полнотой выдаивания, состоянием каждой четверти вымени. В то же время заметны и позитивные социальные последствия внедрения новой технологии: сокращаются объемы применения нелегкого труда доярок, растет престиж работников, занятых на фермах выполнением высокотехнологичных операций.

Передовые хозяйства области реально доказывают возможность достижения эффективности молочного скотоводства на уровне развитых стран Европы и США.

На этой основе Россия может и должна обеспечивать рациональные нормы потребления молочных продуктов, приобретаемых населением по доступным ценам.

Литература

1. Статистические материалы и результаты исследований развития АПК России. – М.: РАСХН, 2010.
2. Технологическое и техническое обеспечение молочного скотоводства. Состояние, стратегия развития. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008.
3. Водяников, В.Т. Организационно-экономические основы сельской электроэнергетики / В.Т. Водяников. – Москва, 2002.
4. Горбачев, М.И. Экономическое обоснование способов механизации молочных ферм: дис. ... канд. экон. наук / М.И. Горбачев. – М., 2005.
5. Программа «Развитие молочного животноводства Вологодской области на период 2006 – 2008 годов».
6. Годовой отчет о финансово-экономическом состоянии племзавода-колхоза имени 50-летия СССР за 2011 год.

Государственно-частное партнерство в научно-технологической сфере оборонной промышленности: российские реалии и международный опыт

Статья посвящена рассмотрению проблем и перспектив развития сотрудничества государства и бизнеса как ключевого направления в стратегии технологической модернизации и поддержания конкурентоспособности экономики страны. Анализируется зарубежный опыт государственно-частного партнерства в научно-технологической составляющей военной экономики. Проведённый в ходе исследования анализ показал, что на сегодняшний день ГЧП в ОПК Российской Федерации представляется лучшей, а зачастую и единственно возможной перспективой дальнейшего инновационного развития отрасли.

Государственно-частное партнерство, оборонно-промышленный комплекс, инновационная деятельность, технологии двойного назначения, Государственный оборонный заказ, Государственная программа вооружения.

**Алексей Евгеньевич
НИКОЛАЕВ**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник филиала Военной академии Министерства обороны РФ в г. Череповце Вологодской области
aleksnik.104@mail.ru

Задача повышения конкурентоспособности отечественного промышленного производства на основе технологической модернизации организаций является одним из национальных приоритетов развития страны на ближайшие годы. Ее успешное решение позволит обеспечить производство отечественной промышленной продукции, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках.

Главная проблема достижения конкурентоспособности производимой продукции – технологическая отсталость части организаций оборонно-промышленного комплекса (ОПК), медленное внедрение новых прорывных технологий, высокоавтоматизированного прецизионного оборудования и соответствующей профессиональной подготовки кадров, что не позволяет эффективно и в полной мере

осваивать серийное производство вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ) нового поколения.

Низкая производственная и технологическая сегментация вместе с устаревшим оборудованием (доля современных технологических линий не превышает 6 – 8% от общего объема производства) приводит к стагнированию основных отраслевых технологий и снижению конкурентного потенциала оборонных предприятий [13]. Сегодня сроки создания и внедрения нового оборудования, промышленной базы значительно отстают от реальных потребностей. Кроме того, существует проблема координации большого числа федеральных целевых программ (ФЦП), обеспечивающих эффективное развитие предприятий ОПК.

Обращает на себя внимание и предельно низкий уровень использования современных информационных технологий для сопровождения наукоемкой продукции на всех этапах ее жизненного цикла (ИПИ-технологий) на предприятиях ОПК, пытающихся экономить даже на закупках лицензионного программного обеспечения, что совершенно недопустимо, поскольку может повлечь сбой в работе техники в самый ответственный момент.

Как показывают исследование и практика внедрения ИПИ-технологий за рубежом, их полномасштабное применение позволяет решить проблему кардинального повышения качества и конкурентоспособности производимой наукоемкой продукции за счет сокращения: на 20 – 30% затрат на разработку и производство продукции; на 15 – 20% дефектов продукции и затрат на их устранение; на 20 – 25% стоимости эксплуатации; на 60 – 70% сроков вывода на рынок новейших образцов техники [15].

С учетом актуальности задачи развития ИПИ-технологий в рамках ФЦП «Национальная технологическая база» предусмотрены разработка и промышленная апробация ИПИ-технологий с целью организации их широкомасштабного тиражирования на промышленных предприятиях. Однако на сегодняшний день ряд отечественных организаций не имеют технических и технологических возможностей достижения указанных целей [1, с. 67].

Следует заметить, что в сфере ОПК намечено вложение значительных объемов бюджетных средств в техническое перевооружение организаций, участвующих в выполнении Государственной программы вооружения (ГПВ) и Государственного оборонного заказа (ГОЗ).

В рамках ФЦП «Развитие оборонно-промышленного комплекса на 2007 – 2011 годы и на период до 2015 года» предусмотрено выделение на техническое перевооружение организаций ОПК более 500 млрд руб., в том числе свыше 300 млрд руб. из бюджетных средств. Ежегодные расходы собственных средств отечественных промышленных организаций на техническое перевооружение приближаются к 1 млрд долл. с тенденцией значительного ежегодного роста этих расходов (по прогнозу, к 2015 г. объем ежегодных расходов вырастет до 10 млрд долл.) [6, с. 20].

Кроме того, на выходе находится федеральная целевая программа «Развитие ОПК Российской Федерации на период до 2020 года», которая должна стать основным инструментом для решения задач модернизации оборонно-промышленного комплекса России. За 10 лет предполагается инвестировать в ОПК около 3 трлн руб., в том числе в ближайшие три года – 440 млрд руб. [13].

Тем не менее недостаток финансирования мероприятий, проводимых в области технологической модернизации, остается основной проблемой.

Из мировой практики известно, что конкурентоспособность предприятия обеспечивается при условии обновления основных производственных средств каждые 5 лет. В настоящее время закупка организациями дорогостоящего технологического оборудования зачастую производится в отсутствие строгой экономической оценки различных вариантов технического перевооружения организаций. Как показывает опыт, игнорирование современных методов экономического обоснования альтернативных вариантов технического перевооружения организаций может привести к снижению эффективности производства после приобретения современного технологического оборудования, что недопустимо в условиях рыночной экономики.

В настоящее время организации ОПК, как правило, решают проблемы модернизации самостоятельно, индивидуально, исходя из возможностей по «выбиванию» бюджетных средств, по загрузке мощностей заказами по Государственному оборонному заказу и из спроса, сложившегося в своем сегменте рынка продукции гражданского назначения. При этом десятки и сотни организаций должны выходить на федеральные органы исполнительной власти с самостоятельно подготовленными заявками на реализацию инновационных и инвестиционных проектов по созданию и производству высокотехнологичной продукции в интересах отдельно взятой организации. Значительные сложности в подготовке заявок, неопределенность критериев их отбора, отсутствие системной оценки выбора проекта технологической модернизации не дают никаких гарантий по увеличению загрузки производственных мощностей предприятий с максимально возможной степенью сопряжения с работами по модернизации производства и получению значительного экономического эффекта от этих мероприятий.

Кроме того, данный алгоритм модернизации не исключает дублирования при проведении научно-исследовательских работ и капитальных вложений организаций одной отрасли. К примеру, в 2004 г. по номенклатуре Минобороны РФ проводилось 300 НИОКР на 3,3 млрд руб., требующих межведомственной координации. А по номенклатуре остальных госзаказчиков – 270 работ на 2,6 млрд руб. По экспертным оценкам, количество дублирующих работ из них составило 20%, а в части боевой экипировки, электронных средств различного назначения – около 30% [2]. Это, в конечном счете, влечет распыление бюджетных средств на мелкотемье, и при достаточно больших объемах финансирования мероприятий по технологической и технической модернизации производства за счет средств федерального бюджета, собственных и привлеченных средств не достигаются цели в рамках отдельно взятой организации в масштабах отрасли, не говоря уже об экономике в целом.

Результаты научно-технической деятельности составляют основу инновационного потенциала для повышения конкурентоспособности товарной продукции и являются своеобразным сырьем для создания инноваций – экономического эффекта от реализации товарной продукции, конкурентоспособность которой обеспечена нововведением.

На современном этапе развития ВВСТ в нашей стране эти инновации рождаются в процессе создания научно-технологического задела для перспективного вооружения, в основном в рамках Программы развития базовых военных технологий в составе Государственной программы вооружения.

Научно-технические результаты, созданные в интересах ОПК, в большинстве случаев обладают потенциалом двойного (оборонного и гражданского) применения. Их передача в гражданский сектор экономики,

как показывает практика зарубежных стран, может существенно повысить эффективность произведенных затрат средств федерального бюджета, направленных на создание передовых оборонных технологий. Эффективность увеличивается за счет поступления дополнительных налогов от реализации гражданской продукции, а также за счет повышения рентабельности оборонного производства при выпуске технологически подобной гражданской продукции.

В стратегическом аспекте следует отметить, что критические направления развития научно-технологической базы ОПК обычно совпадают с критическими направлениями научно-технического прогресса в целом и, следовательно, технологические достижения, полученные в интересах оборонной продукции, не менее интересны для повышения конкурентоспособности гражданской продукции и развития социально значимых секторов экономики.

По оценкам специалистов Минобороны и Минэкономразвития России, полученные в рамках Государственной программы вооружения новые знания и технологии, имеющие перспективы двойного использования и, соответственно, продвижения как на внутренний, так и на внешний рынки, составляют по Программе базовых военных технологий около 55%, а по другим разделам ГПВ – около 30%. В то же время этот резерв остаётся практически нереализованным [4, с. 356].

В целом ОПК, наряду с заданиями по целевому – оборонному назначению, осуществляет научно-техническую и производственную деятельность в интересах различных необоронных секторов экономики и видов деятельности. При этом следует отметить, что непрофильное производство и деятельность по использованию оборонных достижений в других областях на государственном уровне не организованы и нормативно регламентируются только ограничения на распространение резуль-

татов, полученных в интересах обороны и безопасности и/или созданных за счет привлечения средств федерального бюджета. Решение ключевой задачи перехода к инновационному развитию – расширенное вовлечение объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот – недостаточно методически отработано и слабо нормативно регламентировано.

Помимо общих разрывов инновационного процесса, связанных с отсутствием нормативно установленной процедуры регулярной передачи перспективных результатов фундаментальной науки в прикладную сферу, последующего систематического отбора научных разработок, пригодных для инженерного создания принципиально новых технических решений, обеспечивающих получение конкурентных преимуществ инновационной продукции, в ОПК существуют и другие специфические барьеры [8].

Во-первых, направления развития организаций ОПК зачастую не могут определяться приоритетами инновационной деятельности, так как их деятельность по прямому назначению ориентирована на создание продукции военного назначения (ПВН), рынок которой не является открытым и существенно регламентирован государством. Действительно, цель инновационной деятельности – получение коммерческого эффекта от конкурентных преимуществ на свободном рынке за счет нововведений, придающих продукции новые свойства, привлекательные для потребителя. В условиях программно-целевого планирования заданий Государственного оборонного заказа с расчетом на конкретных потенциальных исполнителей, состав которых ограничен наличием соответствующих лицензий на право осуществления деятельности в оборонных целях, конкуренция как фактор стимулирования инновационной деятельности не стала определяющей.

Во-вторых, конкурсное размещение оборонных заказов также не оказывает существенного влияния на стремление предприятий к инновационной модели развития, так как конкурсный отбор в основном проводится по критериям выгоды поставок ПВН, а не эффективности проектов, направленных на решение перспективных военно-технических задач.

В-третьих, институциональные преобразования ОПК путем формирования вертикально интегрированных структур и государственных корпораций способствуют концентрации ресурсов, повышению возможностей для создания конкурентных преимуществ на международном рынке и в то же время закреплению кооперативных связей на основе корпоративных интересов, что одновременно ведет к ограничению выбора партнеров, консервации технологических связей и технологической базы.

В-четвертых, использование неинновационных механизмов создания преимуществ предприятий, основанных, в частности, на монопольном положении корпораций, в краткосрочной перспективе перекрывает потенциальный эффект от инновационной деятельности, результат которой обусловлен многочисленными рисками и дополнительными затратами и может принести отдачу лишь в относительно отдаленной перспективе.

В-пятых, существенная финансово-экономическая и военно-техническая неопределенность в периоды перманентного кризиса последних двух десятилетий не позволяла уверенно планировать расходы федерального бюджета на оборону более чем на один год — максимум три. В этих условиях предприятия ОПК не имели реальной возможности для стратегического планирования своего развития, при котором инновационная деятельность могла бы рассматриваться в качестве значимого фактора экономической политики.

Таким образом, экономические и организационно-плановые условия деятельности предприятий по производству ПВН объективно не создают необходимых стимулов для развития инновационной деятельности в ОПК. Напротив, инициативные коммерческие успехи оборонных предприятий на рынке непрофильной продукции могут мотивировать изменение приоритетов их целевой деятельности и привести к разрушению связей с оборонным сектором, не обеспечивающим сопоставимых экономических результатов.

Исходя из этого следует, что организация инновационной деятельности в ОПК требует государственного стимулирования и регулирования баланса оборонных и коммерческих интересов участников.

Важными условиями формирования и функционирования инновационной системы ОПК являются нормативно установленные государством правила и процедуры распределения прав и ответственности между субъектами инновационной деятельности, а также обеспечение соответствия между приоритетами технологического развития, обусловленными оборонными задачами, и коммерческими приоритетами, диктуемыми конъюнктурой рынка.

Эффективность использования бюджетных средств, предназначенных для технологического развития и обеспечения технологической безопасности ОПК, может быть существенно повышена путем организации систематической передачи (трансфера) передовых научно-технологических достижений военного или специального назначения в гражданский сектор экономики. Дополнительный эффект возникает, как показывает практика зарубежных стран, от повышения конкурентоспособности гражданской продукции путем освоения передовых технологий, созданных в интересах производства технологически близкой оборонной продукции,

а также от снижения себестоимости оборонной и гражданской продукции при расширении масштабов производства по технологиям двойного применения.

Привлечение внебюджетных средств в интересах развития ОПК может быть организовано на основе совпадения направлений научно-технологического развития, критически важных как для повышения конкурентоспособности коммерческой продукции заинтересованного инвестора, так и для обеспечения необходимого технического уровня ПВН.

Основной формой сочетания государственных (оборонных) и частных (коммерческих) интересов при организации инновационной деятельности в ОПК является государственно-частное партнерство (ГЧП), призванное установить устойчивые связи между наукой и рынком, обеспечить коммерциализацию результатов исследований и разработок.

На наш взгляд, *государственно-частное партнерство в научно-технологической составляющей военной экономики* можно определить как систему долгосрочных отношений между государством (представляющими его субъектами) и субъектами частного сектора экономики по реализации научно-технологических проектов в ОПК на основе объединения ресурсов и распределения доходов или материальных выгод, расходов и рисков.

Создание ГЧП предполагает, что инициатором сотрудничества является государство, которое приглашает частных инвесторов принять участие в реализации общественно значимых проектов. Именно долгосрочные цели и задачи государства, проблемы и сложности, порождаемые его обязательствами перед обществом и возрастающими военно-экономическими потребностями, должны лежать в основе партнерских инициатив государства.

Эффективность альянса в форме ГЧП обеспечивается не столько прямым сложением финансовых ресурсов, сколько максимально полным использованием уникальных возможностей каждого из участников проекта и совокупным сокращением рисков. Государство, вступая в союз с бизнесом, как правило, получает не только снижение нагрузки на бюджет, но и более гибкую и действенную, чем традиционная бюрократия, систему управления проектом, а бизнес — определённый набор гарантий и преференций [7, с. 145].

Модели и структура ГЧП разнообразны, но при этом существуют некоторые характерные черты, позволяющие выделить партнерство в самостоятельную экономическую категорию. Оно возникает как формализованная кооперация государственных и частных структур, специально создаваемая для достижения тех или иных целей и опирающаяся на соответствующие договоренности сторон.

К основным целям государства в научно-технологической сфере ОПК следует отнести:

- ◆ повышение эффективности управления государственным имуществом в области науки и инноваций;
- ◆ организацию систематического отбора результатов фундаментальной науки, полученных по приоритетным направлениям развития и критическим технологиям Российской Федерации, и преобразование их в прикладные результаты, пригодные для инженерного воплощения в передовые технические решения в технологических процессах и объектах конструкций;
- ◆ повышение эффективности использования средств федерального бюджета, выделяемых государственным заказчикам — федеральным органам исполнительной власти — на развитие технологической базы ОПК, в том числе путем расширения их применения по двойному назначению в гражданском секторе экономики;

- ◆ привлечение дополнительных внебюджетных средств в целях технологического развития ОПК по направлениям, критически важным для создания как ВВСТ новых поколений, так и гражданской продукции, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках;

- ◆ расширение масштабов использования двойных технологий в интересах повышения рентабельности производства оборонной продукции, ограниченного финансовыми возможностями госзаказчиков, на основе унификации технологической базы оборонной и гражданской продукции;

- ◆ стимулирование малого и среднего предпринимательства к инновационной деятельности.

При этом преимущества для каждой из заинтересованных в партнерстве сторон можно сформулировать следующим образом:

- для государственного сектора – повышение качества и уменьшение стоимости госзаказа, улучшение системы выбора его основных направлений, открытие новых путей реализации результатов работы научно-исследовательского сектора; увеличение действенности государственной поддержки исследований и разработок бизнеса посредством снижения для него риска инвестиций в инновационную деятельность; лучшее применение на практике полученных результатов исследований и разработок государственного сектора путем «выращивания» их коммерциализуемости; заполнение разрывов в инфраструктуре передачи знаний, ее развитие [5, с. 260];

- для частного сектора – доступность информации о результатах интеллектуальной деятельности, созданных в ОПК по государственным контрактам и пригодных для коммерциализации; возможность приобретения прав на использование результатов, полученных за счет средств

федерального бюджета и имеющих высокий коммерческий потенциал; доступность услуг по оформлению договорных отношений между основными участниками инновационного процесса (госзаказчиками, разработчиками, инвесторами) по принципу «одного окна»; возможность частичной компенсации рисков, связанных с адаптацией оборонно-ориентированной продукции к конъюнктурным условиям рынка; доступность кредитов, выдаваемых на льготных условиях, в том числе под будущую продукцию; доступность консалтинговых, маркетинговых и других услуг [1, с. 70].

В мировой практике известно много способов совместного участия государства и бизнеса в инновационной деятельности.

Интересный опыт по формированию ГЧП накоплен в США. В этой стране перспективы научно-технологического развития постоянно находятся в центре внимания правящих кругов государства, что находит своё выражение в разработке и регулярной корректировке целей, задач, направлений и масштабов научно-технологической деятельности, в содействии использованию потенциала науки и технологий в целях укрепления национальной безопасности, развития экономики, усиления позиций на мировом рынке, а также в осуществлении научно-технологической деятельности для обеспечения внутренних потребностей страны при одновременном содействии реализации внешнеэкономических интересов.

США строго следуют концепции «технологической войны» (technological war) и стремятся достичь технологического превосходства над любым вероятным противником, заполучить в свое распоряжение последние научные достижения других государств в военной сфере и быть лидером во всех научно-технологических областях [4, с. 159].

Политика приоритетного инновационного финансирования, осуществляемая США, имеет форму широкого партнерства между федеральным правительством, корпоративным и академическим секторами в сфере развития науки и технологий, а также формирования технологической инфраструктуры. Эта политика нацелена на стимулирование перспективных, но высокорисковых технологий, устранение разобщенности между военной и гражданской индустриальными базами для расширения доступа к широкому кругу технологий, обеспечивающих национальную безопасность.

Такая политика, стимулирующая разработку и внедрение «двойных технологий», являясь частью государственной программы технологической безопасности США, способствует сближению гражданской и военной промышленности, устраняя организационные и технологические барьеры между ними. В США пришли к выводу, что необходимо не только финансировать НИОКР военного назначения, но и поощрять спрос на них со стороны корпоративного сектора. Необходимо заинтересовать крупные финансово-промышленные группы, выходящие на массовые рынки гражданской продукции, во встречных инвестициях в технологии, первоначально создаваемые оборонной промышленностью для военных целей, но имеющие потенциал коммерческого использования.

Преобладающая часть НИОКР США, выполняемых за счет федерального бюджета, относится к ведению Министерства обороны. Их доля в общем федеральном финансировании НИОКР достигает уровня примерно 60%. Если принимать в расчет инфляционные показатели, то расходы федерального бюджета на оборонные исследования и разработки в последние годы также демонстрируют опережающий рост по сравнению с исследованиями и разработками невоенного назначения [3, с. 9].

Основным институтом в системе Министерства обороны США, отвечающим за финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводимых технологически ориентированными компаниями для нужд оборонной промышленности, выступает Управление перспективных исследовательских проектов МО США (DARPA). В стратегическом плане Управления основной задачей этой организации определяется «...поддержание технологического превосходства США в военной области, предотвращение появления неожиданных технологических угроз для национальной безопасности путем оказания финансовой поддержки революционным и высокоэффективным исследованиям, сокращающим разрыв между фундаментальными открытиями и их военным использованием».

DARPA выполняет свою миссию путём поиска по всему миру наиболее «обещающих» научных идей и последующего спонсирования исследовательских проектов, служащих своеобразным «мостиком» между фундаментальными стадиями исследований и их использованием в военных целях. DARPA — единственное ведомство министерства обороны, не привязанное к конкретным оперативным задачам: его предназначением является обеспечение МО США технологическими решениями.

Уникальность этого Управления состоит в том, что оно реализует только те проекты, которые способны обеспечить достижения революционного характера в области обороны, но, как правило, имеют высокий риск.

Большинство технологических новшеств, сформировавших облик современных Вооруженных сил США, были разработаны и внедрены при непосредственной поддержке DARPA. К ним относятся: технология снижения заметности «стелс» (Stealth), РЛС с фазированной

антенной решеткой; неохлаждаемые приборы ночного видения и ИК-системы кругового обзора; безэкипажные средства наземного, воздушного и подводного базирования; технология загоризонтного радиолокационного обнаружения целей и т.д. Хотя деятельность Управления концентрируется преимущественно на военной проблематике, заметная часть его программ посвящена разработке технологий, имеющих двойное назначение. Интернет, навигационная система GPS, производство полупроводников и интегральных схем – в основе всех этих направлений, широко используемых в настоящее время гражданским сектором, лежат разработки, осуществленные при непосредственном участии DARPA.

Особое внимание при работе с технологиями двойного назначения в Управлении уделяется коммерциализации разработок. В тот момент, когда частные корпорации еще не инвестируют в технологии, важные для Министерства обороны, DARPA занимает лидерские позиции в разработке технологической базы. Инвестиции Управления в этот момент направлены на удовлетворение потребностей национальной безопасности и не преследуют цели создания заделов для промышленной базы частного сектора. Как только развитие технологии сдвигается от Министерства обороны к частному сектору, DARPA должно определить стратегию перехода с позиции технологического лидера на место «нишевого игрока».

Примером такого перехода может служить технология интегральных схем. В начале 1970-х гг. МО США было главным потребителем интегральных схем. Спрос со стороны Вооруженных сил достигал 17% рынка полупроводников. К середине 1990-х гг. частный спрос на полупроводники значительно возрос, в результате Министерство обороны занимало около 1% этого рынка, его влияние на разработку

технологий резко упало, а DARPA сменило роль лидера на роль «нишевого игрока». В настоящее время Управление электронных технологий (Electronic Technology Office) в DARPA расформировано [11, с. 32].

С 1986 г. DARPA специально занимается стимулированием «нововведений», разрабатываемых малыми исследовательскими группами. Многие исследовательские программы малы по объему и выполняются одним-двумя авторами-исследователями с помощью нескольких лаборантов или техников. Тем не менее МО США не пренебрегает такими группами, заключает с ними контракты, обеспечивает оборудованием и информацией. Особенно часто это практикуется на тех стадиях исследований, когда необходим широкий поиск, а конкурсное проведение работ является наиболее эффективным.

Основными критериями, учитываемыми при проведении конкурсов, являются: цель исследований; новизна разработки; анализ существующих в данной области подходов; наличие в проекте революционных инноваций; доказательство возможности достижения цели проекта; формулирование промежуточных и окончательных результатов; определение потребителей результатов проекта; стоимость и сроки выполнения проекта.

Важнейшую роль в проведении НИОКР играют университеты, правительственные лаборатории, федеральные центры НИОКР и некоммерческие организации. В то же время существенную часть своих средств DARPA ежегодно направляет и в промышленные организации.

Заслуживает внимания американская практика создания «центров превосходства» (Center of Excellence). «Центры превосходства» создаются при университетах, имеют достаточно широкие научные программы исследований и по существу являются центрами кристаллизации новых наукоемких фирм.

Как правило, они функционируют при обязательном долевом участии частных кампаний, бюджетов штатов и т. д. Такие центры есть по всей стране. Участие в них принимают и представители промышленности, и Министерство обороны. Это способствует переносу знаний, гибкости, подвижности в сфере НИОКР. Компании получают последние знания о достижениях в сфере науки и технологий, что позволяет им оставаться на передовых позициях. Исключительно важный момент – обмен опытом и усиление координации работы. Эти центры способствуют снижению дублирования работ. Безусловно, идет и совершенствование профессиональной подготовки ученых и инженеров [10, с. 20].

В отличие от США, Великобритания в соответствии со стратегией науки и инноваций в области обороны (Defense Science and Innovation Strategy) не стремится к мировому лидерству во всех научно-технологических областях, хотя по расходам на военную науку занимает второе место в мире. Следуя концепции «башен превосходства» (towers of excellence), достижение лидирующих позиций Великобритания планирует только в критических областях, к числу которых относятся управляемое оружие, электронно-оптические датчики, создание синтетической окружающей среды, РЛС, подводные датчики и программное обеспечение человеко-машинного интерфейса. Остальные научно-технологические направления оставлены для международного сотрудничества и коммерческих закупок внутри страны [4, с. 159].

В Великобритании существует сходное с DARPA агентство, которое называется научно-технической лабораторией оборонных технологий (Defense Science and Technology Laboratory – DSTL). Лаборатория была создана в июле 2001 г. – согласно правительственной инициативе Агентство оборонных оценок и исследований (DERA) было преобразовано в две организации: DSTL и компанию QinetiQ.

DSTL является исполнительным агентством Министерства обороны и вырабатывает рекомендации в области оборонной науки и техники и обеспечения безопасности. Компания QinetiQ обеспечивает технологической продукцией и услугами в сфере обороны государственных и коммерческих заказчиков.

В последние десять лет в целях конструктивного взаимодействия Министерства обороны с промышленными и академическими кругами британским правительством были сформированы две основные формы оргструктур: «оплоты знаний» («towers of excellence» – TOE) и «центры оборонных технологий» (Defence Technology Centres – DTCs). «Оплоты знаний» стремятся повысить технологическое превосходство ВВСТ Великобритании и улучшить «вертикальную» базу поставщиков техники в ключевых высокоприоритетных областях на уровнях системы или основной подсистемы. DTCs – это центры мирового уровня, проводящие исследования и разработку знаний, сосредоточиваясь на инновациях, которые будут способствовать улучшению будущего оборонного потенциала Великобритании за счет создания и использования технологий [14, с. 289].

Великобритания – лидер по использованию механизмов ГЧП в Европе. В 1992 г. с целью развития более эффективных общественных услуг высокого качества была основана «Частная финансовая инициатива» (PFI). Многолетний британский опыт PFI показал эффективность этой формы взаимодействий с частным сектором в сравнении с прямым участием в финансировании проектов. Более высокая дисциплина проектов ГЧП, требования заказчика составлять бюджет на долгосрочный период жизненного цикла проекта стимулируют более высокое качество проектной подготовки, бизнес-планирования и исполнения спецификаций со стороны участников частного сектора.

Примером осуществления данной концепции PFI может служить программа разработки и запуска коммуникационного спутника военного назначения «Skynet-5», предназначенного для обслуживания Вооруженных сил Великобритании и НАТО. Между Министерством обороны Великобритании, Postal Services Commission и частными инвесторами было заключено предварительное соглашение о разработке спутника на 963 млн ф. ст. Общая стоимость всего жизненного цикла спутника составляет 2,5 млрд ф. ст. Интересно отметить, что частным инвестором проекта является консорциум, состоящий из 30 банков [9, с. 100].

В настоящее время на орбиту выведено три спутника связи «Skynet-5», а четвертый спутник будет запущен на орбиту в 2013 г., что позволит увеличить мощность сети спутниковой связи Министерства обороны. Соответствующее соглашение было подписано МО Великобритании с основным подрядчиком по данному проекту в 2010 г. Помимо того было принято решение о продлении срока эксплуатации Skynet-5 еще на 2 года – до 2022 г. Военные подсчитали, что, дополнительно вложив в Skynet-5 около 400 млн ф. ст. или 600 млн. долл., а также продлив срок его эксплуатации, можно получить экономическую выгоду в размере 3,6 млрд ф. ст. или 5,4 млрд долл.

Еще одна европейская модель ГЧП представлена программой создания многоцелевых транспортных/транспортно-заправочных самолетов (ТЗС) Future Strategic Tanker Aircraft (FSTA) компанией AirTanker для ВВС Великобритании. Проект FSTA («Стратегический самолет-заправщик будущего») представляет собой программу развития парка ТЗС Великобритании, включая создание новейшей операционной базы и всей сопутствующей инфраструктуры. В рамках проекта, рассчитанного на 27 лет (2008–2035 г.), предполагается поставка 14 новых самолетов-заправщиков для королевских ВВС.

Общая стоимость оснащения британских ВВС самолетами-заправщиками и предоставления сопутствующих услуг оценивается в 13 млрд ф. ст. (16,7 млрд евро). В случае начала военных действий с участием Великобритании и роста спроса ВВС на эти самолёты общая стоимость проекта, соответственно, вырастет. Следует отметить, что на проведение тендера до заключения договора Министерство обороны Великобритании потратило порядка 47,5 млн ф. ст., что составляет 0,4% всей стоимости проекта. AirTanker, со своей стороны, в ходе продолжавшихся с 2004 г. переговоров сумел привлечь около 2,2 млрд ф. ст. (3,2 млрд евро) для инвестиций в развитие парка, операционной базы и сопутствующей инфраструктуры. Стоимость предоставляемых британским ВВС услуг будет формироваться из фиксированной доли – за факт предоставления самолетов и варьируемой доли – за каждый час эксплуатации самолетов [12, с. 66].

С организационной точки зрения флот самолетов планируется разделить на три части. Одна из них будет находиться в постоянной эксплуатации военного ведомства. Другую предполагается отдавать в эксплуатацию военным службам в рабочие дни, а в выходные дни – использовать в коммерческих (транспортных) целях. Третья часть будет эксплуатироваться в коммерческих целях и предоставляться ВВС во время какого-либо кризиса.

Все 14 самолетов при этом останутся собственностью консорциума AirTanker. Министерство обороны Великобритании не будет приобретать самолеты, а возьмет их в лизинг, гарантируя при этом минимальный спрос со своей стороны на услуги консорциума. Если AirTanker окажется не в состоянии оказать оговоренные услуги, то платежи от Министерства обороны будут поступать только за реально предоставленные услуги.

Рассмотренные в статье проекты служат ярким примером успешного партнерства государственного и частного секторов в оборонной сфере. Опыт США и Великобритании показывает, что наряду с такими необходимыми составляющими инновационного развития, как эффективность законодательно-правовой основы инновационной деятельности, систематические и крупные вложения в исследования и разработки, развитие предпринимательства и совершенствование производственной базы, исключительное значение имеет формирование плотной сети взаимодействия между всеми субъектами национальной инновационной системы (включая взаимодействие между военным и гражданскими секторами экономики), а также между всеми стадиями динамично развивающегося и существенно усложнившегося инновационного процесса. Ядром формирующихся сетей становится государственно-частное партнерство.

С учетом характера, масштабов и сроков реализации научно-технологических проектов ГЧП в ОПК Российской Федерации представляется лучшей, а зачастую и единственно возможной перспективой дальнейшего развития отрасли. Привлечение бизнеса позволяет осуществить многие стратегически важные проекты и программы,

средства на финансирование которых отсутствуют в государственном бюджете. Кроме того, дополнительное развитие получает инновационный процесс как неотъемлемая часть научно-технической деятельности, основанный в данном случае на военных технологиях и технологиях двойного назначения, что, в свою очередь, способствует созданию и совершенствованию инфраструктуры оборонной промышленности и достижению паритетов с США в основных видах вооружения и военной техники.

Представляется, что развитие работ по перспективным ВВСТ на принципиально новых физических принципах требует и создания принципиально новых организационных схем проведения подобных работ. В качестве такой пассионарной организационной меры можно предложить образование Российского агентства по перспективным оборонным исследованиям и разработкам, аналогичного DARPA. На наш взгляд, создание такого органа позволит в достаточно короткие сроки сократить научно-технологический разрыв между Россией и ведущими зарубежными странами не только в области ВВСТ, но и в технологическом развитии в целом, а в перспективе вновь занять лидирующие позиции в мире.

Литература

1. Астахов, А.А. Реструктуризация ОПК. Стратегии развития отрасли на современном этапе / А.А. Астахов, С.И. Довгучиц // Оборонная мощь России (прошлое, настоящее, будущее). — М.: Военный парад, 2009. — 512 с.
2. Бабакин, А. Бракованная техника подрывает национальную безопасность / А. Бабакин // Независимое военное обозрение. — 2004. — № 29.
3. Белинский, А.Н. Приоритеты научно-технической политики США в начале XXI века: взаимодействие государства и бизнеса / А.Н. Белинский, С.В. Емельянов, Л.Ф. Лебедева. — М.: ИСКРАН, 2009. — 83 с.
4. Буренок, В.М. Развитие военных технологий XXI века: проблемы, планирование, реализация / В.М. Буренок, А.А. Ивлев, В.Ю. Корчак. — Тверь.: Купол, 2009. — 624 с.
5. Голиченко, О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития / О.Г. Голиченко. — М.: Наука, 2006. — 396 с.

6. Довгучиц, С.И. Проблемы технологической модернизации оборонно-промышленного комплекса и пути их решения / С.И. Довгучиц // Вооружение. Политика. Конверсия. – 2008. – № 6. – С. 20-23.
7. Емельянов, Ю.С. Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: зарубежный и российский опыт / Ю.С. Емельянов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 256 с.
8. Караваев, И.Е. Некоторые аспекты организации инновационной деятельности в оборонно-промышленном комплексе Российской Федерации [Электронный ресурс] / И.Е. Караваев // Федеральный справочник «Оборонно-промышленный комплекс России». – 2011. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/news/analytics/23.05.2011.html>
9. Куцына, Е.А. Анализ инновационной деятельности в оборонной сфере Великобритании / Е.А. Куцына // Вооружение и экономика. – 2011. – № 4 (16) – С. 95-104.
10. Панкова, Л. Нам нужны «центры превосходства» / Л. Панкова // Инновационные тренды. – 2010. – № 3. – С. 18-20.
11. Попова, Е.В. Возможные направления инновационного развития оборонно-промышленного комплекса / Е.В. Попова // Инновации. – 2007. – № 12. – С. 30-36.
12. Политические, военные и экономические факторы обеспечения безопасности в современных условиях / отв. ред. С.В. Целицкий. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 89 с.
13. Rogozin, D. У отечественного ОПК есть будущее [Электронный ресурс] / Д. Rogozin. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/506941>
14. Хагелин, Б. Научно-технологические военные инновации: США и Европа / Б. Хагелин // Ежегодник СИПРИ: вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 2005. – С. 277-301.
15. Чистяков, Г. На пути промышленной модернизации [Электронный ресурс] / Г. Чистяков // Умное производство. – 2008. – № 6. – Режим доступа: http://www.umpro.ru/index.php?page_id=17&art_id_1=101&group_id_4=42

Исследование связи статистических показателей инновационных процессов и социально-экономического положения региона

Достаточно обширный перечень отечественных научных публикаций последнего времени посвящён инновационному характеру развития российской экономики и её регионов. Инновационные процессы на территории регионов ассоциируются зачастую с основными приоритетами их социально-экономического развития. Такая оценка инноваций должна иметь под собой достаточно прочную основу. Исследование важнейших особенностей социально-экономического развития одного из российских регионов на фоне происходящих в нем инновационных процессов является предметом настоящей статьи.

Инновационное развитие, регион, показатели, социально-экономическое положение, инвестиции.

**Владимир Александрович
ШЕРИН**

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник
Ульяновского государственного университета
kapital87@yandex.ru

Современное состояние инновационного характера российской экономики и её регионов не имеет однозначной оценки в научных публикациях.

Так, в статье А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой анализируется состояние науки и инноваций в России в сравнении со странами и ведущими компаниями мира, имеющими высокие значения динамики инвестиций в исследования, разработки и капитализацию наукоемких компаний и отраслей [5, с. 63 – 82]. В заключение делается достаточно пессимистический вывод относительно перспектив инновационного развития наукоемких отраслей российской экономики: «В лучшем случае они сохранят и упрочат свои «нишевые преимущества» на основе

международной кооперации и обеспечат потребности внутреннего рынка страны в высокотехнологичной продукции» [5, с. 82]. Определённым подтверждением этой точки зрения может служить утверждение С.Ю. Глазьева: «...за исключением ядерной и авиакосмической промышленности, обладающих накопленными конкурентными преимуществами, российская промышленность не располагает производствами нового технологического уклада» [1, с. 110].

Мировой опыт оценки современных и имеющих перспективное научно-техническое и экономическое преимущество инновационных проектов находит отражение также в целом ряде зарубежных публикаций [13, 14, 15, 16].

В то же время в отечественных публикациях последних лет получила широкое освещение тема создания в российских регионах неких особых моделей региональных инновационных систем, «...выступающих в современных условиях основным механизмом не только научно-технического, но и устойчивого развития регионов» [4, с. 213]. В свете такого взгляда влияние показателей инновационных процессов на состояние отечественной, в т.ч. и региональной, экономики трудно переоценить. Определенно в этом смысле выразился Б.З. Мильнер, автор предисловия к уже процитированной коллективной монографии: «Инновационная экономика может существовать только в условиях, когда наука является неотъемлемой частью промышленного производства и непосредственной производительной силой...в ближайшие годы появляется уникальная возможность сформулировать качественно новые подходы и механизмы, которые могут обеспечить устойчивое развитие экономики» [5, с. 5].

Принимая во внимание столь противоречивые взгляды на роль инновационных процессов в развитии российской экономики в целом и её регионов в частности, можно считать логичным и целесообразным продолжение обсуждения этой проблемы.

Российское законодательство определяет инновационную деятельность как «...деятельность (включая научную, технологическую, организационную, финансовую и коммерческую деятельность), направленную на реализацию инновационных проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение её деятельности» [11].

С позиций экономических последствий инновационных процессов необходимо проводить различия между генерацией и использованием инноваций на конкретных территориях. Генерация (производство)

инновационного продукта (изделия, технологии, способа, метода и т.д.) далеко не всегда связана территориально с объектами его использования. Высокий уровень научно-исследовательских разработок в организациях региона может лишь косвенно оказывать влияние на уровень его экономического развития. Исследование таких связей представляется важной научной и практической задачей.

Обзор и обсуждение проблем инновационного развития регионов РФ нашли отражение в ряде публикаций последнего времени, в частности в работах [4, 7, 9]. Вместе с тем данным публикациям предшествовали работы фундаментального характера сотрудников организаций РАН, в т.ч. работы [3, 6].

Примером достаточно сложных связей результатов деятельности научно-исследовательской организации с показателями экономики региона является деятельность предприятия госкорпорации «Росатом» «Государственного научного центра – НИИ атомных реакторов» в г. Димитровграде Ульяновской области (НИИАР) [17].

По экспериментальному обоснованию новых видов топлива и конструкционных материалов для атомных энергетических установок НИИАР занимает ведущие позиции в стране, а по ряду позиций и в мире.

Подтверждением важности развития этих работ может служить уже приведенное выше высказывание С.Ю. Глазьева [1].

Вместе с тем отдельные направления деятельности Института демонстрируют примеры реализации инновационных технологий на территории Ульяновского региона. В частности, речь идёт о строительстве в Димитровграде первого в стране федерального высокотехнологичного Центра медицинской радиологии (далее – Центра) в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 17 марта 2010 г. № 145 [10].

Несомненно, можно говорить о высоком уровне экономической эффективности, в т.ч. и региональной, создания и функционирования этого инновационного проекта. Непосредственными показателями этой эффективности, безусловно, будут рост денежных доходов населения Димитровграда в связи со строительством и функционированием Центра, налоговые поступления во все уровни бюджетной системы, доходы населения и хозяйствующих субъектов в связи с расширением сферы социальной и производственной инфраструктуры западной части Димитровграда. Методика оценки экономической эффективности создания Центра опубликована ранее в работе [12]. Наряду с этим особую важность представляют вопросы влияния развития образовательной, научно-исследовательской, опытно-конструкторской и иных видов инновационной деятельности на конечные, принятые официальной статистикой показатели социально-экономического развития на уровне конкретного региона в целом. Определяющим поводом для такой постановки вопроса послужила публикация сотрудников Института социально-экономического развития территорий РАН [2].

В указанной публикации предложена методика расчета индекса научно-технического потенциала регионов РФ, который представляет собой среднее арифметическое индексов входящих в него блоков: «Наука и инновации», «Образование», «Информационная структура и коммуникации». На основании этого индекса авторы приводят рейтинг (место) регионов России по уровню развития научно-технического потенциала в 2003 – 2007 гг. [2, с. 142 – 144]. Естественно, возникает желание соотнести этот рейтинг с рейтингом социально-экономического положения какого-либо отдельного региона с целью поиска возможных связей между

этими рейтингами в динамике. Такое сопоставление расширяет наши представления о важности и значении развития научно-технического потенциала территории в формировании её основных социально-экономических показателей.

Сам по себе выбор основных социально-экономических показателей региона не является тривиальной задачей. Наибольшим уровнем доверия, представляется, может служить перечень основных социально-экономических показателей положения субъектов РФ, значения которых ежегодно публикуются в «Российской газете» по итогам каждого отчетного года. Для целей настоящей статьи целесообразно рассматривать период социально-экономического положения региона, а в данном случае речь идёт конкретно об Ульяновской области, с 2007 по 2010 год.

Это объясняется, во-первых, значительной нестабильностью экономической ситуации 2000-х годов, во-вторых, указанным выше периодом расчета рейтинга научно-технического потенциала регионов в 2003 – 2007 гг. и, наконец, в-третьих, необходимостью учёта временного лага реализации в реальном секторе экономики научно-технических достижений. Учитывая, в частности, среднюю продолжительность проектирования и строительства новых производств, сроки обучения в вузах, наблюдения о распространении инноваций в информационных технологиях и др., можно принять длительность этого лага на уровне 3 – 5 лет. Исходя из этого обстоятельства к рассмотрению в настоящей работе приняты показатели в соответствии с основными показателями социально-экономического положения Ульяновской области за 2007 – 2010 гг. [8].

К числу таких показателей были отнесены показатели, представленные в *таблице 1*.

Таблица 1. Динамика положения Ульяновской области среди субъектов РФ на основе важнейших социально-экономических показателей в 2007 – 2010 гг.

Показатели динамики для оценки места региона в РФ	Место области среди субъектов РФ по годам			
	2007	2008	2009	2010
1. Индекс промышленного производства (в % к предыдущему году)	32	59	65	4
2. Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» (в % к предыдущему году)	40	25	50	73
3. Инвестиции в основной капитал (в % к предыдущему году)	31	23	27	67
4. Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в % к предыдущему году)	56	19	55	73
5. Индекс потребительских цен (декабрь отчетного года к декабрю предыдущего года)	69	42	7	70
6. Номинальная среднемесячная начисленная заработная плата одного работника, руб.	73	70	69	65
7. Реальная среднемесячная начисленная заработная плата (в % к предыдущему году)	27	41	35	3
8. Реальные денежные доходы населения (в % к предыдущему году)	64	62	56	11
9. Общая численность безработных (по данным обследований населения по проблемам занятости, в % к экономически активному населению)	21	45	46	53
10. Естественный прирост (убыль) на 1000 человек населения	69	59	59	62
Среднее место	48	45	47	48

Таблица построена следующим образом. Из 46 показателей, по которым приводятся данные в «Российской газете», в этой таблице использовано только 10. Нумерация мест построена по возрастанию: лучшее значение показателя имеет номер 1. При этом во внимание приняты следующие соображения.

Первое: представленный в указанных публикациях массив данных (46 показателей по 83 субъектам РФ – около 3800 значений) по каждому году потенциально служит основанием для практически неограниченного числа аналитических задач. Для целей поставленной здесь задачи сознательно выбрано ограниченное число показателей. Это сделано для того, чтобы привести результаты проведенного анализа в максимально компактный вид, обозримый, что называется, «одним взглядом». Разумеется, даже при такой постановке задачи вид результатов её решения мог быть достаточно разнообразным. Но и для 10 показателей, приведенных в таблице, потребовалась работа с массивом около 800 значений по каждому году.

Второе: необходимость приведения результатов в компактный вид не снимала проблему представительности этих результатов. Именно поэтому в число 10 показателей входят: инвестиции как источник роста экономического потенциала; промышленность, сельское хозяйство и строительство как основные отрасли, формирующие валовой региональный продукт области; заработная плата и денежные доходы населения, определяющие в основном уровень жизни населения; безработица – в равной степени как связанная с положением в производственном секторе, так и отражающая социальный облик населения; естественный прирост (убыль) населения как определенный синтетический показатель, отражающий результаты решения актуальной российской задачи сбережения населения.

Третье: на результаты анализа при данной постановке задачи практически не мог повлиять учет целого ряда таких зависимых и дублирующих показателей, как строительство жилых домов и индексы цен на жилье, задолженность по заработной плате, индексы растениеводства и животноводства и т.д.

Итоговая строка таблицы не требует какого-то особого комментария. Очевидно, оставаясь в рамках рассматриваемых показателей, положение области за 2007 – 2010 гг. свидетельствует об его относительно стабильном характере.

Рассмотрение сформулированной выше проблемы исследования влияния инновационных процессов на экономику развития региона требует совместного представления данных о динамике всех важнейших показателей, отражающих это влияние. При этом важным видится анализ показателей, наблюдаемых официальной статистикой. С этих позиций совокупность рассматриваемых показателей за рассматриваемый период может быть сведена в рамках *таблицы 2*.

В приведенной таблице использованы как уже отмеченные выше данные, так и данные о положении Ульяновской области на основании статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ [18].

Основными результатами, которые могут быть сформулированы на основании данных приведенной таблицы, представляются следующие.

1. Среднеарифметическое значение рейтинга Ульяновской области по уровню развития научно-технического потенциала в 2003 – 2006 гг. (43 место) соответствует уровню социально-экономического положения области в 2007 – 2010 гг. (47 место). Это может свидетельствовать о существенном влиянии научно-технического потенциала региона на уровень его экономического развития. Резкое увеличение уровня научно-технического потенциала – с 42 места в 2006 году до 26-го в 2007-м, возможно, явилось побудительным мотивом к ещё более быстрому росту позиций области по индексу промышленного производства – с 65 места в 2009 году до 4-го в 2010-м.

2. Внутри периода 2007 – 2010 гг. наблюдается устойчивая связь примерно на одинаковом среднем уровне (36 – 40 место) целого ряда показателей: индекса промышленного производства, числа созданных и используемых передовых производственных технологий, индекса физического объема инвестиций в основной капитал. Это может быть ценной информацией для прогнозирования важнейших экономических показателей развития области, если иметь в виду, что инновации касаются прежде всего организаций промышленного производства.

Таблица 2. Показатели, отражающие положение Ульяновской области среди субъектов РФ по влиянию инновационных процессов на социально-экономическое положение региона

Показатель для оценки места области в РФ	Место области среди субъектов РФ по годам							
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
1. Индекс промышленного производства (в % к предыдущему году)	40	77	23	58	32	59	65	4
2. Число создаваемых передовых производственных технологий, ед.	12	17	44	27	27	52	33	30
3. Число используемых передовых производственных технологий, ед.	26	23	33	28	38	36	36	43
4. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (в постоянных ценах к предыдущему году)	59	9	49	17	31	23	27	67
5. Рейтинг области в РФ по уровню развития научно-технического потенциала в 2003 – 2007 гг. (место)	53	33	45	42	26	Не рассчитывался из-за недостатка опубликованных данных		

3. Очевидно, что область, несмотря на достаточно высокий уровень развития промышленного производства (в 2007 – 2010 гг. – в среднем 40 место в России), «проседает» за счёт иных отраслей материального производства (явно отрицательные тенденции показателей в строительстве и сельском хозяйстве). Эти тенденции требуют самого тщательного внимания со стороны региональных властей, в противном случае сосредоточение усилий на наиболее инновационных направлениях в промышленности не смогут повлиять на общий уровень показателей экономики региона.

4. Наряду с предыдущим выводом, приходится сделать вывод, что абсолютное ухудшение положения региона по числу созданных передовых производственных технологий в период с 2007 по 2010 год (с 25 до 36 места), числу используемых технологий (с 28 до 38 места), индексу физического объема инвестиций в основной капитал (с 32 до 37 места) по сравнению с периодом 2003 – 2006 гг. никак не коррелирует с одновременным ростом на 10 позиций положения региона по индексу промышленного производства – со среднего 50 до 40 места.

Увы, и исследование влияния инновационных процессов на основные социально-экономические показатели других регионов не вносят качественно иных взглядов на характер этого влияния. Одним из наиболее «инновационно продвинутых» регионов в Приволжском федеральном округе, безусловно, является Самарская область, имеющая общую границу с Ульяновской областью. По данным государственной статистики, в период 2003 – 2010 гг. положение Самарской области по числу создаваемых и используемых передовых технологий в среднем значительно предпочтительнее по сравнению с положением Ульяновской области: 6 – 7 место против 30 – 33 места.

Ещё более контрастные результаты приведены по уровню развития научно-техни-

ческого потенциала сравниваемых областей в 2003 – 2006 гг.: Самарская область – 11 место, Ульяновская – 43-е [2, с. 142]. В то же время положение областей, определенное по представленной в настоящей работе методике оценки рейтинга социально-экономического развития регионов, показывает близкие значения этих рейтингов в 2007 – 2010 гг.: Самарская область – 40 место, Ульяновская – 47-е. А по индексу промышленного производства в этом периоде наблюдается обратная ситуация: Самарская область – 48 место, Ульяновская – 40-е.

Хотя отмеченные выше результаты и сопутствующие им обстоятельства и свидетельствуют об определенном влиянии инновационных процессов в Ульяновском регионе на его основные социально-экономические показатели, окончательные выводы о степени этого влияния делать преждевременно.

Нельзя не согласиться с заключением авторов одной из новейших монографий по исследованию интегральных показателей оценки социально-экономического положения российских регионов: «Мы хотели бы рассматривать эту книгу как своего рода вводное исследование в крайне плодотворное и интересное с практической точки зрения направление региональной науки» [7, с. 203]. Отдельные, имеющие отношение к тематике статьи, выводы могут быть в краткой форме сформулированы следующим образом.

1. Исследование влияния инновационных процессов на социально-экономические показатели региона необходимо проводить систематически. Период представления исходных данных для исследования должен быть представительным и сопоставимым с периодами разработки и реализации инновационных проектов.

2. Действующие рыночные условия функционирования региональной экономики являются основным ключевым фактором (в т.ч. и ограничением) её развития.

3. Нет прямой связи между официальными статистическими данными о состоянии инновационной и экономической деятельности на территории в определенные моменты времени.

4. Важнейшим приоритетом социально-экономического развития региона следует признать совместные усилия бизнеса и властей региона по созданию максимально благоприятного климата для привлечения отечественных и зарубежных инвестиций. Этот фактор приобретает принципиальное значение, поскольку он имеет наиболее тесную связь и влияние на основные показатели региона. Неочевидна

эта связь в ближайшем обозримом будущем с показателями региональной инновационной активности.

5. Ключевое, приоритетное направление инновационной политики в регионе – максимальное использование научно-технического задела российских, в т.ч. данного региона, научно-исследовательских, проектных и конструкторских организаций. В этом отношении ведущая роль должна принадлежать действиям региональных властей по обеспечению финансирования (в т.ч. в форме предоставления гарантий, льгот и т.д.) соответствующих инновационных проектов совместно с федеральным центром.

Литература

1. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.
2. Гулин, К.А. Институциональная среда генерации знаний в регионах РФ (на примере Вологодской области) / К.А. Гулин, К.А. Задумкин, В.А. Ильин // Горизонты инновационной экономики в России: право, институты, модели / общ. ред. В.Л. Макарова. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 240 с.
3. Движение регионов России к инновационной экономике / под ред. А.Г. Гранберга, С.Д. Валентея; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2006. – 402 с.
4. Золотухина, А.В. Проблемы инновационного и устойчивого развития регионов / А.В. Золотухина. – М.: КРАСАНД, 2010. – 240 с.
5. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 624 с.
6. Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и технологической безопасности / рук. авт. коллектива В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский. – М.: Наука, 2004. – 890 с.
7. Кузнецова, А.В. Системная диагностика экономики регионов / А.В. Кузнецова, А.В. Кузнецов. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.
8. Перечень основных социально-экономических показателей положения субъектов Российской Федерации // Российская газета. – 2008. – № 48(4612). – 14 марта. – С. 12-13; 2009. – № 43(4867). – 13 марта. – С. 14-15; 2010. – № 51(5130). – 12 марта. – С. 18-19; 2011. – № 54(5430). – 16 марта. – С. 18-19.
9. Польшин, А.О. Конкурентные возможности регионов: методология исследования и пути повышения / А.О. Польшин. – М.: КРАСАНД, 2010. – 208 с.
10. Постановление Правительства РФ от 17 марта 2010 г. № 145. «Об осуществлении бюджетных инвестиций в проектирование и строительство федерального высокотехнологического центра медицинской радиологии (г. Димитровград, Ульяновская область)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.szrf.ru>
11. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 21 июля 2011 года № 254-ФЗ.
12. Шерин, В.А. Методика оценки эффективности бюджетных инвестиций в создание высокотехнологического центра медицинской радиологии / В.А. Шерин // Вопросы экономики и управления для руководителей здравоохранения. – 2011. – № 4. – С. 3-7.
13. Bolt, K. Manual for Calculating Adjusting Net Savings / K. Bolt, M. Matete, M. Clemens. – The World Bank, 2002.
14. Energy Revolution. – European Renewable Energy Council. January 2007.
15. Foss, N.J. Resources, Technology and Strategy: Explorations in the Resource-Based Perspective / N.J. Foss. – Oxford University Press, 2000.
16. Martin, B. Technology Foresight in a Rapidly Globalizing Economy International Practice in Technology Foresights / B. Martin. – Vienna: UNIDO, 2002, 216 p.
17. URL: <http://www.riar.ru>
18. URL: <http://www.gks.ru>

Тенденции финансового обеспечения социальной сферы северных регионов России

В статье выявляются особенности финансирования социальной сферы на Севере России. Дан анализ основных источников финансирования – региональных и местных бюджетов и внебюджетных фондов. Показаны следующие тенденции: повышенная затратность из-за высокой стоимости жизнеобеспечения, улучшение финансового обеспечения социальной сферы, усиление роли социальной политики в связи с увеличением пенсий, сглаживание пространственных и структурных различий.

Бюджет, здравоохранение, культура, образование, регион, Север, социальная защита, социальная политика, социальные расходы, финансы.

**Максим Михайлович
СТЫРОВ**

кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН

Развитие экономики и повышение уровня и качества жизни населения России во многом определяется функционированием социальной сферы. В свою очередь, ее состояние находится в прямой зависимости от уровня финансирования. Несмотря на децентрализацию и некоторое увеличение финансовых ресурсов, направляемых на социальные нужды, их объем пока недостаточен для обеспечения нормальных условий жизнедеятельности. Особенно остро эта проблема стоит на Севере страны в связи с действием удорожающих факторов, негативными последствиями рыночного реформирования и финансово-экономическим кризисом.

Источники финансирования социальной сферы

Под социальной сферой в настоящей работе понимается совокупность следующих социальных систем: образования, здравоохранения (включая физическую культуру и спорт), культуры и социальной политики. Нами не рассматриваются такие компоненты социальной сферы, как доходы и расходы населения, жилищно-коммунальное хозяйство и защита окружающей среды.

В свою очередь, социальная политика включает в себя расходы, относящиеся в бюджетном учете к одноименному разделу бюджетной классификации: пенсионное обеспечение, социальное обеспечение,

социальная поддержка и социальное обслуживание населения, охрана семьи и детства и прикладные научные исследования в данной сфере.

Система финансового обеспечения социальной сферы региона включает в себя централизованные и децентрализованные источники (рис. 1). Под централизованными источниками понимаются фонды денежных средств, находящиеся в распоряжении государства и органов местного самоуправления, функционирующие по общеобязательным для всей территории страны и всех экономических субъектов правилам и формируемые в основном за счет налоговых поступлений и страховых взносов. Децентрализованные же источники характеризуются формированием и расходованием, во-первых, только на микроуровне, во-вторых, преимущественно на добровольной основе, без принудительного и одинакового для всех порядка.

В наиболее общем виде ответственность между *централизованными* источниками финансирования социальной сферы разделяется следующим образом.

Из федерального бюджета на территории регионов финансируются социальные расходы общероссийской значимости, такие как фундаментальные научные исследования в соответствующих областях, высшее и послевузовское образование, охрана особо важного культурного наследия, деятельность федеральных силовых и надзорных органов, оказание некоторых видов медицинской помощи (оказываемой федеральными медицинскими организациями, высокотехнологичной, а также по отдельным высокочатратным и профилактическим направлениям), материальная поддержка инвалидов, ветеранов войн, лиц с героическими заслугами и некоторых других категорий и т.д.

Региональные бюджеты обеспечивают затраты на начальное и среднее профессиональное образование, молодежную политику, оказание отдельных видов специализированной медицинской помощи, политику в сфере культуры и культурные мероприятия регионального значения, социальную защиту малоимущего населения, предоставление ряда социальных льгот (ветеранам труда, труженикам тыла, реабилитированным лицам и некоторым иным категориям) и др.

Местные бюджеты несут ответственность за финансирование дошкольного и общего образования, скорой медицинской помощи и первичной медицинской помощи при социально-значимых заболеваниях, местных учреждений культуры и иных подобных направлений¹.

Компетенция внебюджетных фондов такова: Фонд социального страхования финансирует пособия по временной и профессиональной нетрудоспособности, социальную защиту материнства и детства, оздоровление и санаторно-курортное лечение; Пенсионный фонд — пенсионное обеспечение пожилых граждан и некоторых других категорий лиц; Фонд обязательного медицинского страхования — оказание базовых видов медицинской помощи (первичной медико-санитарной и специализированной, за исключением высокотехнологичной) по программе государственных гарантий.

Децентрализованные источники включают в себя средства населения, предприятий и учреждений и некоммерческих организаций.

Средства населения — это расходы граждан на платные услуги в сфере образования, здравоохранения, культуры.

¹ Разграничение финансовых полномочий между региональными органами власти и органами местного самоуправления может несколько варьироваться по субъектам России.

Средства предприятий и учреждений включают прямую плату за обучение, лечение, добровольное медицинское страхование, досуг и отдых своих сотрудников и членов их семей, софинансирование пособий по временной нетрудоспособности, материальную помощь в трудных жизненных ситуациях. Некоммерческие организации, как отечественные, так и зарубежные, осуществляют финансовую поддержку социальной сферы в виде безвозмездных выплат; к ним относятся благотворительные фонды, общественные и религиозные объединения, профессиональные союзы и т.д.

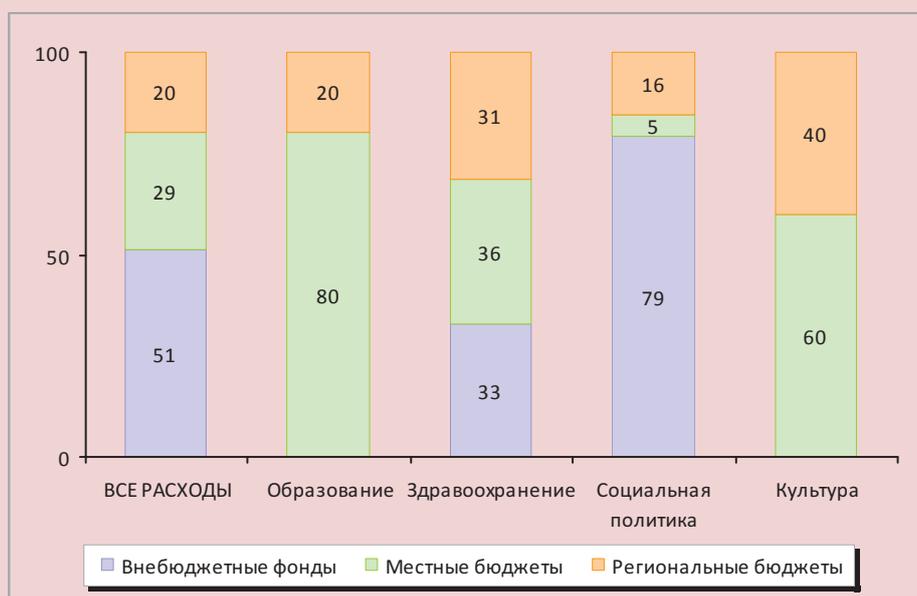
Расходы централизованных источников на социальные нужды и платежи населения учитываются официальной статистикой [1, 3, 10]. Данные же о добровольных вложениях предприятий, учреждений и некоммерческих организаций в социальную сферу не фиксируются. По экспертной оценке их величины в сфере образования [11] можно получить примерное представление о соотношении централизованных и децентрализованных источников в общем объеме финансирования социальной сферы — оно составляет 80:20. Такая пропорция свидетельствует, что за бюджетной системой сохраняется главенствующая роль в материальном обеспечении социальной сферы страны.

Структура источников финансирования

В структуре централизованных источников финансирования социальной сферы северных регионов России основную роль играют внебюджетные фонды — 51% общего объема средств. 29% социальных расходов приходится на долю местных бюджетов и последнее место занимают региональные бюджеты — 20% (рис. 2)².

² Расходы федерального бюджета на территории регионов здесь не рассматриваются из-за их малого удельного веса (около 3%) и труднодоступности отчетных данных в региональном разрезе.

Рисунок 2. Структура централизованных источников финансирования социальных расходов в северных регионах России в 2010 г., % [1, 10]

По различным направлениям социальных расходов структура источников неодинакова: в финансировании социальной политики ключевую роль играют внебюджетные фонды (почти 80%), в остальных сферах – местные бюджеты. Удельный вес региональных бюджетов значим по всем направлениям.

В отличие от остальной территории, на Севере России местные бюджеты занимают заметно больший удельный вес в финансировании социальной сферы – 29% против 17%, а доля внебюджетных фондов, наоборот, на 10% ниже – 51% против 61%. Удельные веса региональных бюджетов примерно равны (табл. 1).

Повышенная доля местных бюджетов обусловлена тем, что в северных регионах, особенно в тех, которые имеют большие бюджетные доходы за счет природной ренты (Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Якутия), очень высоки удельные расходы на образование, здравоохранение и культуру – в 2 раза и более относительно средних

по России. А для этих сфер главным источником финансирования являются местные бюджеты, что и приводит к существенному увеличению удельного веса последних.

Причинами же высокой затратности функционирования социальных систем в перечисленных регионах являются низкая плотность населения, сложные природно-климатические условия, неразвитость инфраструктуры, а также направление регионами дополнительных «ресурсных» доходов на улучшение условий жизни населения. Например, при средней доле местных бюджетов в финансировании социальной политики от 2 до 5%, в Ямало-Ненецком АО она достигает 25%, что свидетельствует о значительных вложениях бюджетных средств в социальную поддержку местного населения.

Уровень же подушевых расходов внебюджетных фондов, в первую очередь Пенсионного, гораздо ближе к среднероссийскому значению, отклоняясь от него в большую сторону лишь на 30 – 50%, что и приводит к относительному уменьшению доли внебюджетных фондов в финансировании

Таблица 1. Структура источников финансирования социальных расходов в северных регионах России в 2010 г., % [1, 10]

Территория	Внебюджетные фонды	Местные бюджеты	Региональные бюджеты
Россия, всего	61	17	22
Северные регионы, всего	51	29	20
В том числе:			
Республика Карелия	63	18	20
Республика Коми	65	18	18
Архангельская область	66	16	19
Ненецкий АО	33	42	25
Мурманская область	60	23	17
Ханты-Мансийский АО	43	35	23
Ямало-Ненецкий АО	37	50	14
Якутия	47	30	24
Камчатский край	49	30	21
Магаданская область	50	26	25
Сахалинская область	47	31	22
Чукотский АО	46	29	26

социальных расходов на Севере России. Средневзвешенный уровень назначенных пенсий в северных регионах лишь на 37% выше среднероссийского, в то время как различия по другим направлениям социальных расходов достигают двух раз и более, а различия в средней величине начисленной заработной платы составляют более 1,5 раза. Например, в Чукотском АО размер пенсий лишь на 80% выше среднероссийского, тогда как удельные социальные расходы выше среднероссийских более чем в 3 раза, а заработная плата – в 2,2 раза [4].

Количественное представление о вышеперечисленных факторах северного удорожания позволяют получить следующие показатели (табл. 2).

Средневзвешенный уровень северных и районных надбавок к заработной плате показывает в среднем более чем полуторное удорожание стоимости жизнеобеспечения на Севере России, причем в старообжитых территориях оно ниже, а в отдаленных достигает двух раз и более. Плотность населения на Севере в восемь раз ниже среднероссийской, лишь в Мурманской, Сахалинской областях и Карелии она достаточно высока. Среднегодовая темпе-

ратура воздуха в большинстве северных регионов ниже, чем в среднем по России³. Уровень обеспеченности дорожной сетью (коэффициент Энгеля) близок к среднероссийским значениям лишь в республиках Карелия и Коми и Архангельской, Мурманской и Сахалинской областях, остальные же северные территории обеспечены дорогами крайне слабо. Наконец, доходы консолидированных бюджетов регионов также показывают огромный отрыв Севера от остальной территории страны – до 5 и более раз, в среднем более чем вдвое.

Структура расходов по направлениям

В структуре направлений социальных расходов северных регионов основную долю (58%) занимает социальная политика (табл. 3). Далее следуют примерно равные по значимости направления – образование (22%) и здравоохранение (18), на последнем месте – культура (3). Доминантное положение социальной политики определяется большим объемом затрат на пенсионное обеспечение, на которое приходится около 40% всех социальных расходов.

³ Заметим, что средняя по стране температура воздуха к тому же существенно занижается включением в расчет огромных территорий Якутии и Красноярского края. В европейской части России она составляет около +40С.

Таблица 2. Удорожающие факторы в северных регионах России в 2010 г., % [4, 7, 9]

Территория	Коэффициент удорожания*	Плотность населения, чел./км ²	Среднегодовая температура воздуха, °С	Коэффициент Энгеля** , железных дорог	Коэффициент Энгеля, автодорог	Доходы консолидированного бюджета региона на душу населения, тыс. руб.
Россия, всего	1,2	8,4	-1,5	17,3	13,5	46
Северные регионы, всего	2,1	1,0	-3,7	8,1	5,4	94
В том числе:						
Республика Карелия	1,8	3,6	1,7	65,1	19,6	49
Республика Коми	1,9	2,2	-2,0	27,9	9,5	55
Архангельская область	1,8	2,9	0,0	17,7	10,6	51
Ненецкий АО	2,3	0,2	-3,6	0,0	2,2	266
Мурманская область	2,2	5,5	-0,6	25,6	8,1	65
Ханты-Мансийский АО	2,0	2,9	-2,4	11,8	3,7	110
Ямало-Ненецкий АО	2,3	0,7	-7,2	7,3	2,2	204
Якутия	2,3	0,3	-11,1	3,6	4,8	110
Камчатский край	2,4	0,7	-0,9	0,0	4,3	139
Магаданская область	2,5	0,3	-8,8	0,0	8,1	133
Сахалинская область	2,0	5,7	1,1	38,5	5,9	109
Чукотский АО	3,0	0,1	-10,3	0,0	3,0	267

* Коэффициент удорожания характеризует средневзвешенное по региону значение районного коэффициента к заработной плате и процентной надбавки к заработной плате при работе в местностях с особыми климатическими условиями, которые установлены нормативными правовыми актами Российской Федерации (бывшего СССР). Данный показатель, в частности, используется в системе обязательного медицинского страхования для расчета удорожания стоимости медицинских услуг по регионам.

** Коэффициент Энгеля рассчитывается как отношение плотности дорог к корню квадратному из плотности населения, он показывает реальную обеспеченность населения территории дорожной сетью.

Таблица 3. Структура социальных расходов северных регионов России по направлениям в 2000 и 2010 гг., % [1, 10]

Территория	Образование		Здравоохранение		Социальная политика		Культура	
	2000	2010	2000	2010	2000	2010	2000	2010
Россия, всего	20	16	23	15	54	67	3	2
Северные регионы, всего	27	22	30	18	38	58	5	3
В том числе:								
Республика Карелия	22	13	19	15	55	70	3	2
Республика Коми	21	17	30	15	47	67	2	2
Архангельская область	18	14	20	13	60	72	2	1
Ненецкий АО	36	38	26	15	31	37	7	10
Мурманская область	22	19	27	14	49	65	2	2
Ханты-Мансийский АО	29	24	38	23	26	50	7	3
Ямало-Ненецкий АО	27	28	29	19	38	47	6	6
Якутия	35	27	25	16	35	53	5	4
Камчатский край	30	23	22	17	45	56	3	3
Магаданская область	25	20	28	23	42	53	5	4
Сахалинская область	21	21	25	22	51	53	3	3
Чукотский АО	30	30	30	20	36	45	4	6

В сравнении с остальной территорией России северные регионы характеризуются заметно меньшим удельным весом социальной политики (58% против 68%) при большей доле затрат на образование, здравоохранение и культуру. Основная причина этого – вышеназванное расхождение в уровне финансирования различных направлений социальных расходов на Севере в сравнении со среднероссийским: оно менее выражено в сфере социальной политики из-за сравнительно слабого увеличения размера пенсий и гораздо более существенно в остальных сферах из-за северного удорожания и вложения в них дополнительных средств за счет природной ренты.

Поэтому регионы с высоким уровнем бюджетных доходов (Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий АО, Якутия) заметно отличаются от остальных повышенным удельным весом затрат на образование, здравоохранение и культуру.

В структуре социальных расходов за последние десять лет произошли значительные изменения. Главным из них является резкое повышение доли социальной политики (на 20%) при снижении удельного веса расходов на другие направления. Причина этого структурного сдвига – опережающее увеличение в эти годы социальных выплат, и в первую очередь пенсий, доля которых в общей сумме всех социальных расходов на Севере возросла за этот период с 19 до 40%. Объем расходов Пенсионного фонда в расчете на душу населения увеличился за этот период в северных регионах почти в 17 раз, в то время как остальные социальные расходы возросли лишь в 6 раз.

Данная тенденция не является прерогативой северных регионов, она обусловлена общероссийской политикой, благодаря

которой в стране поднялся уровень назначенных пенсий, который прежде был крайне низким, и их соотношение с прожиточным минимумом пенсионера возросло с 76 до 127%, а со средним размером начисленной заработной платы – с 31 до 35% [5, 8].

Но степень увеличения удельного веса социальной политики в северных регионах оказалась гораздо более выраженной, чем в среднем по России, – 20% против 13%, причиной чего является старение возрастной структуры населения. Наиболее явно оно было выражено в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, где рост численности пенсионеров на 1000 чел. населения за последние 10 лет составил более 50%, в других северных регионах – от 10 до 30% (в среднем по России – 6%) [4].

Необходимо отметить, что при ускоренном росте затрат на пенсионное обеспечение расходы на остальные направления – образование, здравоохранение, культуру – не сократились, доля каждого из них в ВВП сохранилась практически неизменной. Т.е. эти сферы развивались равномерно, в ногу со всей экономикой. Но именно пенсионное обеспечение стало главным приоритетом социального развития России в эти годы, что и привело к столь резкому росту социальной политики в структуре расходов.

Помимо резкого увеличения доли социальной политики, в структуре социальных расходов на Севере произошла смена приоритетов: доля затрат на здравоохранение снизилась более заметно (на 12%), чем расходов на образование (на 5%), из-за урезания сверхвысоких расходов на сферу здравоохранения в высокообеспеченных регионах. В результате здравоохранение уступило второе по значимости место в структуре бюджетных социальных расходов сфере образования, само передвинувшись на третье.

Отметим, что и сфера культуры, несмотря на небольшую ее долю, очень существенно в относительном выражении уступила свои позиции в списке приоритетов: ее удельный вес снизился с 5 до 3%. Все эти изменения значительно сблизили структуру социальных расходов на Севере со среднероссийской.

Пространственная структура

На северные регионы в совокупности приходится около 9% общего объема бюджетного финансирования социальных расходов в стране (табл. 4), при том что в численности населения их доля составляет существенно меньшую величину – 5,5%.

Данная диспропорция объясняется различием в подушевом уровне расходов из-за северного удорожания. В настоящее время происходит сближение этих показателей: десятью годами ранее доля Севера в социальных расходах страны составляла 12% при неизменном удельном весе в численности населения. Эти цифры иллюстрируют устойчивую тенденцию сближения регионов Севера с остальными субъектами федерации по величине удельных расходов на социальные нужды.

В сравнении с долей в ВРП получается более равномерная картина: вклад Севера в суммарный ВРП России (13,4%) примерно соответствует его доле в социальных расходах.

Доля Севера в общероссийских показателях финансирования социальных расходов неодинакова также по различным источникам. Меньше всего она в части внебюджетных фондов – 7%, что объясняется относительным сходством подушевых расходов на пенсионное обеспечение. Несколько больше удельный вес Севера в части бюджетов регионов – 8%. И значительно выше эта доля в разрезе местных бюджетов – 15%, что, как уже отмечалось, связано с преимущественной концентрацией дополнительных доходов и расходов экспортоориентированных регионов именно в этом звене бюджетной системы.

Внутренняя пространственная структура социальных расходов северных территорий характеризуется умеренной их концентрацией: три региона (Ханты-Мансийский АО, Якутия и Архангельская область) занимают доли более 10% каждый, суммарно – около 50%.

Таблица 4. Пространственная структура источников финансирования социальных расходов в северных регионах России в 2010 г., % [1, 10]

Территория	Всего	В том числе по источникам		
		бюджеты субъектов	местные бюджеты	внебюджетные фонды
Россия, всего	100	100	100	100
Северные регионы, всего	9	8	15	7
В том числе:				
Республика Карелия	7	5	4	9
Республика Коми	10	7	6	12
Архангельская область	13	9	7	16
Ненецкий АО	1	2	2	1
Мурманская область	9	7	7	11
Ханты-Мансийский АО	22	26	27	19
Ямало-Ненецкий АО	10	12	17	7
Якутия	13	14	14	12
Камчатский край	5	5	5	5
Магаданская область	3	3	2	2
Сахалинская область	7	8	8	6
Чукотский АО	1	2	1	1

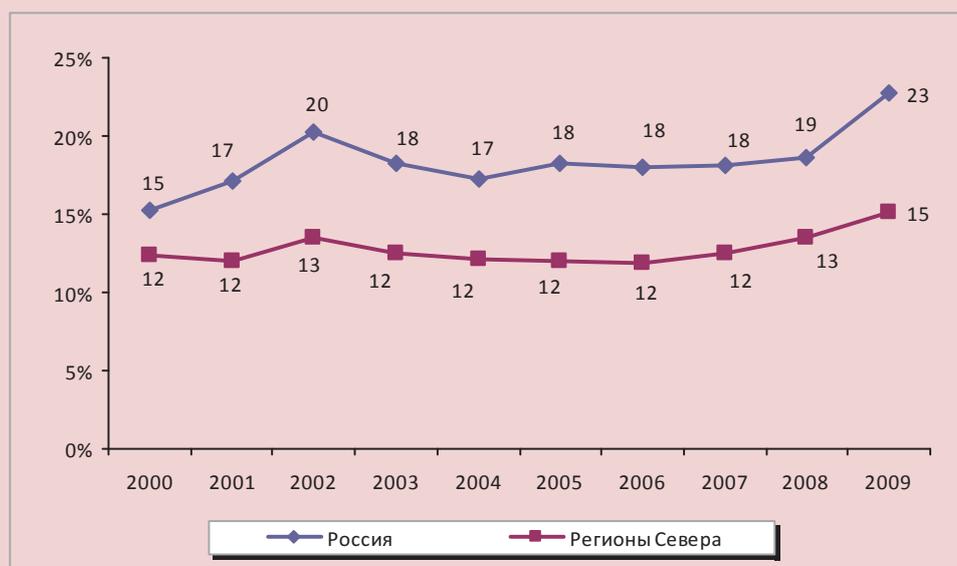
Удельные веса большинства других регионов находятся в диапазоне от 5 до 10%. Малозначительную роль играют слабозаселенные территории – Чукотский и Ненецкий АО (по 1%) и Магаданская область (2,5%).

В динамике за последние 10 лет наблюдается сильное сокращение долей главных ресурсных регионов, не связанное с соответствующим изменением численности населения: Ханты-Мансийского АО – на 10,2%, Ямало-Ненецкого АО – на 2% и Якутии – на 1,4% – при увеличении удельных весов Архангельской области (на 4,2%), Мурманской и Сахалинской областей (2,2), Карелии (2) и Камчатского края (1,6%). Это явление заслуживает позитивной оценки, т.к. оно свидетельствует о сглаживании существовавшей прежде чрезвычайно высокой дифференциации уровней социальной обеспеченности северных регионов посредством бюджетной централизации и перераспределения доходов.

Важной тенденцией недавнего времени стало **существенное повышение доли социальных расходов регионов Севера в валовом внутреннем продукте**.

За минувшее десятилетие эта доля возросла на 3% и достигла 15% (рис. 3), причем основное повышение пришлось на последние три года. Главная причина – значительное увеличение бюджетных расходов на социальные нужды, в первую очередь на пенсионное обеспечение. Особенно усилилась эта тенденция в период недавнего финансово-экономического кризиса, когда правительство страны, несмотря на экономический спад, провозгласило полное выполнение принятых социальных обязательств. А в 2010 г., при восстановлении положительных темпов экономического роста, социальные расходы увеличивались опережающими темпами. Все это свидетельствует о действенном повышении значимости социальной сферы в списке приоритетов развития государства.

Рисунок 3. Удельный вес социальных расходов в ВРП в регионах России за 2000 – 2009 гг.* [1, 2, 10]

* Для корректного сопоставления объем социальных расходов и ВВП по России рассчитан здесь как сумма региональных.

В северных регионах удельный вес социальных расходов в ВРП заметно ниже, чем в среднем по России, – 15% против 23%. Такое различие возникает отнюдь не из-за меньшего финансирования социальной сферы на Севере, а вследствие экстремально высокого среднедушевого ВРП в главных нефтедобывающих регионах: Ненецком АО (доля социальных расходов в ВРП всего 5%), Ханты-Мансийском АО (8%), Ямало-Ненецком АО (9%), Сахалинской области (12%). В остальных же регионах Севера, напротив, доля социальных расходов в ВРП существенно выше среднероссийской и достигает 30 – 40% и более, что происходит из-за сильного удорожания жизнеобеспечения в условиях Севера и возникающей отсюда потребности в повышенных бюджетных расходах.

Отметим также, что степень увеличения доли социальных расходов в ВРП северных регионов в эти годы значительно уступала среднероссийской – 2,8% против 7,5%. Дело в том, что на тенденцию повышения социальных расходов наложился процесс сглаживания межтерриториальных различий.

В целом повышение удельного веса социальных расходов в ВРП оценивается положительно, т.к. оно знаменует собой начавшееся преодоление возникшего за годы реформ критического состояния социальной сферы. Ожидается, что в последующие годы, при отсутствии глубоких экономических потрясений, эта доля закрепится на достигнутом уровне и будет еще некоторое время возрастать невысокими темпами. Основанием для таких предположений являются призывы и намерения преодолеть разрыв с развитыми странами по уровню финансирования социальной сферы, особенно образования и здравоохранения [6].

Вместе с тем следует иметь в виду, что возможности увеличения социальной нагрузки на бюджетную систему имеют свои пределы.

Так, в 2011 г. платой за улучшение финансового обеспечения социальной сферы стало резкое повышение налогов на бизнес, особенно чувствительно затронувшее малые предприятия, для которых размер отчислений с заработной платы был поднят в 2,5 раза. Столь резкие меры могут вызвать долгосрочные неблагоприятные последствия для развития реального сектора экономики. Поэтому задачу дальнейшего повышения доли социальных расходов в ВРП предпочтительнее решать посредством развития альтернативных, внебюджетных инструментов финансирования, например добровольного страхования.

Характерной особенностью бюджетного финансирования социальных расходов на Севере является **значительное превышение среднедушевого объема финансирования над аналогичными показателями других регионов страны.**

В 2010 г. этот разрыв составлял 1,7 раза – 106 тыс. руб. на человека против 63 тыс. руб. в остальных регионах России. Такое различие в подушевом уровне финансирования является естественным и объясняется тремя главными причинами: во-первых, возрастающей затратностью жизнеобеспечения в условиях Севера; во-вторых, высокой доходностью бюджетов ресурсных регионов, позволяющей выделять дополнительные ассигнования на социальную сферу; в-третьих, выраженной этничностью, требующей приоритетного выделения средств на изучение, сохранение и развитие культуры коренных народов и их социальную поддержку.

Среди самих северных регионов уровень подушевого финансирования весьма неоднороден, по данному признаку их можно разделить на три основные группы:

1. Находящиеся в европейской части России *освоенные регионы* – Архангельская и Мурманская области и республики Карелия и Коми, у которых различие в подушевом финансировании с другими регионами

страны сравнительно невелико и не превышает 1,5 раза. Оно объясняется естественным северным удорожанием жизнеобеспечения по сравнению с центральными и южными территориями.

2. *Менее освоенные, ресурсные* регионы восточной части России – Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Якутия, в которых разрыв в подушевом финансировании с остальной территорией России достигает 2 и более раз, что вызвано как большей северной затратностью из-за суровых условий хозяйствования, так и лучшим экономическим положением.

3. *Малонаселенные* Ненецкий и Чукотский автономные округа, в которых удельное финансирование социальных вопросов в 3 раза и более превышает российский показатель вследствие слабой обжитости территорий.

Неодинаковы и различия в уровне финансирования по разным направлениям расходов. Максимального значения (2,3 раза) этот разрыв достигает в ассигнованиях на культурные мероприятия (рис. 4) в связи с осуществлением на Севере программ сохранения коренных малочисленных народов, охраны исторических памятников федерального значения, с функционированием специализированных музейных комплексов, увековечением памяти жертв политических репрессий, а также повышенным вниманием региональных властей к сохранению и приумножению культурного потенциала с целью развития туристической отрасли как способа диверсификации экономики.

Различия в сфере образования и здравоохранения несколько ниже и составляют около 2 раз, что является проявлением «нормального» северного удорожания. Уровень же подушевого финансирования

социальной политики на Севере максимально приближен к среднероссийскому (разрыв менее 1,5 раза) из-за сравнительно слабого возрастания уровня назначенных пенсий на Севере по сравнению с расходами на образование, здравоохранение и культуру.

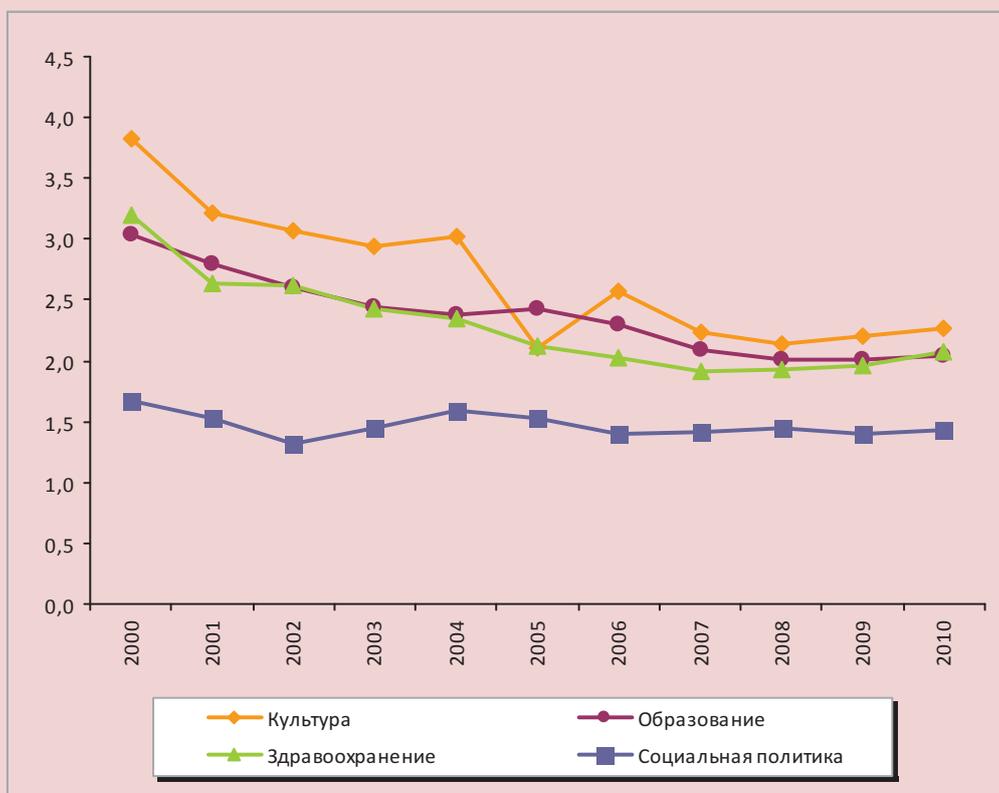
Как уже отмечалось, развитие социальной сферы Севера России в последние годы характеризуется **заметным сокращением разрыва в уровне подушевого финансирования социальных расходов с остальной территорией России.**

Если десять лет назад этот разрыв достигал 2,4 раза, то к настоящему времени он сократился почти вдвое – до 1,7 раза. Это изменение не связано с каким-либо случайным скачком, оно последовательно развивалось на протяжении всего изучаемого периода (см. рис. 4).

Главной причиной этого процесса стало сильное сокращение отрыва от других территорий Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов и Якутии, располагающих большими налоговыми поступлениями от продажи природных ресурсов – нефти, газа, алмазов, золота.

Степень отрыва нефтегазодобывающих регионов сократилась с прежних 4,5 примерно до 3 раз, а Якутии – с 3 до 2 раз. Это произошло вследствие усиления степени выравнивания бюджетной обеспеченности регионов страны на основе перераспределения доходов. Примечательно, что кризис 2008 г., значительно сокративший экспортные доходы регионов, вовсе не стал решающим фактором этого изменения, а лишь несколько подстегнул и зафиксировал его. Равно как и резкий рост потока «рентных» поступлений в период благоприятной конъюнктуры 2004 – 2007 гг. не вызвал существенного возрастания межрегиональной дифференциации.

Рисунок 4. Разрыв в уровне подушевого финансирования социальных расходов между Севером и остальными регионами России в 2000 – 2010 гг., раз [1, 10]

Немаловажно, что процесс сближения уровней финансирования северных регионов и основной территории страны наблюдался по каждому из видов социальных расходов, что подтверждает его глубинный характер, не связанный с сиюминутными подвижками.

Если у наиболее «богатых» регионов различие по уровню финансирования сокращалось, то в остальных динамика была, во-первых, разнонаправленной, во-вторых, гораздо более пологой. В частности, несколько увеличилось превосходство над среднероссийским уровнем в Камчатском крае (с 1,8 до 2 раз), Сахалинской области (с 1,6 до 1,8 раза), Архангельской области (с 1,2 до 1,4 раза). Небольшим ростом отмечены также Карелия и Мурманская область. Напротив, сокращение разрыва наблюдалось в Республике Коми

(с 1,7 до 1,4 раза) и Магаданской области (с 2,2 до 2 раз). Своеобразная динамика была в Чукотском АО, в нем превосходство над среднероссийским уровнем подушевого финансирования социальной сферы сначала увеличилось с 3,3 до 6,3 раза, а затем снизилось до прежней величины, что, скорее всего, объясняется политическими обстоятельствами, а именно сменой губернаторов.

В целом процесс снижения пространственной дифференциации оценивается позитивно, поскольку он свидетельствует об эффективности усилий Правительства России по снижению пространственных различий в уровне социально-экономического развития субъектов страны.

В 2010 г., по мере восстановления уровня доходов нефтегазовых регионов, вновь наметилась некоторая склонность к нарас-

танию степени их отрыва от остальных регионов. Пока сложно определить, станет эта тенденция устойчивой и долгосрочной или останется сиюминутной, выбор того или иного пути находится в руках Правительства России. Но от политики в этом вопросе во многом зависит снижение или, напротив, усиление дифференциации населения по качеству жизни.

Итак, можно подытожить **основные особенности и тенденции финансирования социальных систем регионов Севера России** на современном этапе экономического развития:

- ◆ в финансировании социальных систем сохраняется преобладающая роль централизованных источников – региональных и местных бюджетов и внебюджетных фондов;

- ◆ происходит значительное улучшение финансового обеспечения социальных расходов как в северных регионах, так и по стране в целом, проявляющееся в повышении доли социальных вопросов в ВРП;

- ◆ удельные социальные затраты на душу населения на Севере намного превышают средний уровень остальных регионов России – от 1,5 до 3 раза – в связи с удорожающими факторами «северности»: периферийностью, малонаселенностью, климатическими условиями, а также высокой бюджетной обеспеченностью ресурсных регионов;

- ◆ северные регионы последовательно сближаются с остальной территорией страны по уровню душевого финансирования социальных расходов, что преимущественно обусловлено замедлением темпов роста расходов в высокообеспеченных регионах (Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком и Ненецком АО, Республике Коми и Якутии) из-за усиления степени выравнивания бюджетной обеспеченности;

- ◆ среди самих северных регионов наблюдается позитивное сглаживание уровня финансирования социальных систем благодаря как сокращению отрыва высокообеспеченных субъектов, так и частичному подтягиванию до среднего уровня отстающих территорий – Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей;

- ◆ приоритетом социального развития последних лет стало пенсионное обеспечение, что позволило заметно повысить уровень жизни пенсионеров, не снижая при этом финансирования остальных направлений социальных расходов;

- ◆ в структуре социальных расходов в регионах Севера, как и по всей стране, увеличивается доля затрат на социальную политику при сокращении удельного веса других направлений, что вызвано опережающим ростом пенсионного обеспечения; сфера образования приобретает большую значимость относительно здравоохранения; в целом структура социальных расходов северных регионов сближается с общероссийской;

- ◆ «удорожание» назначенных пенсий в северных регионах страны выражено гораздо слабее соответствующих различий в уровне начисленной заработной платы и душевых социальных расходов, что требует отдельного изучения.

Исходя из выявленных тенденций, в дальнейших исследованиях финансового обеспечения социальных систем зоны Севера России необходимо изучить первопричины сближения регионов по уровню бюджетной обеспеченности, рассмотреть влияние финансовой обеспеченности на натуральные показатели развития социальной сферы, раскрыть механизмы расходования бюджетных средств и возможности их совершенствования, спрогнозировать основные параметры функционирования региональных социальных систем.

Литература

1. Информация Федерального казначейства России об исполнении бюджетов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.goskazna.ru/reports/cb.html>
2. Национальные счета России в 2003 – 2010 годах: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 333 с. – С. 256.
3. Платное обслуживание населения в России. 2009: стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 367 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – 813 с. – С. 181.
6. Российское образование — экстренные вызовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opes.ru/1359314.html>
7. СНиП 23-01-99 «Строительная климатология».
8. Социально-экономическое положение России за 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/doc_2010/social/doc12.rar
9. Федеральный закон от 30.11.2011 № 354-ФЗ «О размере и порядке расчета тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения».
10. Центральная база статистических данных Росстата [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>
11. Экономика образования: итоги мониторинга, 2009. Информационный бюллетень. – М.: ГУ–ВШЭ, 2010. – 69 с.

УДК 332.1 (470.22)

© Курило А.Е.

© Немкович Е.Г.

Духовная составляющая инвестиционного процесса в Республике Карелия

В статье рассматривается возможность модернизации социально-экономической системы региона на основе духовной составляющей. В современных условиях, в республике, как и во всей стране, наступает период, когда в процесс модернизации необходимо включить составляющую возрождения духовности россиян. Дается характеристика инвестиционного процесса, протекающего в Республике Карелия, и рассматривается необходимость активизации инвестиционных потоков в человеческий капитал, при реализации крупного интегрированного проекта «Духовное возрождение Севера».

Региональная экономика, модернизация экономики, инвестиционная деятельность, инвестиции в человеческий капитал.

**Анна Евгеньевна
КУРИЛО**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономики Карельского научного центра РАН
akurilo@mail.ru

**Евгений Григорьевич
НЕМКОВИЧ**

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики КарНЦ РАН
enemkovich@mail.ru

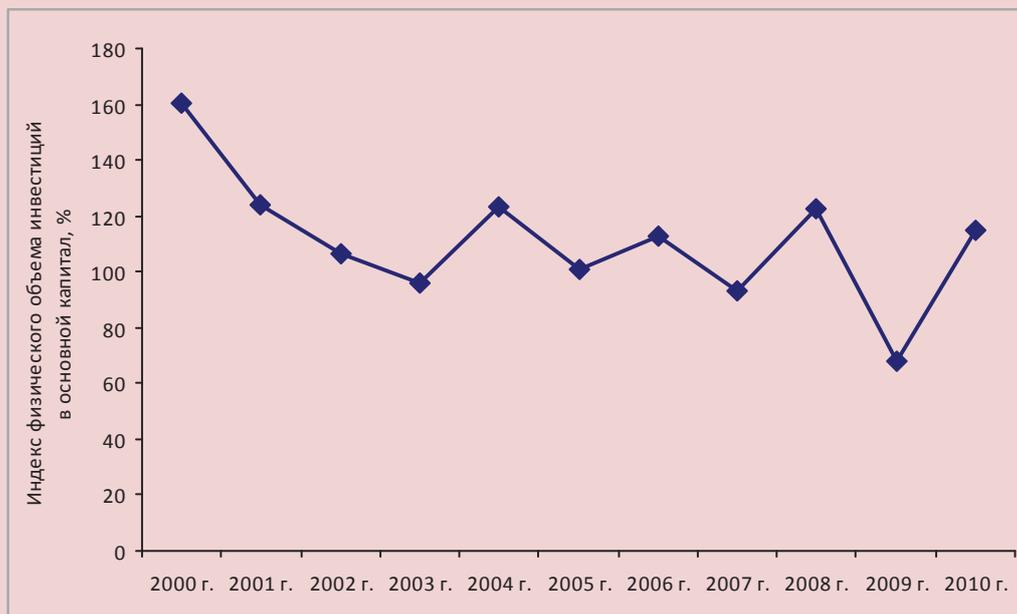
Исторически экономика Карелии связана с её природно-климатическими особенностями. Социально-экономическое развитие республики во многом определяется активностью инвестиционной деятельности и успешностью работы лесопромышленного и горнопромышленного комплекса.

В республике осуществляется инвестиционная деятельность, но на протяжении ряда лет мы наблюдаем тенденцию

снижения индекса физического объема инвестиций в основной капитал [10] (рисунки). К 2010 году ещё не достигнуты объёмы инвестирования 2000 года.

В 2010 – 2011 годах в Карелии наблюдается активизация инвестиционного процесса. На протяжении последнего десятилетия предприятия республики входят в число предприятий России, производящих значительный объём бумажных мешков, газетной бумаги и железорудных окатышей.

Динамика индекса физического объема инвестиций в основной капитал в Республике Карелия

По официальным данным, в 2010 году на долю Республики Карелия приходилось более 25% объёма российского производства железорудных окатышей, 25% — производимой в России бумаги, 61,5% — бумажных мешков, 4,5% — товарной целлюлозы, 6,8% — деловой древесины, 10% — проволоки обыкновенной, 3,4% — пиломатериалов [12].

Положительным итогом экономической деятельности в посткризисный период (2011 г.) является наращивание объемов промышленного производства в таких видах экономической деятельности, как «обработка древесины и производство изделий из дерева» (108,2%), «производство прочих неметаллических минеральных продуктов» (121,9%), «металлургическое производство и производство готовых металлических изделий» (107,6%), «производство машин и оборудования» (109,5%), «производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» (102,0%) [13].

В 2011 году продолжилась положительная динамика роста объемов производства в лесопромышленном комплексе. Стабильно, с ростом объемов производства осуществляют деятельность: компания «Стора Энсо» (119% к 2010 году), ЗАО «Карельская лесная группа» (129%), ОАО «Кондопожское ЛПХ» (107%), ЗАО «Норд Интер Хауз» (в 2,3 раза), ЗАО «Ладвинский ЛПХ» (в 2,3 раза), ООО «Валма» (в 3,2 раза), ООО «Русфорест» (в 2,2 раза), ЗАО «Кометэк» (в 2 раза), ООО «ЕвроЛесПром» (в 1,7 раза), ООО «Геликон-Онего» (в 1,4 раза), ООО «Сетлес» (110%), ООО «Сведвуд Карелия» (117%), ЗАО «Карлис Пром» (118%), ООО «Карельский лес» (в 2,5 раза), ООО «Эко-Ресурсы» (в 2,8 раза) и др.

Стабилизировалась ситуация на предприятиях горнопромышленного комплекса республики. Индекс физического объема производства по добыче полезных ископаемых за 9 месяцев 2011 года составил 106,6%, в т.ч. по добыче металлических руд — 102,3%, по добыче прочих полезных

ископаемых – 168,8%. Успешно работают ОАО «Карельский окатыш» (102,3%), ООО «Прионежская горная компания», ООО «Карелприродресурс», ЗАО «Карьер «Большой массив»; по добыче блочного камня: ООО «КАРА-ТАУ» и ЗАО «Другая река».

В Петрозаводске после коренной реконструкции и модернизации возобновил работу ЗАО «Соломенский лесозавод», увеличив объём производства в 1,2 раза. На его базе планируется создание производственного комплекса по производству клееных деревянных конструкций и топливных древесных гранул.

В Костомукше запущена фабрика шведского концерна «ИКЕА International Group» по производству мебельных компонентов, идёт реализация проекта по выпуску столов из древесного массива. В Костомукшском городском округе и Муезерском муниципальном районе ООО «Сведвуд Карелия» совершенствует и развивает лесозаготовительное производство.

Производство энергопеллет (топливных гранул) из низкосортного древесного сырья и древесных отходов организовано в ООО «Сетлес», ООО «Биогран». Производство топливных брикетов осуществляется в ООО «Сведвуд Карелия». За январь – май 2011 года объём производства топливных гранул в республике составил 13,3 тыс. тонн или 148,4% к аналогичному периоду 2010 года, что превышает общероссийский темп роста (по России производство топливных гранул – 114,2%).

В Прионежском районе вступил в строй новый завод «Ягода Карелии» по глубокой переработке лесных и садовых ягод. Это первое в России предприятие полного цикла переработки ягод – от электронной очистки и сортировки до выпуска фасованной продукции. На этом предприятии получили работу 160 человек (в основном женщины) со средней зарплатой более

20 тысяч рублей. Проект имеет высокую социальную значимость, поскольку обеспечивает работой ещё и жителей сельской местности, давая возможность заработать на сезонном сборе ягод. По всей республике работают приемные пункты по закупке лесных ягод, а также садовых ягод у фермеров и дачников.

В Петрозаводске на принципах государственно-частного партнерства с администрацией города реализуется крупный инвестиционный проект – строительство первого в стране завода по производству древесных плит (OSB) из ориентированной стружки – ООО «ДОК «Калевала». Ожидается, что запуск завода даст рост налоговых поступлений в бюджет всех уровней до 500 млн. рублей в год, позволит создать более 400 новых рабочих мест и оживить смежные отрасли промышленности с потенциалом до 3 тысяч новых рабочих мест.

Индекс промышленного производства в январе – сентябре 2011 года составил 101,3%. В консолидированный бюджет Республики Карелия на 1 октября 2011 года поступило 26,4 млрд. рублей доходов, что на 15% больше, чем за аналогичный период 2010 года. При этом собственные доходы составили 19,2 млрд. рублей (72,7% от всех доходов бюджета) и превысили уровень января – сентября предыдущего года на 23,3% [13].

В Костомукше два мощных концерна – ИКЕА и «Сведвуд» – стали вкладывать инвестиции в лесопереработку. Активно ведется реконструкция крупнейшего на Северо-Западе Сегежского ЦБК и модернизация Кондопожского ЦБК. Вносятся новые организационные изменения в порядок предоставления лесного фонда предпринимателям, направленные на поддержку лесозаготовителей, сориентированных на переработку леса на территории республики.

В 2011 году в два раза уменьшился объем круглого леса, идущего на экспорт в страны Европейского Союза. Хвойный пиловочник направляется на внутренний рынок для производства пиломатериалов. В 2011 году по многим позициям в лесопромышленном комплексе отмечен рост производства. Так, объем производства необработанной древесины составил 2,4 млн. куб. м, или 111,6% к соответствующему периоду 2010 года. Индекс производства по виду деятельности «лесозаготовки» за январь – май 2011 года составил 112%, что превышает общероссийский показатель (106,7%). Индекс производства по виду деятельности «обработка древесины и производство изделий из дерева» за январь – май 2011 года составил 117,5%, в стоимостном выражении отгружено продукции на сумму 2,437 млрд. рублей, или 125% к соответствующему периоду предыдущего года. Темп роста в обработке древесины и производстве изделий из дерева выше общероссийского показателя (за январь – май 2011 года по России – 106,7%).

Положительная динамика производства наблюдается по всем основным видам продукции деревообработки. Так, объем производства фанеры и древесно-стружечных плит за январь – май 2011 года по республике увеличился в 2 раза, что превышает общероссийский темп роста (по России фанера – 113,3%, плиты древесностружечные – 128,8%).

По виду деятельности «производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них» за январь – май 2011 года индекс производства составил 100,6%, отгружено продукции на сумму 9810,7 млн. рублей (127% к соответствующему периоду 2010 года). Темп роста в целлюлозно-бумажном производстве выше общероссийского показателя (за январь – май 2011 года по России – 99,9%).

Объем производства целлюлозы древесной и целлюлозы из прочих волокнистых материалов за январь – май 2011 года составил 455,2 тыс. тонн, или 101,3% к соответствующему периоду 2010 года. Рост обусловлен увеличением спроса на товарную целлюлозу. Так, объем производства целлюлозы товарной, выпускаемой ОАО «ЦЗ «Питкяранта», за 5 месяцев 2011 года составил 36,6 тыс. тонн, или 109,7% к соответствующему периоду 2010 года.

В республике активно занимаются проблемами восстановления и сохранения лесов, применяются новые способы посадки и выращивания саженцев, развивается система борьбы с лесными пожарами.

Не менее активная работа ведется и в горной отрасли. Всё это можно отнести к несомненным успехам республики в посткризисный период, обеспечивающим поступление средств в местный бюджет.

В республике взят курс на применение современных технологий в деревопереработке. Будут вкладываться деньги в современную систему сохранения лесов от пожаров. Совместно с Рослесхозом работаем над изменением правил рубок. Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что республика достойно выходит из кризиса и продолжает развиваться, осуществляя процесс модернизации. Но все же необходимо искать точки роста вложения инвестиций, что возможно на основе использования культурного наследия республики.

Инвестиционная политика Правительства Карелии строится на основе открытости для инвестора. Это предполагает прозрачный, выгодный и предсказуемый режим работы компаний с налоговыми, контрольными, правоохранительными и иными государственными органами. Такой подход обеспечивается четким управлением проектами.

Для разработки и реализации инвестиционных проектов Правительством Республики Карелия создано ОАО «Корпорация развития Республики Карелия» [11]. Корпорация призвана обеспечить эффективное взаимодействие бизнеса и государства при реализации крупных инвестиционных проектов.

Главными приоритетами деятельности новой организации является содействие реализации государственной политики, направленной на развитие республики, привлечение в регион инвестиций и создание новых рабочих мест. Корпорация взяла на себя функции сопровождения инвесторов в республике и всемерно помогает реализовывать приоритетные инвестиционные проекты. Это своеобразный «банк» подготовленных привлекательных инвестиционных точек (мест, участков, территорий, объектов) для успешной реализации инновационных проектов.

За короткое время сотрудниками корпорации подготовлено и проработано несколько проектов. За 2011 – 2012 годы корпорация намерена реализовать 10 крупных проектов на сумму более 10 млрд. рублей [7]. В каждом из проектов уже имеются инвесторы, подписан ряд соглашений. Проекты в основном будут выполняться на принципах государственно-частного партнёрства. Государство будет оказывать социально значимым инфраструктурным проектам финансовую поддержку в рамках федеральных и республиканских целевых программ. Со стороны республики софинансирование будет минимальным, основную часть этой суммы составят деньги компаний и средства федеральных программ. Для инвесторов такое сотрудничество позволяет сокращать срок окупаемости проекта. Для экономики республики эффект очевиден: появляются новые предприятия и рабочие места, развиваются перспективные отрасли.

Правительством Республики Карелия ведётся работа по разработке и реализации инвестиционных проектов во всех сферах экономической деятельности. Сегодня накоплен опыт разработки и реализации промышленных проектов. Все проекты направлены на повышение экономической активности жителей республики, использование их творческого потенциала и участие в реализации проектов.

В Костомукшском городском округе имеется проект по созданию сбалансированного производства по заготовке и глубокой переработке древесины на основе производства клееного бруса и энергопеллет, реализуемый ООО «Костомукшская строительная компания».

Целлюлозно-бумажный комбинат ОАО «Кондопога» осуществляет проект реконструкции действующего производства с заменой устаревшего оборудования на высокотехнологичное, отвечающее требованиям лучших мировых образцов. Планируется строительство в г. Кондопога крупного завода по производству теплоизоляционной плиты (минеральной ваты) с использованием современных нанотехнологий.

Проект ООО «Норд-гидро» направлен на развитие малой энергетики. Он предусматривает развитие энергосистемы республики путём реконструкции и возведения малых гидроэлектростанций и включение их в единую систему энергоснабжения. До 2015 года планируется ввести в строй 46 малых ГЭС.

Начата реализация крупного проекта реконструкции и модернизации ОАО «Сегежский ЦБК» (проект «Белый Медведь») по производству беленой целлюлозы.

Проект по модернизации основного технологического оборудования ОАО «Целлюлозный завод «Питкяранта» позволит увеличить производительность до 120 тыс. тонн целлюлозы в год.

В г. Лахденпохье осуществляется проект «Развитие производственных мощностей ООО «ЛФК Бумэкс», который предполагает проведение мероприятий по увеличению мощностей производства фанеры и шпона.

В Медвежьегорске планируется создание лесопильно-перерабатывающего завода с работой по новой технологической схеме подачи, распиловки, сушки, паке-тирования пиломатериалов на базе ООО «Медвежьегорский леспромхоз».

Новое развитие получит посёлок Хелюля при реализации проекта по развитию лесозаготовок и строительству завода по глубокой переработке древесины, реализуемого ЗАО «Кей Форест».

В связи с дефицитом цемента в стране планируется строительство крупного и крайне востребованного республикой цементного завода в Лоухском районе, где есть необходимые месторождения.

В Пудожском районе на базе полиметаллического месторождения намечена реализация нового мегапроекта по разработке хрома, которого очень не хватает. Предполагается построить здесь несколько горно-обогатительных и металлургических заводов, проложить железную дорогу, высоковольтную линию электропередачи и заложить новый город на 40 тыс. человек.

Сильно может измениться к лучшему жизнь даже в самых отдалённых районах. В рамках работ по освоению Штокмановского месторождения планируется прокладка магистрального газопровода с севера на юг, который позволит перевести на газоснабжение городские и сельские поселки республики, снять остроту проблем жилищно-коммунального хозяйства.

Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г. провозглашает политику «инвестиций в человека». За основу этой политики взяты

приоритетные национальные проекты. На их базе в республике удалось выстроить четкую систему их реализации, задействовать в этой работе не только республиканские органы исполнительной власти, но и органы местного самоуправления, территориальные федеральные органы власти, бизнес и общественные организации.

Созданы необходимые организационные структуры и выстроена технологическая цепочка управления национальными проектами: от Координационного совета при Главе республики и рабочих групп министерств по направлениям национальных проектов до рабочих групп муниципальных образований. Это позволяет четко определять готовность участников проектов к выполнению поставленных задач, контролировать промежуточные результаты, выполнение соглашений и мероприятий в соответствии с сетевыми графиками, а также отслеживать поступление и распределение финансовых ресурсов, которые республика получает в рамках национальных проектов.

Приоритетные национальные проекты стали для республики важнейшим ресурсом повышения качества жизни населения. По всем направлениям имеются первые реальные результаты. Например, недавно модернизирована республиканская больница, которая стала одной из лучших на Северо-Западе, а также единственной в стране, поскольку имеет полноценные филиалы в районах. В республиканском кардиососудистом центре делают сложнейшие операции на сердце абсолютно бесплатно.

Агентство лесного хозяйства (Рослесхоз) создало рабочую группу по разработке новых способов обработки леса от клещей, а неврологическое отделение республиканской больницы становится успешной исследовательской площадкой при лечении болезней, вызванных укусами клещей: клещевого энцефалита и боррелиоза.

Модернизирована районная больница в г. Кондопога. Усилиями ОАО «Кондопога» (Кондопожский ЦБК) созданы Дворец искусств, где проходят органные концерты, Ледовый дворец и современный молодежный центр.

Работа над национальными проектами – это работа на будущее страны и ее граждан, на укрепление основ общества и государства, это создание прочного фундамента для устойчивого развития конкурентоспособной экономики и высокоэффективной социальной инфраструктуры. Качество и доступность услуг образования и здравоохранения, решение жилищной проблемы и возрождение российского села, забота о будущих поколениях – «это самые надёжные, умные и благородные инвестиции» [9], они являются неперемными условиями полноценной жизни граждан сегодня и в будущем.

Исторический опыт развития показывает, что любое прорывное развитие государства, региона или предприятия начинается с идеи и реализуется в следующей последовательности: возникает идея, формируется образ по воплощению замысла и потом осуществляется его реализация.

В нашей стране такой всеобщей идеей стала модернизация, которая представляет собой процесс обновления, ликвидации отсталости, выхода на современный, сравнимый с передовыми странами, уровень развития [16]. Процесс модернизации затрагивает все сферы жизни общества: экономическую, социальную, политическую и культурную. Но все же первоначально модернизацию можно считать социальным явлением, которое представляет процесс возрождения и развития нравственно-духовных качеств населения в конкретных реальных обстоятельствах [8]. И эта социальная составляющая оказывает влияние на остальные сферы жизни общества.

Но зачастую, осуществляя модернизацию, мы пока продолжаем отдавать приоритет экономической составляющей, оставляя на втором плане духовно-нравственное воспитание населения, способного воспроизводить и использовать современные достижения. «Развивая экономику, мы не получим того результата, которого ждут люди. Необходимо, чтобы развитие духовности стало приоритетным условием развития страны» [15]. Таким образом, идея развития и модернизации региона должна основываться на возрождении духовности и культурного наследия, при этом на первый план выходит когнитивная составляющая человеческой деятельности.

В современных условиях в нашей республике, как и во всей стране, очевидно, наступает период, когда в процесс модернизации необходимо включить составляющую, направленную на возрождение духовности россиян. Это направление касается качества жизни, которое характеризует определяющие жизненные качества каждого человека. Духовность – это специфическая особенность жизнедеятельности человека, выражающаяся в бережном отношении к себе и окружающему миру, в отрешенности от низменных, грубо чувственных интересов, в стремлении к внутреннему совершенствованию и формирующая совокупность нематериальных ценностей, обладающих устойчивостью к девальвации [2].

По мнению российского публициста Ю. Крупнова, уровень духовности определяется по характеру, спектру и числу творческих инициатив, инновационных проектов, а также по частоте нарушений общечеловеческих нравственных заповедей: «не убий», «не укради», «почитай отца и мать своих», «не сотвори себе кумира» и др. [3]. Блок индикаторов, оценивающий духовное состояние человека и общества, входит в понятие «качество жизни».

Именно через показатели качества жизни промышленное развитие организует социальное строительство [4]. Поэтому создание новых современных предприятий и внедрение новейших технологий, создание нового технологического уклада отходит на второй план. Необходимо, чтобы «развитие духовности стало приоритетным условием развития страны» [1]. Реализация этого направления отражена в Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г., в которой провозглашена политика «инвестиций в человека», нацеленная на развитие и усиление человеческого фактора [11]. Это дало возможность Республике Карелия одной из первых среди субъектов федерации озвучить проблему развития духовности. Свое видение модернизации с духовным возрождением республика предлагает через проект «Духовное возрождение Русского Севера».

«Русский Север является историко-культурной территорией нашей страны, имеющей непреходящую духовную ценность...Это территории, в той или иной форме сохраняющие определенное культурно-духовное наследие...Уникальной чертой Русского Севера является то, что он сохранил не только память своих истоков, но и ощущение непосредственной подключённости к ним. Здесь мы наблюдаем своё обычное стояние времени. Замкнутое в кольцо традиции, оно от поколения к поколению воспроизводило ключевые архетипы, мифологемы, ритуалы. Подобный циклизм в других местах был расшатан. Но Север долго удерживал память веков. Благодаря его консерватизму мы можем войти в почти прямой контакт с начальными пластами нашей культуры» [5, с. 15].

Проект «Духовное возрождение Русского Севера» опирается на духовное единство трех православных храмов Преображения Господня, расположенных на

островах Валаам в Ладожском озере, Кижии в Онежском озере и Соловки в Белом море. Республика Карелия находится в центре уникального пространства этих трех островов, составляющих духовную и культурную опорную конструкцию Русского Севера [6], и готова стать его своеобразным духовно-нравственным центром. На международном инвестиционном форуме (Петрозаводск, 24 – 25 ноября 2011 г.) республика выступила с инициативой показать на собственном примере путь модернизации на основе добра и духовного совершенствования человека. Эта инициатива нашла поддержку Святейшего Патриарха всея Руси Кирилла, а сам проект был одобрен Президентом страны Д.А. Медведевым.

По этому проекту в республике предполагается создание современного центра православной культуры, включая строительство храма, административно-делового центра, гостиничного комплекса и этнодеревни на островах Кижского ожерелья, к 300-летию Кижского ансамбля [14]. Этот проект очень смелый, если учесть, что до островов Кижского ожерелья можно добраться только водным или воздушным путем. На этих островах придется возводить и источник электроэнергии, и подтягивать современные автомобильные дороги, и создавать дополнительную инфраструктуру (причалы, гостиничные комплексы и культурно-деловые центры).

Основной целью проекта является сохранение и преумножение православных и культурных традиций Русского Севера на основе духовного богатства этих трех великих островов. Проект предусматривает развитие духовного паломничества и культурного туризма, он должен объединить их в единую систему, что позволит эффективно использовать историко-культурный потенциал республики, памятники истории.

Проект позиционируется как коммерческий, но его предназначение – служить возрождению Русского Севера, так как он будет способствовать развитию духовного паломничества и культурного туризма на маршруте «Валаам – Кижы – Соловки». Проект будет реализовываться в рамках

недавно утвержденной Правительством РФ федеральной программы развития внутреннего и въездного туризма.

Реализация этого проекта позволит дать импульс развитию институциональной среды социально-экономического развития на основе духовной составляющей.

Литература

1. Духовное преображение Русского Севера [Электронный ресурс] // Сайт «Открытое акционерное общество «Корпорация развития Республики Карелия». – Режим доступа: <http://www.kr-rk.ru/project1.html> (данные на 01.12.2011).
2. Духовность [Электронный ресурс] // Русская духовность. – Режим доступа: <http://русскаядуховность.рф/russkaja-duhovnost.htm> (данные на 01.12.2011).
3. Качество жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kroupnov.ru/pubs/2005/01/09/10178/print.html> (данные на 01.12.2011).
4. Крупнов, Ю. Качество жизни [Электронный ресурс] / Ю. Крупнов; Институт демографии, миграции и регионального развития. – Режим доступа: <http://www.idmrr.ru/kachestvo-zhizni-kрупнов.html> (данные на 01.02.2011).
5. Линник, Ю.В. Духовность Русского Севера / Ю.В. Линник. – Петрозаводск, 2007. – 71с.
6. Наши проекты [Электронный ресурс] // Сайт «Открытое акционерное общество «Корпорация развития Республики Карелия». – Режим доступа: <http://kr-rk.ru/project9.html> (данные на 01.12.2011).
7. Овсянникова, Н. Инвестиции в будущее / Н. Овсянникова // Карелия. – 2011. – № 83. – 8 ноября.
8. Модернизация России как построение нового государства [Электронный ресурс]. И. Пономарев, М. Ремизов, Р. Карев, К. Бакулев // Полит.ру. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2009/10/29/mkrpng> (данные на 01.12.2011).
9. Послание Президента Федеральному Собранию РФ 2010 года [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/sujet/4164/index.html> (данные на 10.12.2011).
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
11. Республика Карелия – инвестиции в человека [Электронный ресурс] // Карелия официальная: Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия. – Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/Leader/Press/080118.html> (данные на 01.12.2011).
12. Социально-экономическое положение Республики Карелия по итогам 2010 года [Электронный ресурс] // Карелия официальная: Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия. – Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/Power/Ministry/Development/Economy/itog2010.html> (данные на 01.12.2011).
13. Справка о социально-экономическом положении в Республике Карелия в январе – сентябре 2011 года [Электронный ресурс] // Карелия официальная: Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия. – Режим доступа: <http://gov.karelia.ru/Power/Ministry/Development/Economy/111027.html> (данные на 10.12.2011).
14. Туристический кластер «Духовное преображение Русского Севера» планируют создать в Карелии [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/news/20395.html> (данные на 01.12.2011).
15. Шляхов, Ю. «Инвестиции в будущее» – это начало позитивных перемен / Ю. Шляхов // Карелия. – 2011. – № 89. – 29 ноября.
16. Ясин, Е.Г. Модернизация российской экономики: что в повестке дня / Е.Г. Ясин // Модернизация России: доклады для 10 конференций. – Кн. 1 – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – С. 69-100.

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 504.062.2(470.23-25)

© Дороговцева А.А., Ерыгина А.В., Дороговцев А.П.

Реализация экономического механизма регулирования охраны окружающей среды (на примере водных объектов)

При осуществлении функций управления экологией всё большее значение приобретают экономические подходы к рациональному природопользованию и охране окружающей природной среды. Между хозяйственной деятельностью и природными системами неизбежно возникают противоречия, которые различаются глубиной проявления и различными путями разрешения. Приоритетным направлением при этом является формирование эффективного экономического механизма природопользования и охраны окружающей среды. В статье исследуются платность природопользования, штрафные санкции за нарушения, а также затраты на восстановление природной среды как наиболее значимые факторы в охране окружающей среды.

Экономический механизм природопользования, охрана окружающей среды, рациональное природопользование, лимиты использования природных ресурсов, нормативы платы и размеров платежей, экологические фонды, экологическое стимулирование.

**Анна Анатольевна
ДОРОГОВЦЕВА**

доктор экономических наук, академик МАНЭБ, зав. кафедрой
Санкт-Петербургского государственного технологического института
(Технического университета)
kemp@mh.vstu.edu.ru

**Анна Владимировна
ЕРЫГИНА**

кандидат экономических наук, доцент СПбГТИ(ТУ)
erygina_a@mail.ru

**Анатолий Павлович
ДОРОГОВЦЕВ**

член-корреспондент РАСХН, доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой Вологодского государственного технического университета
kemp@mh.vstu.edu.ru

Вопросы экологии в последние годы становятся одними из самых актуальных общечеловеческих проблем в современном мире. Наибольшее обострение их характерно для крупных городов, что является следствием действия целого комплекса факторов, включающих в себя развитие самого города, его промышленности, строительства, транспорта, социально-экономической сферы.

При осуществлении функций государственного экологического управления в городах наряду с использованием административных методов все большее значение приобретают экономические подходы к обеспечению рационального природопользования и охраны окружающей природной среды. Приоритетным направлением при этом является формирование эффективного экономического механизма природопользования и охраны окружающей среды (ООС).

Понятие «экономический механизм» охраны окружающей природной среды представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих условия и порядок аккумулирования денежных средств, поступающих в качестве платы за загрязнение окружающей среды и иные вредные на неё воздействия, финансирование природоохранных мер и экономическое стимулирование хозяйствующих субъектов путём применения налоговых и иных льгот.

Закон «Об охране окружающей природной среды» [1] определяет основные элементы понятия экономического механизма ООС. К числу последних относятся:

- экономические аспекты учета природных ресурсов;
- планирование и финансирование экологических мероприятий;
- лимиты использования природных ресурсов, выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую природную среду и размещения отходов;

- нормативы платы и размеров платежей за использование природных ресурсов, выбросы и сбросы загрязняющих веществ в окружающую природную среду, размещение отходов и другие виды вредного воздействия;

- создание и расходование экологических фондов;
- экологическое страхование;
- стимулирование деятельности, обеспечивающей природоохранительный эффект, применение поощрительных цен и надбавок за экологически чистую продукцию.

В данной работе исследуется лишь часть этих вопросов, касающаяся платности природопользования, штрафных санкций за нарушения и затрат на восстановление природной среды как наиболее значимых факторов в охране окружающей среды города Санкт-Петербурга. Учитывая, что экологические стандарты и нормативы являются мерой сочетания экологических интересов с экономическими, можно отметить, что экономический механизм охраны окружающей природной среды в городе призван создать условия для формирования как в сфере бизнеса, так и в жизнедеятельности граждан бережного отношения к природе.

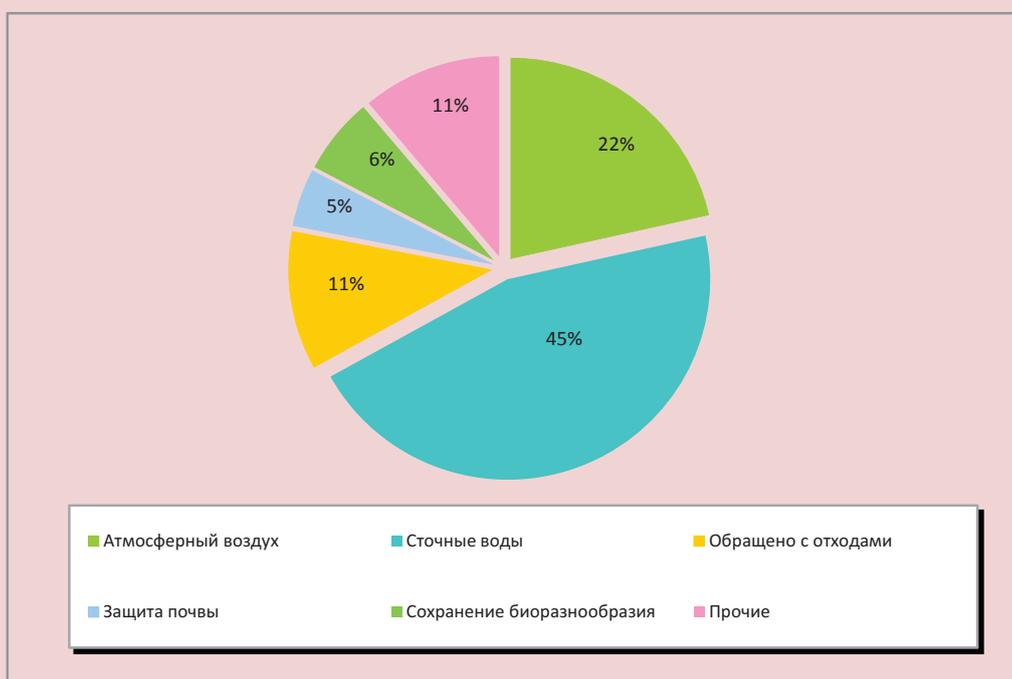
Среди всего многообразия экологических проблем крупных городов особое место занимают вопросы, связанные с водопотреблением, загрязнением водных объектов и их восстановлением. Данные о соотношении затрат на очистку сточных вод в общем объёме затрат на окружающую среду в РФ показывают, что затраты, связанные с очисткой сточных вод, увеличиваются с каждым годом и составляют более 40% (табл. 1, рис. 1) [2].

Средства, направляемые на модернизацию или увеличение основных фондов в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов,

Таблица 1. Затраты на охрану окружающей среды в Российской Федерации, млн. руб.

Направления природоохранной деятельности	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2010 г., ±
Всего	368627	343368	372382	3755
В том числе: охрана атмосферного воздуха	76773	60101	80071	3298
очистка сточных вод	159299	162175	169152	9853
обращение с отходами	40326	38806	41510	5184
защита и реабилитация почвы, подземных и поверхностных вод	27321	18696	17219	-10102
сохранение биоразнообразия и среды обитания	26597	21463	22975	-3622
Прочие	38311	42127	41455	3144
Источник: Данные Росстата.				

Рисунок 1. Структура затрат на охрану окружающей среды в Российской Федерации, 2010 г.

а также на охрану водных ресурсов, в структуре всех затрат составляют более 40%. В 2010 году из общей суммы 89 млн. руб. на охрану водных ресурсов было направлено 46 млн. руб. или 52% (табл. 2, рис. 2).

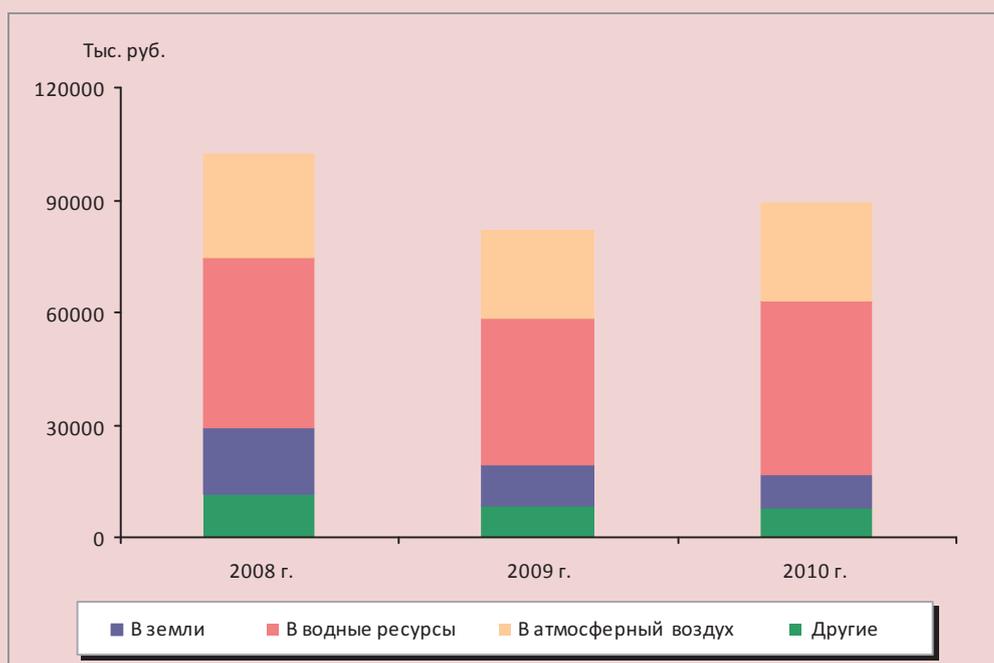
Анализ ввода в действие мощностей по охране водных ресурсов в Российской Федерации свидетельствует, что станции для очистки сточных вод в 2010 году увеличили мощности по сравнению с 2008 годом с 234 тыс. до 462 тыс. м³ в сутки, а системы оборотного водоснабжения – с 992 тыс. до 1050 тыс. м³ в сутки.

В результате сброса неочищенных или недостаточно очищенных сточных вод промышленных предприятий и городской канализации многие водоёмы на отдельных территориях страны настолько загрязнены, что использование их для водоснабжения становится затруднительным или вообще практически невозможным. Сброс сточных вод является основной причиной продолжающегося загрязнения природных водоёмов, что подтверждается статистическими данными по Северо-Западному региону, и в частности по г. Санкт-Петербургу (табл. 3).

Таблица 2. Инвестиции в основной капитал охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в РФ, млн. руб.

Направления инвестиций	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2010 г., ±
Всего	102388	81914	89094	-13294
В том числе в основной капитал по охране: атмосферного воздуха	27542	23242	26127	-1415
водных ресурсов	45696	39219	46025	329
земель	17749	11045	9340	-8409

Рисунок 2. Структура инвестиций в основной капитал на охрану окружающей среды в РФ

 Таблица 3. Объем сброса сточных вод в г. Санкт-Петербурге, тыс. м³

Показатель	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2008 г. к 2006 г., ±
Сброс в регионах Северо-Западного федерального округа, всего	11648	11865	12427	779
в г. Санкт-Петербурге	1304	1317	1312	8
из них сброс в поверхностные водные объекты	1173	1187	1174	1
То же, в %	90,0	90,1	89,5	-0,5

Как видно из данных таблицы, ежегодно происходит увеличение объема сбросов по Северо-Западному региону (в 2010 году на 6,7% больше, чем в 2008 году); рост объема сброса сточных вод в г. Санкт-Петербурге в последние годы практически остановлен. Вместе с тем доля Санкт-Петербурга в общем объеме сбросов динамично снижается (11,2% – 2008 г.; 11,1% – 2009 г.; 10,56% – 2010 г.).

Основную долю объема сброса сточных вод по г. Санкт-Петербургу составляет сброс в поверхностные водные объекты (≈90%). Следовательно, менее 10% приходится на другие виды сброса, в т.ч. сброс на рельеф. Сброс сточных вод в поверхностные водоемы включает объемы нормативно-чистых, нормативно-очищенных и загрязненных стоков (производственных и коммунальных), сброшенных в поверхностные водоемы.

Однако сброс производственных, бытовых, дренажных и других сточных вод в водоемы может производиться только с разрешения органов, осуществляющих охрану вод, по согласованию с государственным санитарным надзором. Качество сбрасываемых сточных вод должно отвечать установленным нормативам. Если эти требования нарушаются, сброс сточных вод должен быть ограничен, приостановлен или запрещен органами контроля.

Текущие затраты на охрану и рациональное использование водных ресурсов и затраты на капитальный ремонт основных фондов, сооружений и установок для очистки сточных вод и рационального использования водных ресурсов в г. Санкт-Петербурге постоянно растут (табл. 4).

Затраты на охрану и рациональное использование водных ресурсов за последние два года резко возросли: по Северо-Западному округу в целом – в 1,7 раза, а по г. Санкт-Петербургу – почти в 3 раза. Увеличилась также доля текущих затрат по г. Санкт-Петербургу в общих расходах: по Северо-Западному округу – с 16% в 2008 г. до 39% в 2009 г. и 37% в 2010 г. Аналогичная динамика наблюдается при рассмотрении затрат на капитальный ремонт основных фондов, сооружений и установок для очистки сточных вод и рационального использования водных ресурсов. Затраты на капитальный ремонт основных фондов по Санкт-Петербургу в общем объеме затрат по Северо-Западному округу составили: 15,42% – 2008 г., 34,27 – 2009 г. и 42,02% – 2010 г. Это показывает, с одной стороны, устойчивую динамику роста износа основ-

ного оборудования, а с другой – увеличение выделения средств на его восстановление.

Исследуя реализацию экономического механизма регулирования загрязнений водных объектов, необходимо отметить изменения в законодательстве. С начала 2007 года действует новый Водный кодекс РФ, который закрепил основные принципы водного законодательства, являющиеся базой регулирования и осуществления водных отношений.

Кроме того, Федеральным законом «О внесении изменений в Водный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» от 14.07.08 № 118-ФЗ в Водный кодекс были внесены изменения, направленные на совершенствование водного законодательства и усиление мер по охране водных объектов. Основным принципом экономического регулирования рационального использования, восстановления и охраны водных объектов принята платность водопользования.

Система платежей, связанных с использованием водными объектами, регулируется Водным кодексом РФ, Федеральным законом РФ «О плате за пользование водными объектами», а также Постановлением Правительства РФ «Об утверждении минимальных и максимальных ставок платы за пользование водными объектами по бассейнам рек, озерам, морям и экономическим районам» и другими нормативными актами.

Использование водных объектов может осуществляться с изъятием (забор воды) либо без изъятия (сброс, использование в качестве водных путей и др.) водных ресурсов [3].

Таблица 4. Затраты на охрану и рациональное использование водных ресурсов в СЗФО и г. Санкт-Петербурге, млн. руб.

Виды затрат	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2008 г., ±
<i>Текущие затраты</i>				
Северо-Западный федеральный округ, всего	11877,2	19589,9	20493,2	8616,0
г. Санкт-Петербург	1979,0	7802,9	7752,2	5773,2
<i>Затраты на капитальный ремонт основных фондов</i>				
Северо-Западный федеральный округ, всего	1000,7	886,9	1028,8	28,1
г. Санкт-Петербург	154,3	303,9	432,2	277,9

Граждане и юридические лица, имеющие лицензию на право водопользования, вносят:

- ◆ плату за пользование водными объектами (водный налог);
- ◆ плату, направляемую на восстановление и охрану водных объектов.

Плата за пользование водными объектами поступает в федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ, на территориях которых осуществляется использование водных объектов. Целевые платежи, направляемые на восстановление и охрану водных объектов, поступают на специальные счета федерального бюджета и в бюджеты субъектов РФ, на территориях которых осуществляется использование водных объектов. Плата, направляемая на восстановление и охрану водных объектов, взимается:

- ◆ за изъятие воды из водных объектов в пределах установленного лимита;
- ◆ сверхлимитное изъятие воды;
- ◆ использование водных объектов без изъятия воды в соответствии с условиями лицензии на водопользование;
- ◆ сброс сточных вод нормативного качества в водные объекты в пределах установленных лимитов.

Платежи за сбросы загрязняющих веществ взимаются с предприятий независимо от форм собственности и ведомственной принадлежности. Учитывая местные условия, областные администрации могут освобождать предприятия, организации и учреждения от платежей за сбросы загрязняющих веществ, производимые в границах предельно допустимых выбросов и сбросов.

За сбросы загрязняющих веществ в пределах установленных лимитов устанавливаются базовые нормативы платы и коэффициенты, учитывающие территориальные экологические особенности. За сверхлимитные сбросы загрязняющих веществ и размещение отходов устанавливается повышенный размер платы на

основании базовых нормативов платы, коэффициентов, учитывающих территориальные экологические особенности, и коэффициентов кратности платы за сверхлимитные сбросы загрязняющих веществ. В случае отсутствия на предприятии утвержденных в установленном порядке лимитов выбросов и сбросов загрязняющих веществ и размещения отходов плата за сбросы загрязняющих веществ взимается как сверхлимитная.

Ставки платы устанавливаются специальными нормативными актами. Порядок расчета платы за загрязнение окружающей среды зависит от того, какие виды нормативов платы использует организация: в пределах допустимых нормативов загрязнений, в пределах установленных лимитов загрязнений или сверх установленных лимитов. При этом организации рассчитывают и перечисляют плату за загрязнение окружающей среды не позднее 20-го числа месяца, следующего за отчетным кварталом.

Данные о платежах за допустимые и сверхнормативные выбросы (сбросы) загрязняющих веществ (размещение отходов производства и потребления) по Северо-Западному региону и г. Санкт-Петербургу представлены в *таблице 5*.

Из приведенных данных видно, что каждый год платежи и по региону, и по городу увеличиваются. Значительный рост произошел в 2010 г. (в сравнении с 2008 г. по Северо-Западному региону в 3 раза, по г. Санкт-Петербургу – в 12,5 раза). Доля платежей по городу в общем объеме по СЗФО изменилась: с 21% в 2009 г. до 75% в 2010 году. Основная сумма платежей за допустимые и сверхнормативные выбросы (сбросы) по округу поступила от хозяйствующих субъектов г. Санкт-Петербурга.

Внесение платы за использование природных ресурсов не освобождает природопользователя от выполнения мероприятий по охране окружающей природной среды и возмещению вреда, причиненного экологическим правонарушением.

Таблица 5. Платежи за допустимые и сверхнормативные выбросы (сбросы) загрязняющих веществ в СЗФО и г. Санкт-Петербурге, млн. руб.

Показатели	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2008 г., ±
Показатели в целом по Северо-Западному федеральному округу	1559,1	2033,6	7249,7	5690,6
По г. Санкт-Петербургу	256,0	433,6	5487,7	5231,9
То же, в % к общему объёму по округу	16,42	21,32	75,70	59,28

По результатам государственного экологического контроля в бюджет Санкт-Петербурга в 2011 году, по предварительным данным, поступление денежных средств, полученных в результате применения штрафных и иных санкций за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, составит 20,5 млн. руб.

В I полугодии 2011 г. службами мониторинга природной среды Росгидромета было зафиксировано 1354 случая экстремально высокого и высокого загрязнения водных объектов, что составило по отношению к 2010 году 95,3%. Отмечено 11 случаев аварийного загрязнения водных объектов (22 – в 2010 г.). Количество случаев экстремально высокого загрязнения водных объектов составило 286 или 75,1% к 2010 году. Количество случаев загрязнения водных объектов уменьшилось по сравнению с 2010 г., и в большей степени это произошло по экстремально высоким загрязнениям, что можно рассматривать как положительную динамику. Объем наложенных административных штрафов за нарушение природоохранного законодательства по г. Санкт-Петербургу в 2010 году увеличился по сравнению с 2008 и 2009 гг. (в 2009 г. на 31% больше, чем в 2008 г., в 2010 г. – на 62%, чем в 2008 г.).

Использование названных финансовых средств может быть лишь целевым. Плата, направляемая на восстановление и охрану водных объектов, поступившая от водопользователей, должна использоваться:

- ♦ для реализации федеральных и территориальных государственных программ использования, восстановления и охраны водных объектов;

- ♦ финансирования мероприятий по рациональному использованию, восстановлению и охране водных объектов;
- ♦ защиты от вредного воздействия вод;
- ♦ осуществления научно-исследовательских и проектных работ;
- ♦ иных целей, связанных с рациональным использованием, восстановлением и охраной водных объектов.

Водный кодекс РФ (ст. 128) устанавливает некоторые льготы по платежам, связанным с использованием водными объектами. В частности, льготные предельные размеры платы, направляемой на восстановление и охрану водных объектов, устанавливаются государственным организациям, осуществляющим свою деятельность в социальной сфере, а также водопользователям, использующим водные объекты для сельского хозяйства. Льготы названным водопользователям, а также льготы другим категориям водопользователей по платежам, связанным с использованием водными объектами и направляемым в бюджеты субъектов РФ, могут устанавливаться законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ в пределах сумм, поступающих в их бюджеты.

Но в этой среде остаётся ещё много нерешённых вопросов. В целях их решения ещё в 2008 году Министерством природных ресурсов РФ был подготовлен проект постановления «О мерах по улучшению качества сточных вод». Он направлен на формирование экономического механизма, стимулирующего хозяйствующие субъекты к сокращению сброса загрязняющих веществ в водные объекты, и предусматривает

единственную меру по формированию такого механизма – многократное увеличение платы за сверхнормативный сброс загрязняющих веществ в водные объекты.

Минприроды предлагает ввести с 1 января 2014 года повышающие коэффициенты к действующему уровню платежей: для временно разрешенных нормативов – 25-кратный коэффициент к действующему уровню платежей; для сверхразрешенного – 100-кратное увеличение. Выплаты за негативное воздействие на окружающую среду регламентируются постановлениями Правительства России от 1992 и 2003 годов, уже не отвечающими, по мнению Минприроды, экологическим требованиям и экономически не мотивирующими предприятия заниматься экологической безопасностью. «Экологические» отчисления предприятий не покрывают даже десятой доли необходимых финансовых затрат на охрану окружающей среды. Минимальные разовые инвестиции в водные очистные сооружения в масштабах страны оцениваются в 35 млрд. руб. в год. Фактически предприятия заплатили за вредные стоки в 2008 году всего 4,8 млрд. руб.

Однако проект не учитывает, что единовременное многократное увеличение размеров платы за сверхнормативные сбросы может привести к негативным социальным последствиям, а также к тому, что

значительная часть предприятий не сможет оплачивать штрафные санкции, предусматриваемые указанным проектом. Принятие постановления было приостановлено благодаря активной позиции организаций водоканального хозяйства, региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления, оценивших возможные последствия создания подобного «экономического механизма». По нашему мнению, проблему качества сточных вод невозможно решить одним увеличением размера платежей за негативное воздействие на окружающую среду. Эти вопросы требуют глубокой проработки и должны быть урегулированы на законодательном уровне с учетом того, что использование водных ресурсов подразумевает внедрение и сочетание экологических и экономических аспектов.

В заключение отметим, что задача реализации экономического механизма охраны окружающей среды может быть решена тем успешнее, чем рациональнее будут урегулированы и реализованы отдельные элементы экономического механизма. Формирование нового экономического механизма природопользования и финансирования природоохранных мер в современных условиях должно стать органической частью эффективной системы управления экономикой и ее регулирования.

Литература

- [1] Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ (ред. от 18.07.2011) «Об охране окружающей среды».
- [2] <http://www.gks.ru/> Федеральная служба государственной статистики.
- [3] Охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2009 году / под ред. Д.А. Голубева, Н.Д. Сорокина. – СПб., 2010. – 480 с.
- [4] Гаврилец, Ю.Н. Моделирование равновесного функционирования экономики в Северо-Западном федеральном округе / Ю.Н. Гаврилец, Е.А. Чекмарева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – № 4(12). – С. 107-117.
- [5] Ильин, В.А. Модернизация экономики как повседневная и стратегическая проблема. / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – № 4(12). – С. 9-23.
- [6] Харитоновна, Г.Н. Сценарии экологической модернизации горнодобывающих корпораций на инновационной основе. / Г.Н. Харитоновна // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – № 3(15). – С.123-129.

Summary

Yakunin V.I.

POST-INDUSTRIALISM: THE EXPERIENCE OF CRITICAL ANALYSIS

A cycle of research, devoted to the genesis of the concept of postindustrial society, has been completed recently in the Governance and Problem Analysis Center (Moscow). This article was written based on those studies by the Scientific Director of the Center Vladimir I. Yakunin, and it was offered to be published in our journal.

Glazyev S. Yu.

WHY IS PUTIN?

The following article by Academician of RAS Sergey Glazyev was published in the newspaper “Zavtra» (№ 9, 2012) a few days before the presidential elections in Russia. In the opinion of the Editorial Board, the main advantage of the article consists in the fact that it outlines the key conditions that make it possible to realize the priority development policy in Russia. The article is a reissue of a newspaper text; it has been reprinted with the consent of the author.

Selin V.S., Zaitseva E.I., Istomin A.V.

TAX TOOLS AND STATE GUARANTEES IN THE NORTHERN REGIONS

The article deals with the current economic trends in the Russian North. It shows the stabilizing role of economic systems of northern regions in the national economy and shortcomings of the state regulation of activities under the specific nature-climatic conditions. The necessity and directions of making changes and additions in the tax and budget legislation as well as in the normative acts on state guarantees for the persons working and living in regions of the Far North are substantiated.

Key words: economy, analysis, region, development, investments, wages, incomes, taxes, budget system, laws.

Dedkov S.M., Egorov V.K.

SCIENTIFIC COLLABORATION BETWEEN RUSSIA AND BELARUS AT THE FIRST STAGE OF ALLIED RELATIONS: THE RESTORATION OF A SINGLE RESEARCH AREA

The article characterizes the current collaboration between the scientists from the academic institutions of Russia and Belarus. It shows the stages of this cooperation within the Union State and points out the main directions of the development of its common research space.

Key words: russia, Belarus, scientific and technological cooperation, the problems of effectiveness increase, control mechanism.

Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Asanovich V.Ya.

METHODOLOGICAL MODELING ASPECTS OF FOREIGN-ECONOMIC ACTIVITY IN THE REGIONS OF THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT AND THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the urgent researching problems of integration and modeling of foreign-economic activity in the little-studied aspect of the relation system “country – region of another country”. It considers the developmental trends of trade and economic integration between the regions of the North-West Federal District and the Republic of Belarus. The article describes a mathematical apparatus of gravitational modeling of foreign-economic interaction that is tested on the base of statistical accountability of the regions of the North-West Federal District and the Republic of Belarus.

Key words: foreign-economic activity of the regions, trade and economic integration, goods turnover, economic and mathematical modeling.

Shabunova A.A., Leonidova G.V., Shuhatovich V.R., Artyukhin M.I.

SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF LABOUR POTENTIAL DEVELOPMENT

The article describes the main trends of socio-demographic indicators of labour resources in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The article provides a cross-country comparison of the state and dynamics of labour potential; it shows the results of local research, the main issues, the regional characteristics and the ways of problem-solving. Particular consideration is given to the influence of health on the development of the population's labor potential. The article shows the population's assessment of health and wellness importance in the labour activity.

Key words: labour potential, demographic development, health, able-bodied population.

Shabunova A.A., Shakhot'ko L.P., Bobrova A.G., Malanicheva N.A.

ABLE-BODIED POPULATION MORTALITY IN RUSSIA AND BELARUS AS A THREAT TO THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORIES

The article deals with the problem of high mortality of able-bodied population as a major cause of depopulation and the structural transformation of the population in Russia and Belarus. The authors consider the tendencies and characteristics of the demographic development of the Union State in comparison with the EU countries. The main reasons for the able-bodied population super-mortality have been revealed, and the time intervals, which are necessary to achieve the European average mortality level under the rates of its decline, have been predicted. There is a review of public policy in this area.

Depopulation, mortality, able-bodied population, life span, health protection, public policy.

Selin M.V., Uskov V.S.

THE STATE AND DEVELOPMENTAL TRENDS OF FRUIT AND BERRY MARKET IN THE NORTH-WESTERN REGIONS OF RUSSIA

The article emphasizes the importance of increased consumption of fruit and berry products to the standards, which are recommended by medicine in order to improve public health. It analyzes the modern developmental trends of fruit and berry market in the North-West Federal District and considers the main directions of this market development that cover the state support and regulation of this market, its pricing and competition progress.

Key words: fruit and berry market, consumption level, supply and demand factors, organizational and economic mechanisms.

Sovetov P.M., Fedorkov A.I., Kabichkin S.E.

METHODOLOGICAL ASPECTS FOR THE ASSESSMENT OF THE STATE AND USE OF HUMAN CAPITAL

The article is devoted to the efficient use of human capital. It describes the methodical approaches of Russian and foreign scholars to the category of "human capital". There is an author's interpretation of human capital; its main components are revealed. There are the criteria and indicators for assessing the state and use of human capital of the agricultural organizations. The authors provide a tested mechanism to enhance employees' motivation for highly productive labor based on the study of staff motivational complex.

Key words: human capital, intelligence, motivational complex, agriculture, intensification, labour quality, heavy-producing labour.

Ostretsov V.N., Zhiltsov V.V.

THE EFFECTIVENESS OF LIVESTOCK FARMING MECHANIZATION

The article deals with the economic analysis of the current state of milk production in Russia in comparison with the developed countries. The possibility of efficient milk production due to the advanced production technology and the methods of cow maintenance and milking are considered in the case of "Livestock Breeding Farm under the name of 50 Years of the USSR", which is located in the Gryazovets District of the Vologda Oblast.

Key words: dairy cattle breeding in Russia, advanced technology, the efficiency of milk production.

Nikolaev A.E.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL SPHERE OF DEFENSE INDUSTRY: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

The article is devoted to the problems and prospects of cooperation between state and business as key areas in the strategy of technological modernization and maintaining the competitiveness of the economy. It analyzes the international experience of public-private partnership in the scientific and technological content of the military economy.

The analysis held in the course of research has proved that the PPP in the defensive industrial complex of the Russian Federation is the best and often the only possible perspective of the further innovative development of the industry.

Key words: public-private partnership, defensive industrial complex, innovative activity, dual-purpose technologies, State defensive order, Government program of arms.

Sherin V.A.

INVESTIGATION OF THE CONNECTION BETWEEN THE STATISTICAL INDICATORS OF INNOVATIVE PROCESSES AND THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE REGION

Many domestic scientific publications are devoted recently to innovative character of the development of the Russian economy and its regions. Innovative processes in the regions are associated frequently with the basic priorities of their social and economic development. This innovation assessment should have a strong basis. The subject of the article is the study of the major features of the social and economic development in one of the Russian regions against the background of the innovative processes in this region.

Key words: innovative development, region, indicators, economic and social situation, investments.

Styrov M.M.

TRENDS OF SOCIAL EXPENDITURES IN THE NORTH OF RUSSIA

The article reveals the features of social expenditures in the North of Russia. It contains the analysis of the main sources of funding such as regional and municipal budgets and off-budget funds. The following trends are revealed: heightened social costs caused by high life-support expenses, increasing of social expenditures, reinforcement of social policy due to the raise in pensions, smoothing of spatial and structural differences.

Key words: budget, public health, culture, education, region, the North, social security, social policy, social expenditures, finances.

Kurilo A.E., Nemkovich E.G.

THE SPIRITUAL COMPONENT OF THE INVESTMENT PROCESS IN THE REPUBLIC OF KARELIA

The article describes the possibility to modernize the socio-economic system of the region on the basis of a spiritual component. In modern conditions it's necessary for the Republic, as well as for the whole country, to include a revival component of Russian spirituality in the process of modernization. The authors characterize the investment process in the Republic of Karelia in this article and consider the necessity to increase investment in human capital in the implementation of a major integrated project "Spiritual rebirth of the North".

Key words: regional economy, economy modernization, investment activity, investment in human capital.

Dorogovtseva A.A., Erygina A.V., Dorogovtsev A.P.

THE IMPLEMENTATION OF THE ECONOMIC CONTROL MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION (IN THE CASE OF WATER BODIES IN ST. PETERSBURG)

Economic approaches to rational nature management and environmental protection are becoming increasingly important in environmental management. There are inevitable contradictions between economic activity and natural systems that reveal in varying degree and that have different ways of solution. The formation of an effective economic mechanism of nature management and environmental protection is a preferred direction in this case. The article investigates the payment for natural resources, fines for violations, as well as the cost of the natural environment restoration as the most significant factors in environmental protection.

Key words: the economic mechanism of nature management, environmental protection, rational nature management, natural resource limits, standards of payments and the amount of payments, environmental funds, environmental stimulation.

Сведения об авторах

Артюхин Михаил Иванович	
Учёная степень	Кандидат философских наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт социологии НАН Беларуси
Занимаемая должность	Руководитель Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров
Служебный тел./факс	(017) 284-10-90
E-mail	art47@mail.ru
Почтовый адрес организации	220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2
Асанович Валерий Яковлевич	
Учёная степень	Доктор химических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Белорусский государственный экономический университет
Занимаемая должность	Профессор кафедры прикладной математики и экономической кибернетики
Служебный тел./факс	8 (0172) 203-01-07
E-mail	asan41@gmail.com
Почтовый адрес организации	220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, д. 26
Боброва Анастасия Григорьевна	
Учёная степень	Аспирант
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт экономики НАН Беларуси
Занимаемая должность	
Служебный тел./факс	
E-mail	nastasiabobrova@mail.ru
Почтовый адрес организации	220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2
Глазьев Сергей Юрьевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Академик РАН
Полное название организации – места работы	Институт новой экономики им. Д.С. Львова Государственного университета управления
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	
E-mail	glazievs@mail.ru
Почтовый адрес организации	109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр., д. 99
Дедков Сергей Маратович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Государственное научное учреждение «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси»
Занимаемая должность	И.о. директора
Служебный тел./факс	8 (017) 284-08-63 / 294-92-64
E-mail	Dedkov2003@mail.ru
Почтовый адрес организации	220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, д. 1
Дороговцев Анатолий Павлович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Член-корреспондент РАСХН, профессор
Полное название организации – места работы	Вологодский государственный технический университет
Занимаемая должность	Зав. кафедрой экономики и менеджмента
Служебный тел./факс	8(8172) 53-74-66
E-mail	kemp@mh.vstu.edu.ru
Почтовый адрес организации	160000, Россия, г.Вологда, ул. Ленина, д. 15

Дороговцева Анна Анатольевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент, академик МАНЭБ
Полное название организации – места работы	Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)
Занимаемая должность	Зав. кафедрой управления персоналом и рекламы
Служебный тел./факс	
E-mail	doroganna@mail.ru
Почтовый адрес организации	190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 26
Егоров Валерий Кузьмич	
Учёная степень	Кандидат исторических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Научно-организационное управление РАН
Занимаемая должность	Начальник отдела гуманитарных и общественных наук
Служебный тел./факс	8 (495) 237-43-31 / 237-44-21
E-mail	vegorov@presidium.ras.ru
Почтовый адрес организации	119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 14, корпус 2
Ерыгина Анна Владимировна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)
Занимаемая должность	Доцент
Служебный тел./факс	
E-mail	erygina_a@mail.ru
Почтовый адрес организации	190013, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 26
Жильцов Владимир Васильевич	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Орден Трудового Красного Знамени Племзавод-колхоз имени 50-летия СССР
Занимаемая должность	Председатель
Служебный тел./факс	(81755) 41-2-24
E-mail	let50@vologda.ru
Почтовый адрес организации	162030, Россия, Вологодская область, Грязовецкий район, п. Юрово, ул. Центральная, д. 2
Зайцева Екатерина Ивановна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Мурманская областная Дума
Занимаемая должность	Консультант комитета по бюджету, финансам и налогам
Служебный тел./факс	(8152) 40-17-15
E-mail	
Почтовый адрес организации	183016, Россия, г. Мурманск, ул. С. Перовской, д. 2
Ильин Владимир Александрович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор, заслуженный деятель науки РФ
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Директор
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-79
E-mail	ilina@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Истомин Анатолий Васильевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник
Служебный тел./факс	(81555) 7-94-19
E-mail	
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Кабичкин Сергей Евгеньевич	
Учёная степень	Соискатель кафедры управления производством ФГБОУ ВПО ВГМХА им. Н.В. Верещагина
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева»
Занимаемая должность	Ассистент кафедры экономического анализа и статистики
Служебный тел./факс	
E-mail	kab.sg@inbox.ru
Почтовый адрес организации	390044, Россия, г. Рязань, ул. Костычева, д. 1
Курило Анна Евгеньевна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент по специальности, доцент по кафедре
Полное название организации – места работы	ФГБУН Институт экономики Карельского научного центра РАН
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник отдела проблем моделирования и прогнозирования регионального развития
Служебный тел./факс	8 (8142) 57-15-25 / 57-22-10
E-mail	akurilo@mail.ru
Почтовый адрес организации	185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50
Леонидова Галина Валентиновна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Зав. лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала населения отдела исследования уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95 / 54-44-02
E-mail	galinaleonidova@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Маланичева Надежда Антоновна	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	Malony82@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Немкович Евгений Григорьевич	
Учёная степень	Кандидат технических наук
Учёное звание	Доцент по специальности, доцент по кафедре
Полное название организации – места работы	ФГБУН Институт экономики им. Г.П. Лузина Карельского научного центра РАН
Занимаемая должность	Ведущий научный сотрудник отдела территориальных стратегий и программ
Служебный тел./факс	8 (8142) 57-22-10 / 57-22-10
E-mail	enemkovich@mail.ru
Почтовый адрес организации	185030, Россия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50

Николаев Алексей Евгеньевич	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Филиал Военной академии Министерства обороны РФ в г. Череповце Вологодской области
Занимаемая должность	Старший научный сотрудник
Служебный тел./факс	8 (8202) 55-68-41
E-mail	aleksnik.104@mail.ru
Почтовый адрес организации	162622, Россия, г. Череповец, пр. Советский, д. 126
Острецов Владимир Николаевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина»
Занимаемая должность	Профессор
Служебный тел./факс	(8 8172) 52-53-97
E-mail	
Почтовый адрес организации	160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2
Селименков Роман Юрьевич	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	И.о. зам. зав. отделом
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	rus_vsc@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Селин Владимир Степанович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник
Служебный тел./факс	(81555) 7-94-19
E-mail	silin@iep.kolasc.net.ru
Почтовый адрес организации	184209, Россия, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а
Селин Михаил Васильевич	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина»
Занимаемая должность	Зав. кафедрой экономики
Служебный тел./факс	
E-mail	mihail.selin@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2
Советов Павел Михайлович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина»
Занимаемая должность	Профессор кафедры управления производством
Служебный тел./факс	
E-mail	sovetovpm@yandex.ru
Почтовый адрес организации	160555, г. Вологда, с. Молочное, ул. Шмидта, д. 2

Стыров Максим Михайлович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Занимаемая должность	Научный сотрудник, лаборатория проблем регионального воспроизводства
Служебный тел./факс	8 (8212) 44-06-84 / 24-42-67
E-mail	Styrov@iespn.komisc.ru
Почтовый адрес организации	167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
Сысоева Евгения Александровна	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
Занимаемая должность	Доцент кафедры статистики
Служебный тел./факс	8(834) 2-29-06-80
E-mail	sysoewa@mail.ru
Почтовый адрес организации	430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68
Ускова Тамара Витальевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Заместитель директора по научной работе, зав. отделом проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	tvu@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Усков Владимир Сергеевич	
Учёная степень	
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН»
Занимаемая должность	Младший научный сотрудник отдела инновационной экономики
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	v-uskov@mail.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
Федорков Александр Иванович	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования Северо-западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Занимаемая должность	Заместитель директора
Служебный тел./факс	8 (812) 323-50-88
E-mail	fedorkov@szags.ru
Почтовый адрес организации	199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского острова, д. 57/43
Шабунова Александра Анатольевна	
Учёная степень	Доктор экономических наук
Учёное звание	Доцент
Полное название организации – места работы	Институт социально-экономического развития территорий РАН
Занимаемая должность	Заведующий отделом уровня и образа жизни населения
Служебный тел./факс	8 (8172) 54-43-95
E-mail	aaS@vscc.ac.ru
Почтовый адрес организации	160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Шахотько Людмила Петровна	
Учёная степень	Доктор социологических наук
Учёное звание	Профессор
Полное название организации – места работы	Институт экономики НАН Беларуси
Занимаемая должность	Главный научный сотрудник отдела комплексных проблем социально-экономического развития
Служебный тел./факс	(375 17) 284-15-60
E-mail	shakhotska@mail.ru
Почтовый адрес организации	220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2
Шерин Владимир Александрович	
Учёная степень	Кандидат экономических наук
Учёное звание	Старший научный сотрудник
Полное название организации – места работы	Ульяновский государственный университет
Занимаемая должность	Доцент кафедры государственного управления и права
Служебный тел./факс	8 (8422) 41-20-88
E-mail	kapital87@yandex.ru
Почтовый адрес организации	432970, Россия, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42
Шухатович Виолетта Руслановна	
Учёная степень	Кандидат социологических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Институт социологии НАН Беларуси
Занимаемая должность	Зав. сектором социологии здоровья и человеческого развития
Служебный тел./факс	+375 (17) 284-27-74
E-mail	violetta_sh@mail.ru
Почтовый адрес организации	220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2
Якунин Владимир Иванович	
Учёная степень	Доктор политических наук
Учёное звание	
Полное название организации – места работы	Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
Занимаемая должность	Научный руководитель и председатель Попечительского Совета Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН, президент ОАО «РЖД»
Служебный тел./факс	(495) 981-57-03
E-mail	frpc@cea.ru
Почтовый адрес организации	107078, Россия, г. Москва, ул. Каланчевская, д. 15

Требования к оформлению статей

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, **содержать** следующие **аспекты**: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом — на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи — не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) — для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (1 экз., на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 — 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблем, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)**, размером 4 на 6 см, в формате tif (предпочтительно) или jpeg, разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключен Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **почтой** по адресу: 160014, Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscc.ac.ru**

Факс (8172) 54-44-02. Тел. (8172) 54-43-85 (доб. 144,125).

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscc.ac.ru>

Типовой Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20 ____ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН», именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице заместителя директора по научной работе _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», заключили настоящий договор (далее – «**Договор**») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору **Лицензиар** предоставляет **Лицензиату неисключительные права** на использование _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемого в дальнейшем «**Произведение**», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. **Лицензиар** гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое **Лицензиату** **Произведение**.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение **Произведения** (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение **Произведения**) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр **Произведения** должен содержать имя **автора** **Произведения**;

2.1.2. право на распространение **Произведения** любым способом;

2.1.3. право на переработку **Произведения** (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в **Произведение**, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование **Произведения** и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты **Лицензиару** вознаграждения.

2.2. **Лицензиар** гарантирует, что **Произведение**, права на использование которого переданы **Лицензиату** по настоящему Договору, является оригинальным произведением **Лицензиара**.

2.3. **Лицензиар** гарантирует, что данное **Произведение** никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. **Лицензиар** передает права **Лицензиату** по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. **Лицензиар** обязан предоставить **Лицензиату** **Произведение** в **печатной/электронной версии** для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если **Лицензиатом** не предъявлены к **Лицензиару** требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи **Произведения**, Стороны подписывают Акт приема-передачи **Произведения**.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи **Произведения** является моментом передачи **Лицензиату** прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. **Лицензиат** обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права **Лицензиара**, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на **Произведение**, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

4.1. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.5. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.6. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.7. Во всем, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.8. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:
ИСЭРТ РАН

ИНН 3525086170; КПП 352501001
Юридический и почтовый адрес: 160014, г. Вологда,
ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН лиц. счет
03301113650
расч. сч. 40503810100001000206 (внебюдж.)
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской области,
г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067, ОКОНХ 95110
Назначение платежа 31930201010010000130
п. 3 «Издание печатной продукции»

От Лицензиата

Зам. директора ИСЭРТ РАН

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда _____
ИНН: № _____
Страховое свидетельство государственного
пенсионного страхования:
№ _____

Лицензиар:

подпись

подпись, ф., и., о. полностью

АКТ
приёма-передачи произведения

г. Вологда

« ____ » _____ 20 ____ г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН», именуемое в дальнейшем «**Лицензиат**», в лице заместителя директора по научной работе _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «**Лицензиар**», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «**Сторона/Стороны**», составили настоящий акт о том, что Лицензиар предоставил Лицензиату Произведение _____ в **печатной/электронной версии** для использования в соответствии с подписанным сторонами Лицензионным договором № _____ от « ____ » _____ 20 ____ г.

Передал

Лицензиар:

Принял

От Лицензиата:

Зам директора ИСЭРТ РАН

подпись

ф., и., о. полностью

М. П.

подпись

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Почта России»: подписной индекс **83428**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Подписку на журнал можно также оформить через редакцию журнала. Для этого необходимо заполнить бланк заказа (его образец размещён на сайте журнала: URL: <http://esc.vscs.ac.ru/storage/docs/rodpriska.pdf>) и выслать его в наш адрес. Вам будет выставлен счёт на общую сумму заказа, после оплаты которого производится высылка номеров журнала. В этом случае стоимость одного номера журнала будет составлять 275 руб. (с учётом доставки).

Оформить заказ можно по почте, факсу, электронной почте.

Адрес: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН), 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а.

Тел. (8172) 54-43-85 факс. (8172) 54-44-02.

E-mail: common@vscs.ac.ru

Банковские *реквизиты*: ИНН 3525086170; КПП 352501001

УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН лиц. счет 03301113650)

расч. счёт 40503810100001000206 (внебюдж.)

ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской области, г. Вологда

БИК 041909001, ОКПО 22774067, ОКОНХ 95110

Назначение платежа 31930201010010000130 п. 3 «Издание печатной продукции»

Ф. СП-1		Министерство связи РФ											
		АБОНЕМЕНТ на <u>газету</u> 83428 журнал (индекс издания)											
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (наименование издания)											
												Количество комплектов:	
		на 2012 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
		(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому													
		(фамилия, инициалы) Тел.											
		Доставочная карточка											
ПВ		место литер		на <u>газету</u> 83428 журнал (индекс издания)									
		«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (наименование издания)											
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов					
		пере-адресовки		руб.		коп.							
		на 2012 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12		
Куда													
		(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому													
		(фамилия, инициалы)											

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
	Е.С. Нефедова
Корректор	Т.Е. Езовских

Подписано в печать 13.04.2012.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,9. Тираж 500 экз. Заказ № 138.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-37798 от 12 октября 2009 года
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт социально-экономического развития территорий РАН»

Адрес издателя: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ИСЭРТ РАН